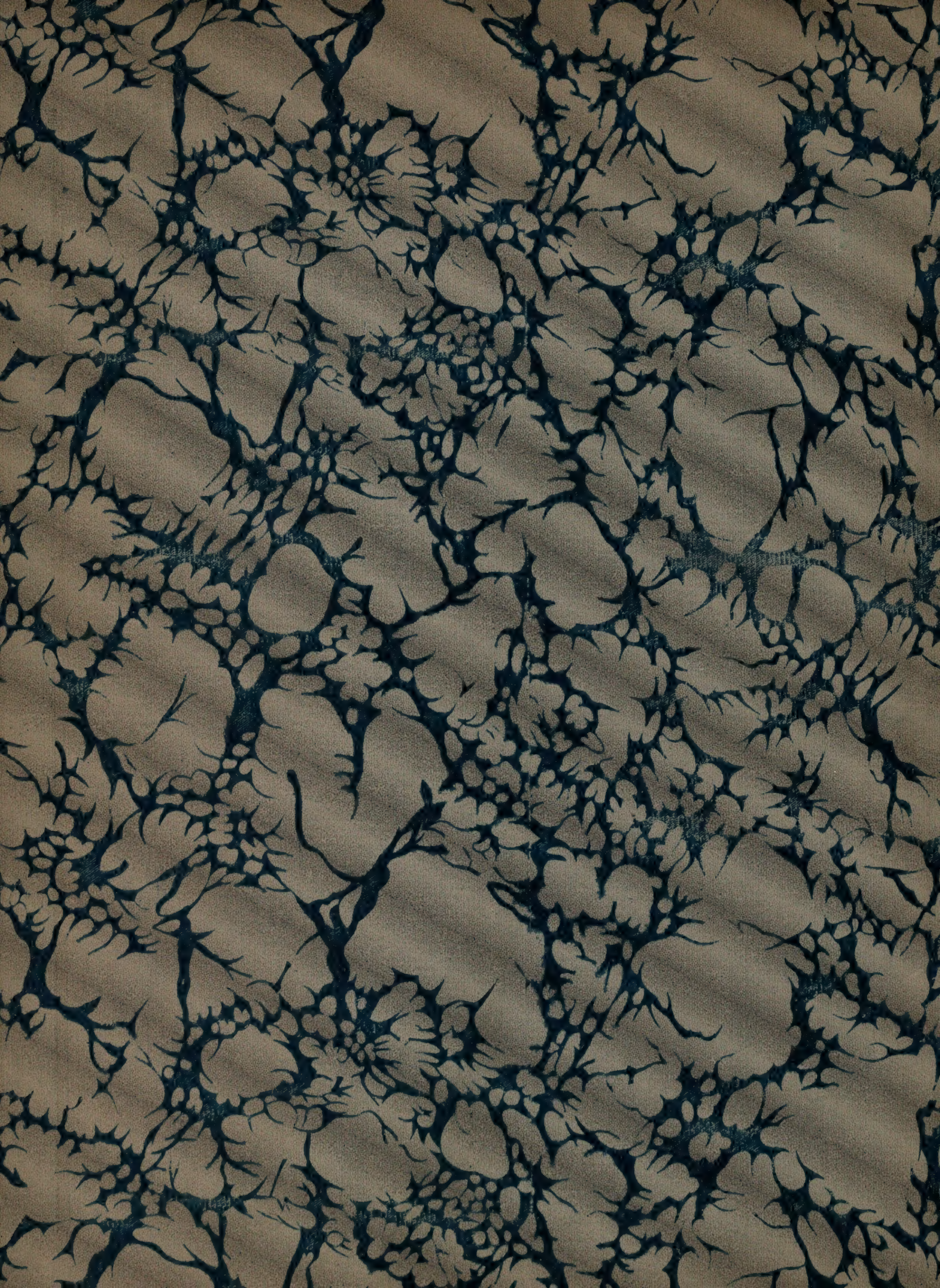
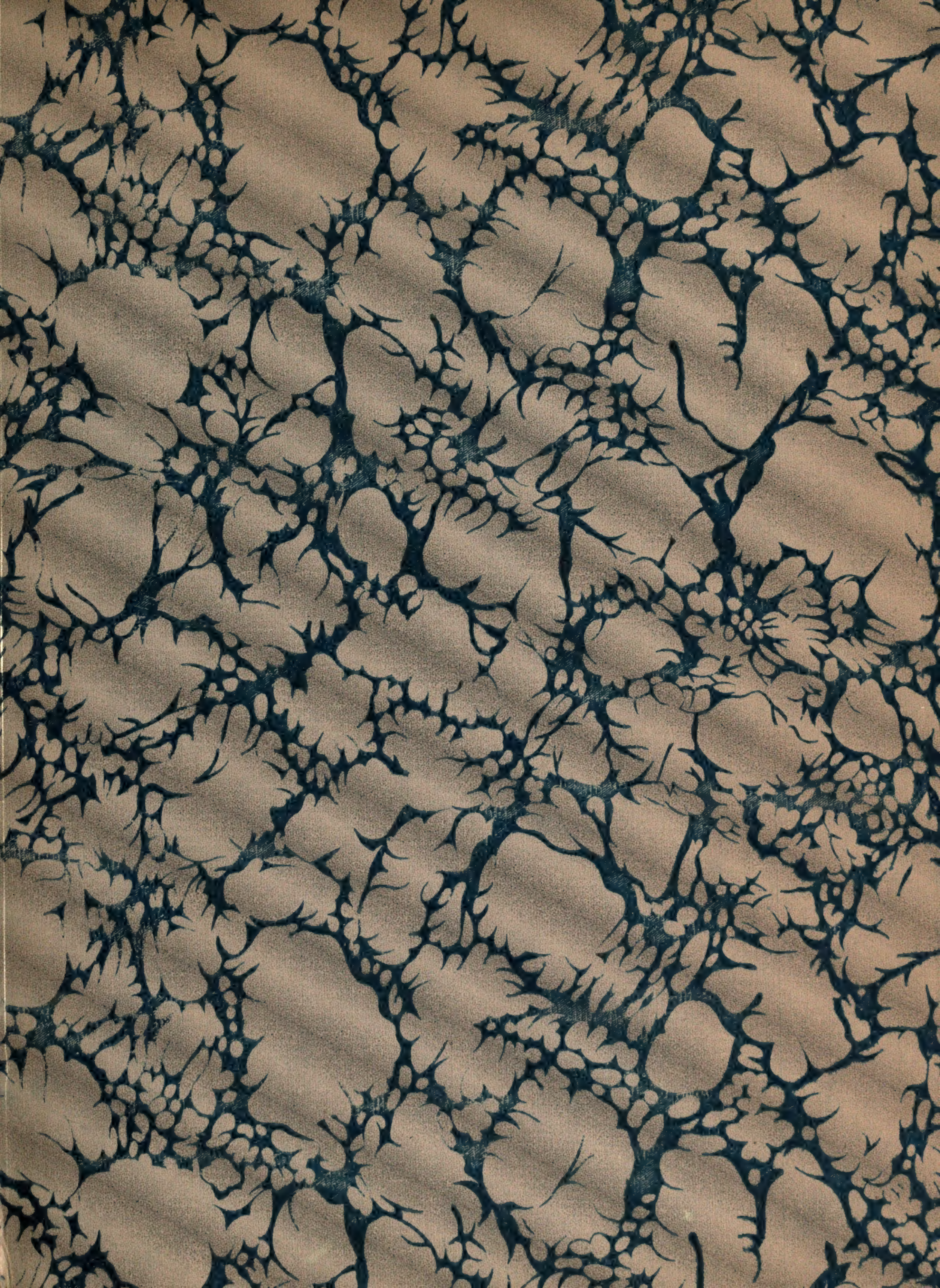
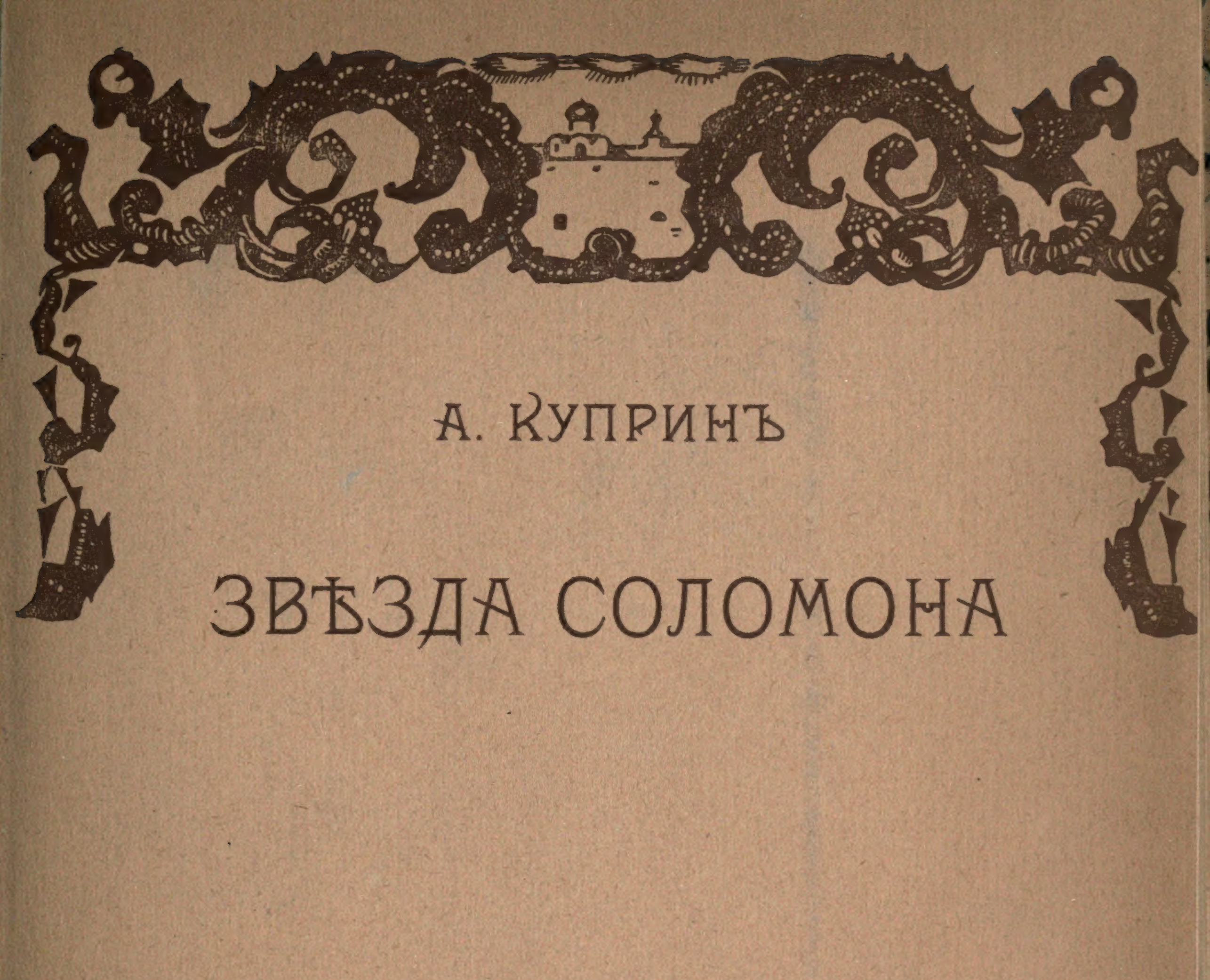

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324367 2
PG
3467
K8
Z45

Coll cruze
10

А. КУПРИНЪ

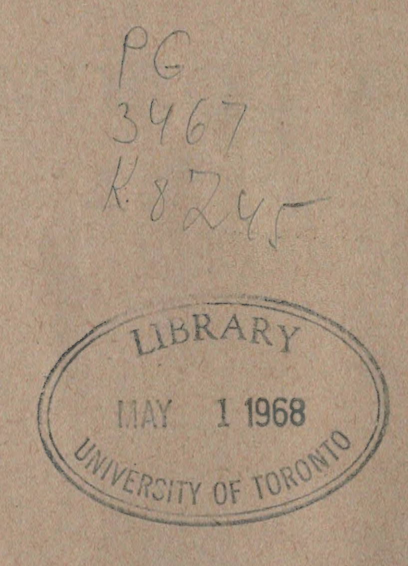
ЗВѢЗДА СОЛОМОНА

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ 1920 г.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛІОНЪ“

А. КУПРИНЪ

ЗВѢЗДА СОЛОМОНА

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ 1920 г.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛІОНЪ“

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ 1920 г.
АКЦ. ОБЩ. ЭВЛУНДЪ и ПЕТТЕРСОНЪ

ЗВѢЗДА СОЛОМОНА

Странныя и маловѣроятныя событія, о которыхъ сейчасъ будетъ разсказано, произошли въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ жизни одного молодого человѣка, ничѣмъ не замѣчательнаго, кромѣ, развѣ, своей скромности, доброты и полнѣйшей неизвѣстности міру. Звали его Иванъ Степановичъ Цвѣтъ. Служилъ онъ маленькимъ чиновникомъ въ Сиротскомъ Судѣ, даже, говоря точнѣе, и не чиновникомъ а только канцелярскимъ служителемъ, потому что еще не выслужилъ перваго громкаго чина коллежскаго регистратора, и получалъ 37 руб. 24 $^1/_2$ коп. въ мѣсяцъ. Конечно, трудно было бы сводить концы съ концами при такомъ ничтожномъ жалованьи, но милостивая судьба благоволила къ Цвѣту, должно быть, за его душевную простоту. У него былъ малюсенькій, но чистенькій, свѣжій и пріятный голосокъ, такъ себѣ, карманный голосишко, тенорокъ-брелокъ, — сокровище, не Богъ вѣсть, какой важности, но все-таки, благодаря ему, Цвѣтъ пѣлъ въ церковномъ хорѣ своего богатаго прихода, замѣняя иногда солистовъ, а это, вмѣстѣ съ разными пѣвческими холтурами, вродѣ свадебъ, молебновъ, похоронъ, панихидъ и пр., увеличивало болѣе, чѣмъ вдвое его скудный казенный заработокъ. Кромѣ того, онъ съ удивительнымъ мастерствомъ и вкусомъ вырѣзалъ и клеилъ изъ бумаги, фольги, позументовъ и обрѣзковъ атласа и шелка очень изящныя бонбоньерки для кондитерскихъ, блестящіе котильонные ордена и елочныя украшенія. Это побочное ремесло тоже давало небольшую прибыль, которую Иванъ Степановичъ аккуратно высылалъ въ городъ Кинешму своей матушкѣ, вдовѣ брандмейстера, тихо доживавшей старушечій вѣкъ на нищенской пенсіи въ крошечномъ собственномъ домишкѣ, вмѣстѣ съ двумя дочерьми, перезрѣлыми и весьма некрасивыми дѣвицами.

Жилъ Цвѣтъ мирно и уютно, вотъ уже шестой годъ подрядъ все въ одной и той же комнатѣ въ мансардѣ надъ пятымъ этажемъ.

Потолкомъ ему служилъ наклонный и трехгранный скатъ крыши, отчего вся комнатка имѣла форму гроба; зимой бывало въ ней холодно, а лѣтомъ чрезвычайно жарко. Зато за окномъ былъ довольно широкій внѣшній выступъ, на которомъ Цвѣтъ по веснѣ выгонялъ въ лучинныхъ коробкахъ настурцію, резеду, лакфіоль, петунью и душистый горошекъ. Зимою же на внутреннемъ подоконникѣ шарашились колючіе бородавчатые кактусы и степенно благоухала герань. Между тюлевыми занавѣсками, подхваченными синими бантами, висѣла клѣтка съ породистымъ голосистымъ кенаремъ, который погожими днями, купаясь въ солнечномъ свѣтѣ и въ фарфоровомъ корытцѣ, распѣвалъ пронзительно и самозабвенно. У кровати стояли дешевенькія ширмочки съ китайскимъ рисункомъ, а въ красномъ углу обрамленное шитымъ стариннымъ костромскимъ полотенцемъ, утверждено было Божіе Милосердіе, образъ Богородицы-Троеручицы, и передъ нимъ подъ праздники сонно и сладостно теплилась розовая граненая лампадка.

И всѣ любили Ивана Степановича. Квартирная хозяйка—за порядочное, въ примѣръ инымъ прочимъ, буйнымъ и скоропреходящимъ жильцамъ, поведеніе, товарищи—за открытый привѣтливый характеръ, за всегдашнюю готовность услужить работой и денежной ссудой, или замѣнить на дежурствѣ товарища, увлекаемаго любовнымъ свиданіемъ; начальство—за трезвость, прекрасный почеркъ и точность по службѣ. Своимъ канареечнымъ прозябаніемъ самъ Цвѣтъ былъ весьма доволенъ и никогда не испытывалъ судьбу чрезмѣрными вожделѣніями. Хотѣлось ему, правда, и круто хотѣлось—получить завѣтный первый чинъ и надѣть въ одно счастливое утро великолѣпную фуражку съ темно-зеленымъ бархатнымъ околышемъ, съ зерцаломъ и съ широкой тульей, франтовато притиснутой съ обоихъ боковъ. И экзаменъ былъ имъ на этотъ предметъ сданъ, только далеко не блестяще, особенно по географіи и исторіи, и потому мечты носились пока въ густомъ розовомъ туманѣ. Давно заказанная фуражка покоилась въ картонкѣ, въ нижнемъ ящикѣ комода. Иногда, придя изъ присутствія, Цвѣтъ извлекалъ ее на свѣтъ Божій, приглаживалъ бархатъ рукавомъ и сдувалъ съ сукна невидимыя пылинки. Онъ не курилъ, не пилъ, не былъ ни картежникомъ, ни волокитой. Позволялъ себѣ только разумныя и дешевыя удовольствія: по субботамъ, послѣ всенощной —жаркую баню съ долгимъ любовнымъ пареньемъ на полкѣ, а въ воскресеніе утромъ—кофе съ топлеными сливками и съ шафраннымъ

кренделемъ. Изрѣдка совершалъ онъ прогулки на Вербы, на Троицкое катанье, на балаганы, на ледоходъ и на Іордань и разъ въ годъ ходилъ въ театръ на какую-нибудь сильную, патріотическую пьесу, гдѣ было побольше дѣйствій, а также слезъ, криковъ и порохового дыма.

Была у него одна невинная страстишка, а, пожалуй, даже призваніе—разгадывать въ журналахъ и газетахъ всевозможные ребусы. шарады, ариѳмографы, картограммы и прочую путаную белиберду. Въ этой пустяковой области Цвѣтъ отличался несомнѣннымъ, выдающимся, исключительнымъ талантомъ, и много было случаевъ что онъ для своихъ товарищей и знакомыхъ, выписывающихъ недорогія еженедѣльныя изданьица, разгадывалъ, шутя, сложныя премированныя задачи. Высокимъ мастеромъ былъ онъ также въ чтеніи всевозможныхъ секретныхъ шифровъ, и объ этомъ странномъ дарованіи Ивана Степановича наша правдивая, хотя и неправдоподобная повѣсть разказываетъ не случайно, а съ нарочитымъ подчеркиваніемъ, которое станетъ яснымъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Изрѣдка, въ праздничные дни, подъ вечерокъ, заходилъ Цвѣтъ—и то по особо настойчивымъ приглашеніямъ—въ одинъ трактирный низокъ подъ названіемъ «Бѣлыя Лебеди«. Тамъ иногда собирались почтамтскіе, консисторскіе, благочинскіе и сиротскіе чиновники, а также семинаристы и кое-кто изъ соборныхъ пѣвчихъ—голосистая, хорошо сладившаяся, опытная въ хоровомъ пѣніи компанія. Толстый и суровый хозяинъ, господинъ Нагурный, страстный обожатель умилительныхъ церковныхъ пѣснопѣній, охотно отводилъ на эти случаи просторный «банкетный« кабинетъ. Пѣлись старинныя русскія пѣсни, кое-что изъ малорусскаго репертуара, особенно изъ «Запорожца за Дунаемъ«, но чаще—церковное, строгаго стиля, вродѣ «Чертогъ Твой вижду«, «Егда славніи ученицы« или изъ бахметьевскаго обихода греческіе распѣвы. Регентовалъ обычно великій знатокъ Среброструновъ отъ Знаменія, а октаву держалъ самъ знаменитый и препрославленный Сугробовъ, бродячій октавистъ, горькій пьяница и сверхъестественной глубины басъ. Хозяину Нагурному пѣть разъ навсегда было строго запрещено, вслѣдствіе полнаго отсутствія голоса и слуха. Онъ только дирижировалъ головой, дѣлалъ то скорбное, то строгое, то восторженное лицо, закатывалъ глаза, хлюпалъ носомъ и—старый потертый крокодилъ—плакалъ настоящими, въ орѣхъ величиною, слезами. И часто, разнѣжившись, ставилъ выпивку и закуску.

На этихъ любительскихъ концертахъ Иванъ Степановичъ, случалось, не могъ отказатьзя отъ стакана-другого пива, отъ рюмочки Сантуринскаго или Кагора. Но пріятнѣе ему было всетаки скромно угостить хорошаго знакомаго, чаще всего—волосатаго и звѣроподобнаго октависта Сугробова, къ которому онъ питалъ тѣ же почтительныя, боязливыя, наивныя и влюбленныя чувства, какія испытываетъ порою пылкій десятилѣтній мальчуганъ передъ пожарнымъ трубникомъ въ сіяющей мѣдной каскѣ.

II.

26-е апрѣля пришлось какъ разъ въ воскресенье, въ храмовой праздникъ прихода, гдѣ пѣлъ Иванъ Степановичъ. Кромѣ обычной обѣдни была еще отслужена заупокойная литургія, заказанная вдовой именитаго купца Солодова, по случаю мужниныхъ сороковинъ. Пѣвчіе, старавшіеся во всю, были награждены расплакавшеюся купчихой съ неслыханной щедростью (поговаривали, что покойный сильно поколачивалъ въ хмѣлю свою супругу, и что еще при жизни мужа она утѣшалась съ красавцемъ старшимъ приказчикомъ). Послѣ литургіи пропѣли панихиду на дому, а къ поминальному обильному столу, вмѣстѣ съ духовенствомъ и нарочито приглашеннымъ соборнымъ протодіакономъ, былъ позванъ и церковный хоръ.

День закончился въ «Бѣлыхъ Лебедяхъ« настоящимъ разливаннымъ моремъ, и какъ-то само собой случилось, что Цвѣтъ, всегда умѣренный и не любившій вина, выпилъ гораздо болѣе того, что, ему было допущено привычкой и натурой. Но отъ этого онъ вовсе не потерялъ своихъ милыхъ и теплыхъ внутреннихъ свойствъ а, наоборотъ, забывъ о всегдашней застѣнчивости и слегка распахнувшись душой, сталъ еще добрѣе и привлекательнѣе. Съ нѣжной предупредительностью подливалъ онъ пиво въ стаканы то октависту Сугробову, то огромному протодіакону Картаґенову, котораго безъ особыхъ усилій компанія затащила въ ресторанный подвальчикъ. Восторженно слушалъ онъ, какъ эти двѣ городскія знаменитости, оба красные, потные, мохнатые съ напружившимися жилами на шеяхъ, переговаривались черезъ столъ рокочущими густыми голосами, заставлявшими тяжело и гулко колебаться весь воздухъ въ низкой и просторной комнатѣ. Обнималъ онъ также и многократно цѣловалъ жеманнаго курчаваго и толстаго Среброструнова, увѣрялъ, что мѣсто ему по его великимъ

талантамъ, быть не регентомъ въ маленькомъ губернскомъ городѣ, а, по крайней мѣрѣ, управлять придворной капеллой, или московскимъ синодальнымъ хоромъ, и клятвенно обѣщался подарить къ именинамъ Среброструнова золотой камертонъ съ надписью и къ нему—замѣчательный футляръ изъ краснаго сафьяна, собственноручной работы.

Въ этотъ вечеръ пѣли мало и не по-всегдашнему стройно: сказались усталость и купеческое широкое хлѣбосольство. Но говорили много, громко, возбужденно и всѣ разомъ. Высокія носовыя и горловыя ноты теноровыхъ голосовъ плыли и дрожали на фонѣ струннаго басового гудѣнія, точно сверкающая рябь солнечнаго заката на глубокой полосѣ спокойной, широкой рѣки. И Цвѣту мгновеньями казалось, что онъ самъ среди пестраго говора, въ синихъ облакахъ табачнаго дыма, пронизаннаго мутными пятнами огней тихо плыветъ куда-то въ темную даль, испытывая сладкое, сонное, раздражающее головокруженіе, какую-то пріятную, лазурную съ алыми пятнами одурь. Порою оттдѣльные куски разговора вставали передъ нимъ съ необыкновенной, преувеличенной яркой ясностью.

— Я и не скрываю. Чего мнѣ скрывать? — говорилъ смуглый угреватый и мрачный баритонъ Карпенко. — Есть у меня одинъ выигрышный билетъ. Перваго мая ему розыгрышъ. Хоть онъ и заложенный, а все-таки я его сколотилъ на мои кровные труды, и никому до этого нѣтъ никакого дѣла. Вотъ на зло, выиграю 1-го мая двѣсти тысячъ и брошу къ чортовой матери и хоръ, и службу. И заживу паномъ. Положу деньги подъ закладную дома изъ десяти процентовъ. Проценты буду проживать, а капиталъ не трону. Двадцать тысячъ въ годъ. Буду обѣдать у Смульскаго, а за обѣдомъ портвейнъ пить по два съ полтиной бутылка. Попробуйте-ка у меня тогда занять денегъ. А н-ни копейки, ни грошика. Н-никому! Зась!

— Го-го-го, — загрохоталъ оглушительно Картагеновъ. — Я разъ выигралъ на билетъ пятьсотъ рублей.

— Какъ это такъ, отецъ діаконъ? На билетъ отъ конки?

— Ничуть не бывало. Взаправду. Мой батька, какъ вамъ, можетъ быть, извѣстно, былъ, вродѣ меня, соборнымъ протодіакономъ, но только не здѣсь, а въ Москвѣ. И голосомъ онъ обладалъ ужасающимъ, вродѣ царя-колокола, или самолетскаго парохода. Что я передъ нимъ? Моз-глякъ!—рявкнулъ Картагеновъ, и отъ

его возгласа заколебались огненные языки въ лампахъ. — Однажды ему за свадебнаго апостола купцы подарили шесть выигрышныхъ билетовъ. Тогда они еще по сту съ небольшимъ ходили. Вотъ, онъ, значитъ, всѣ эти билеты перетасовалъ и раздалъ, какъ карты, не глядя, и потомъ на каждомъ надписалъ имена: свое, маменькино и насъ четверыхъ: мое, двухъ братьевъ и сестренкино. И засунулъ за образа.

Однако, не застраховалъ. Побоялся искушенія. Сказано въ писаніи: «не надѣйтеся ни на князи, ни на сыны человѣческіе«. И положилъ онъ между нами всѣми такой нерушимый уговоръ: если кто выиграетъ пятьсотъ рублей, тому выигрышъ идетъ цѣликомъ — малолѣткамъ ко дню ихъ совершеннолѣтія. А на руки немедленная единовременная премія, въ пропорціи возраста. Мнѣ, напримѣръ, было высчитано рубль сорокъ копеекъ. Если же на чей билетъ падетъ больше, то всѣ деньги дѣлятся между участниками и хранятся по уговору, хотя счастливцу все-таки выдается увеселительный наградной кушъ. За тысячу—три рубля, за пять тысячъ—десять и такъ далѣе, съ благоразумнымъ уменьшеніемъ процентовъ. За двѣсти же тысячъ — пятьдесятъ цѣлковыхъ, по тогдашнему времени—цѣлый корабль съ мачтами и еще груженый золотомъ.

Пришло первое мая. Отецъ нарочно купилъ газету, надѣлъ очки и смотритъ. Глядь—готово. Мой номеръ. Цифра въ цифру. Такъ и напечатано: вышелъ въ тиражъ погашенія нумеръ такой-то, серія такая-то. Что такое за штука тиражъ—никому не было тогда извѣстно: ни отцу, ни знакомымъ. Но, посовѣтовавшись съ коекакими ближними мудрецами, такъ и порѣшили, что, должно быть, слово это означаетъ тоже выигрышъ, а, можетъ быть, — почемъ знать?—и въ удвоенномъ размѣрѣ? Батька по этому поводу совершилъ обильное возліяніе, а мнѣ на радостяхъ было выдадено въ задатокъ рубль и сорокъ копеекъ. Устроилъ я въ тотъ же день Валтасарово пиршество. Купилъ на улицѣ полный боченокъ грушеваго квасу и весь лотокъ моченыхъ грушъ. Угостился съ пріятелями квантумъ сатисъ, даже до полнаго разстройства стомаха.

На утро батька поперъ съ газетнымъ листомъ на Ильинку къ мѣняламъ, справиться, гдѣ и какъ получить выигранныя деньги. Ему тамъ и объяснили все его невѣжество. «Плакали, молъ, отецъ дьяконъ, твои сто рубликовъ, а билетъ ты можешь оправить въ рамку и повѣсить у себя въ кабинетѣ, какъ вѣчную память твоей глупости.«

Обидѣлся онъ самымъ свирѣпымъ образомъ. Вернулся домой, точно грозовая туча. И прямо ко мнѣ: «скидывай портки!«. — «За что, папенька?«— «А за то, за самое. Не обжорствуй мочеными грушами, въ нихъ бо есть блудъ!« И такую прописалъ мнѣ ижицу ниже спины, что и до сихъ поръ вспомнить щекотно. А остальные пять билетовъ въ тотъ же день продалъ. «Не хочу—сказалъ—потворствовать мошенническимъ аферамъ«. Вотъ и все.

— Маловато,—замѣтилъ кто-то иронически.

— А что же? — возразилъ другой. — Хоть день, хоть часъ, а все-таки счастье. Разные тамъ мечты, надежды, планы . . .

Всѣ на минуту какъ-то задумчиво умолкли. Первымъ заговорилъ Среброструнов.

— Если бы мнѣ двѣсти тысячъ, я объѣздилъ бы Россію, всѣ города и захолустья, и набралъ бы самый замѣчательный въ мірѣ хоръ. И пѣлъ бы я съ нимъ въ Москвѣ. А потомъ сталъ бы концертировать по Европѣ. Вездѣ: въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Римѣ, въ Берлинѣ. И пріобрѣлъ бы я всесвѣтную славу. А Сугробова кормилъ бы сырымъ мясомъ и показывалъ въ клѣткѣ за особую плату. Потому что за границей такихъ звѣрей еще не видывано.

— Вѣ-ѣрно, -- протянулъ протодьяконъ низкимъ мягкимъ и густымъ басомъ.

— Да-а, — подтвердилъ Сугробовъ на кварту ниже. — А я бы, — заговорилъ онъ съ оживленіемъ, — я бы сто пятьдесятъ, этакъ, тысячъ отдалъ женѣ и сказалъ бы: «вотъ тебѣ отступное. Живи себѣ, какъ хочешь, пой, играй, пляши, а я—до свиданія. Попилили меня десять лѣтъ, попили моей крови, пора и честь знать«. И ушелъ бы я на волю. За симъ тридцать тысячъ отдѣлю въ общій великій вселенскій пропой, а на остальное куплю хату, на манеръ собачьей конуры, но съ садомъ и огородомъ. И буду возрощать плоды и ягоды. И кор-не-пло-ды . . . — закончилъ онъ въ нижнее контръ-ля.

Многіе засмѣялись. Имъ было давно извѣстно, въ какомъ рабскомъ подчиненіи держала этого могучаго, черноземнаго, стихійнаго человѣка его жена—маленькая, тощая языкатая женщина, ходячая злая скороговорка, первая ругательница на всемъ Житнемъ базарѣ.

И сразу весь банкетный кабинетъ закипѣлъ общимъ горячимъ разговоромъ. Какъ это часто бываетъ, соблазнительная тема о всевластности денегъ волшебно притянула и зажгла неутолимымъ волненіемъ этихъ бѣдняковъ, неудачниковъ и скрытыхъ честолюбцевъ, лю-

дей съ расшатанной волей, съ неудовлетвореннымъ аппетитомъ къ жизни, съ затаенной обидой на жестокую судьбу. И тутъ сказалась, точно вывернувшись наизнанку, истинная, потаенная буднями, натура каждаго. Мечтали вслухъ о винѣ, картахъ, вкусной ѣдѣ, о роскошной бархатной мебели, о далекихъ путешествіяхъ въ экзотическія страны, о шикарныхъ костюмахъ и перстняхъ, о собственныхъ лошадяхъ и громадныхъ собакахъ, о великосвѣтской жизни въ обществѣ графовъ и бароновъ, о театрѣ и циркѣ, объ интрижкѣ со знаменитой пѣвицей, или укротительницей звѣрей, о сладкомъ ничегонедѣланіи, съ возможностью спать сколько угодно часовъ въ сутки, о лакеяхъ во фракахъ и, главное, о женщинахъ, о цѣломъ гаремѣ изъ женщинъ, о женщинахъ всѣхъ цвѣтовъ, ростовъ, сложеній, темпераментовъ и національностей.

Пожилой консисторскій чиновникъ Свѣтовидовъ, умный, желчный и грубый человѣкъ, сказалъ ядовито:

— Ни у кого изъ васъ нѣтъ человѣческаго воображенія, милыя гориллы. Жизнь можно сдѣлать прекрасной при самыхъ маленькихъ условіяхъ. Надо имѣть только вонъ тамъ, вверху надъ собой, маленькую точку. Самую маленькую, но возвышенную. И къ ней итти съ теплой вѣрою. А у васъ идеалы свиней, павіановъ, людоѣдовъ и бѣглыхъ каторжниковъ. Двѣсти тысячъ —дальше не идутъ ваши мечтанія. Но, во-первыхъ, у васъ у всѣхъ въ общей сложности, имѣется наличнаго капитала одинъ дырявый пятиалтынный. Во-вторыхъ, ни у кого изъ васъ не хватитъ выдержки съэкономить хотя бы сто рублей на покупку выигрышнаго билета. Карпенко, навѣрно, пріобрѣлъ свой билетъ, зарѣзавъ родную тетку во время сна. И когда онъ выиграетъ двѣсти тысячъ, то какъ разъ въ тотъ же день его гнусное преступленіе раскроется, и его, раба божьяго повлекутъ въ тюрьму. А въ-третьихъ даже и съ билетомъ въ карманѣ, вѣроятность перваго выигрыша равна одному шансу на десять милліоновъ, т.-е. почти нулю, или безконечно малой дроби. Стало быть, все, что вы говорите сію минуту—одно суесловіе, раздраженіе плѣнной и жалкой мысли. Двѣсти тысячъ! Что за скудость фантазіи!

— Ему бы милліонъ, — сказалъ чей-то недружелюбный голосъ въ концѣ стола. — Извѣстно, консисторія — мѣсто хлѣбное, а глаза у нея завидущіе.

— А что же? — спокойно возразилъ Свѣтовидовъ, даже не обернувшись. — Мечтать о несбыточномъ, такъ мечтать пошире. Мил-

ліоновъ десять—это, скажемъ, недурно. Можно прожить умно, полезно и со вкусомъ. Но почему бы вдругъ не сдѣлаться по мановенію волшебнаго жезла, напримѣръ, царемъ? Но и тогда ваши телячьи головы ничего остраго не вообразятъ. Знаете, есть побасенка. Русскаго рязанскаго мужичка спросили: «Что бы ты, Митенька, дѣлалъ, если бы былъ царемъ!« — «А я бы, говоритъ, сидѣлъ цѣлый день у воротъ на заваленкѣ и лузгалъ бы сѣмечки. А какъ кто мимо идетъ—въ морду. Какъ мимо—такъ въ морду«. Ваша готтентотская фантазія не на много дальше хватаетъ. Явись хоть сейчасъ къ вамъ, къ любому, дьяволъ и скажи: «вотъ, молъ. готовая запродажная запись, по всей формѣ на твою душу. Подпишись своей кровью и я въ теченіе столькихъ-то лѣтъ буду твердо и вѣрно исполнять въ одно мгновеніе каждую твою прихоть. Что каждый изъ васъ продалъ бы свою душу съ величайшимъ удовольствіемъ, это несомнѣнно. Но ничего бы вы не придумали оригинальнаго, или грандіознаго, или веселаго, или смѣлаго. Ничего, кромѣ бабы, жратвья, питья и мягкой перины. И когда дьяволъ придетъ за вашей крошечной душонкой, онъ застанетъ ее охваченной смертельной скукой и самой подлой трусостью.

Свѣтовидовъ замолчалъ, и никто не возразилъ ему. Слова его были подобны ледяному компрессу на пылающую голову. Только кто-то, скрытый въ синемъ табачномъ дыму спросилъ изъ угла, обращаясь къ Цвѣту:

— Эй ты Іоанне Цвѣтоносный. А ты бы что бы? А?

— Я? — встрепенулся Цвѣтъ. Онъ блаженными, блестящими глазами уставился на лампу и тотчасъ же отъ ея огня отдѣлился другой огонь и легко поплылъ вправо и вверхъ. — Я бы? Мнѣ ничего не надобно. Вотъ хоть бы теперь . . . свѣтло, уютно . . компанія милыхъ, хорошихъ товарищей . . . дружная бесѣда. . — Цвѣтъ радостно улыбнулся сосѣдямъ по столу. — Я хотѣлъ, чтобы былъ большой садъ . . . и въ немъ много прекрасныхъ цвѣтовъ. И многое множество всякихъ птицъ, какія только есть на свѣтѣ, и звѣрей . . . И чтобы всѣ ручные и ласковые. И чтобы мы съ вами всѣ тамъ жили . . . въ простотѣ, дружбѣ и веселости . . . Никто бы не ссорился . . Дѣтей чтобы былъ полонъ весь садъ . . и чтобы всѣ мы оченъ хорошо пѣли . . . И трудъ былъ бы наслажденіемъ . . . И тамъ ручейки разные . . . рыба пускай по звонку приплываетъ . . .

— Словомъ — рай! — прервалъ его Свѣтовидовъ.

А протодіаконъ, сидѣвшій рядомъ, обнялъ Цвѣта, крѣпко

притиснулъ къ своей исполинской груди и однимъ сердечнымъ поцѣлуемъ обмусолилъ его носъ, губы, щеки и подбородокъ. И взревѣлъ ему въ самое ухо:

— Ваня! Другъ! Ангелоподобный!

Но въ эту минуту появился хозяинъ трактира съ третьимъ и послѣднимъ напоминаніемъ: «Во всемъ ресторанѣ огни уже потушены. Пора расходиться. А то отъ полиціи выйдутъ непріятности.« Стали расходиться.

Цвѣтъ возвращался домой въ самомъ чудесномъ настроеніи духа. Съ нѣжнымъ чувствомъ глядѣлъ онъ, какъ на нѣбѣ среди клубистыхъ, распушенныхъ облаковъ стремительно катился ребромъ серебряный кругъ луны, пролагая себѣ золотисто-оранжевый путь. И пѣлъ онъ на какой-то необычайно-прекрасный собственный мотивъ, собственные же слова акаѳиста всемірной красотѣ: «земли славное благоутробіе и благоуханіе и небеси глубино торжественная, людіе веселіемъ играша воспѣвающе . . .«

Взбирался онъ къ себѣ на чердакъ очень долго, балансируя между стѣной и перилами. По привычкѣ безшумно отперъ наружную дверъ, аккуратно раздѣлся и легъ въ постель, поставивъ возлѣ себя на стулѣ зажженную свѣчу. Взялъ было утреннюю недочитанную газету. Но буквы сливались въ мутныя полосы, а полосы эти принимали вращательное движеніе. Наконецъ, вѣки, отяжелѣвъ, сомкнулись, и сознаніе Цвѣта окунулось въ бездонную темноту и въ молчаніе.

III.

— Извиняюсь за безпокойство, — сказалъ осторожно чей-то голосъ.

Цвѣтъ испуганно открылъ глаза и быстро присѣлъ на кровати. Былъ уже полный день. Кенарь оглушительно заливался въ своей клѣткѣ. Въ пыльномъ, золотомъ солнечномъ столбѣ, лившемся косо изъ окна, стоялъ, слегка согнувшись въ полупоклонѣ и держа цилиндръ на отлетѣ, неизвѣстный господинъ въ черномъ поношенномъ, стариннаго покроя, сюртукѣ. На рукахъ у него были черныя перчатки, на груди огненно-красный галстукъ, подъ мышкой древній помятый, порыжѣвшій портфель, а въ ногахъ у него на полу лежалъ небольшой новый ручной саквояжъ желтой англійской кожи. Странно знакомымъ показалось Цвѣту съ перваго взгляда узкое и длинное лицо посѣтителя: этотъ ровный проборъ посрединѣ

черной, сѣдѣющей на вискахъ головы, съ полукруглыми расчесами вверхъ, въ видѣ приподнятыхъ концовъ, бабочкиныхъ крыльевъ или маленькихъ рожекъ, этотъ большой, тонкій, слегка крючковатый носъ съ нервными козлиными ноздрями, блѣдныя, насмѣшливо изогнутыя губы, подъ наглыми воинственными усами, острая длинная французская бородка. Но болѣе всего напоминали какой-то давнишній, полузабытый образъ—брови незнакомца, подымавшіяся отъ переносья круто вкось прямыми, темными мрачными чертами. Глаза же у него были почти безцвѣтны, или скорѣе въ слабой степени напоминали выцвѣтшую на солнцѣ бирюзу, что очень рѣзко, холодно и непріятно противорѣчило всему энергичному, умному, смуглому лицу.

— Я стучалъ два раза, — продолжалъ любезно, слегка скрипучимъ голосомъ незнакомецъ. — Никто не отзывается. Тогда рѣшилъ нажать ручку. Вижу не заперто. Удивительная безпечность. Обокрасть васъ—самое нехитрое дѣло. Знаете, есть такіе спеціалисты воры, которые только тѣмъ и занимаются, что ходятъ по квартирамъ «на доброе утро«. Я бы, конечно, не осмѣлился тревожить васъ такъ рано. — Онъ извлекъ изъ жилетнаго кармана древніе часы, луковицей, съ брелокомъ на волосяномъ шнурѣ, въ видѣ Адамовой головы, и посмотрѣлъ на нихъ. — Теперь три минуты одиннадцатаго. И если бы не крайне важное и неотложное дѣло . . . Да нѣтъ, вы не волнуйтесь такъ, — замѣтилъ онъ, увидя на лицѣ Цвѣта испугъ и торопливость. — На службу вамъ сегодня, пожалуй, и вовсе не придется итти . . .

— Ахъ, это ужасно непріятно, — конфузливо сказалъ Цвѣтъ. — Вы меня застали неодѣтымъ, погодите немного. Я только приведу себя въ порядокъ и сію минуту буду къ вашимъ услугамъ.

Онъ обулъ туфли, накинулъ на себя пальто и выбѣжалъ въ кухню, гдѣ быстро умылся, одѣлся и заказалъ самоваръ. Черезъ очень короткое время онъ вернулся къ своему гостю освѣженный, хотя съ красными и тяжелыми отъ вчерашняго кутежа вѣками. Извинившись за безпорядокъ въ комнатѣ, онъ присѣлъ противъ незнакомца и сказалъ:

— Теперь я готовъ. Сейчасъ намъ принесутъ чай. Чѣмъ обязанъ чести . . .

— Сначала позвольте рекомендоваться. — Посѣтитель протянулъ визитную карточку. — Я— ходатай по дѣламъ. Зовутъ меня Меѳодій Исаевичъ Тоффель.

«Странно. И фамилія какъ-будто бы знакомая«, подумалъ Цвѣтъ. Онъ слегка наклонилъ голову и съ недоумѣніемъ въ глазахъ пробормоталъ:

— Очень пріятно . . . Но я . . .

— Одинъ моментъ . . . Простите, что перебиваю васъ. Вашего покойнаго батюшку звали, если не ошибаюсь, Степаномъ Николаевичемъ. Не такъ ли?

— Совершенно точно.

— Хорошо. Значитъ старшаго его братца, тоже нынѣ покойнаго, имя-отчество было Аполлонъ Николаевичъ? Вѣрно?

— Вѣрно. Но мнѣ лично не приходилось ни разу въ жизни видѣть его. Я только изрѣдка слышалъ о немъ кое-что по семейнымъ воспоминаніямъ родителей. Но это было уже очень давно . . . Такъ, какія-то мелочи . . . и мнѣ очень совѣстно, что я, кажется, совсѣмъ забылъ ихъ.

— Это вовсе и неважно. Пара пустяковь, — небрежно махнулъ рукой ходатай и тотчасъ же, раскрывъ свой потертый портфель, вытащилъ изъ него съ ловкостью фокусника и выкинулъ на столъ одну за другой нѣсколько бумагъ разнаго формата.

— Для насъ самое главное въ нашемъ дѣлѣ то, что вашъ почтенный дядюшка былъ при жизни большимъ оригиналомъ, т.-е. мизантропомъ, нелюдимомъ и даже, говорятъ, алхимикомъ. Словомъ, — что называется, — чудакомъ.

— Да, я что-то слышалъ въ этомъ родѣ. Но помню это смутно, точно сквозь сонъ. Наша семья вообще не поддерживала съ нимъ никакихъ связей. Утеряли ихъ. Впрочемъ, безъ всякой ссоры.

— Такъ. Теперь ближе къ дѣлу. Десять лѣтъ тому назадъ вашъ дядюшка волею судьбы, покинулъ земную юдоль. Для васъ это событіе, очевидно, не имѣло никакого существеннаго значенія, кромѣ вполнѣ естественнаго сознанія горестной утраты. А между тѣмъ, послѣ Аполлона Николаевича осталось небольшое наслѣдство, состоящее изъ нѣсколькихъ сотъ десятинъ недвижимости въ Черниговской губерніи: земля, лѣсокъ и довольно значительная усадьба со старымъ барскимъ домомъ. Лѣтъ восемь это имущество считалось безхозяйнымъ, почти вымороченнымъ. А такъ какъ я спеціально занимаюсь розысками по такимъ невѣдомо кому принадлежащимъ имуществамъ, то, узнавъ случайно про Червоное, я и пошелъ по обратнымъ жизненнымъ слѣдамъ вашего покойнаго дядюшки. Положеніе мое было довольно тяжелое. Завѣщанія нѣтъ, закон-

ные наслѣдники не объявляются. Сосѣди по имѣнію знакомства съ Апполлономъ Николаевичемъ не вели, видѣли его только издали и подозрѣвали, что онъ былъ или массонъ, или изобрѣтатель, или анархистъ—какое ему дѣло до завѣщанія? Крестьяне же всѣ убѣждены, что онъ занимался чародѣйствомъ и, пожалуй, даже продалъ душу дьяволу. Но путемъ разныхъ намековъ и умозаключеній я сталъ медленно пробираться по этапамъ жизни вашего дядюшки и вотъ, наконецъ, въ Витебскѣ, въ полусгорѣвшемъ архивѣ нотаріуса набрелъ на подлинное, хотя и очень старинное завѣщаніе, по которому земля и усадьба, съ постройками и со всѣмъ живымъ и неживымъ инвентаремъ должны перейти къ старшему въ родѣ. По наведеннымъ справкамъ, этимъ старшимъ въ родѣ являетесь вы, глубокоуважаемый Иванъ Степановичъ, съ чѣмъ я и имѣю честь васъ искренно поздравить.

Тоффель, сидя, поклонился. Цвѣтъ покраснѣлъ и протянулъ ему руку. Пожатіе руки, обтянутой въ черную перчатку, было твердо и сухо.

— И чтобы не быть голословнымъ, — продолжалъ Тоффель,— позвольте предоставить вамъ всѣ документы, ясно доказывающіе ваши права. Вотъ завѣщаніе. Вотъ—вводъ во владѣніе . . . Наслѣдственныя и иныя пошлины. Вотъ расписка въ полученіи поземельныхъ и прочихъ налоговъ, съ прибавкой пеней за истекшіе годы. Вотъ тра-та-та, тра-та,— забарабанилъ ходатай казенными словами и пестрыми дробными цифрами.

Говоря такимъ образомъ, онъ съ прежней привычной ловкостью быстро подсовывалъ Цвѣту одну за другой бумаги, четко написанныя и набранныя на машинкѣ, отмѣченныя круглыми печатями, чернильными и сургучными, и украшенныя мудреными завитушками подписей и росчерковъ.

«Какъ его звать? — подумалъ Цвѣтъ и поглядѣлъ на карточку, потомъ на Тоффеля. — Удивительно знакомое имя. И гдѣ же я, наконецъ, видѣлъ эту странно-памятную, необычайную физіономію?« И онъ сказалъ вслухъ съ нѣкоторой робостью:

— Но, видите ли, почтенный Меѳодій Исаевичъ. Все это такъ неожиданно . . . Я ничего не понимаю въ подобныхъ дѣлахъ. И потомъ, вѣдь это такъ далеко Черниговсктая губернія . . .

— Стародубскій уѣздъ, — подсказалъ Тоффель.

— Вотъ видите. Я, положительно, теряюсь и долженъ поневолѣ просить вашихъ указаній . . . Кромѣ того, ваши любезныя

хлопоты . . . Вы ужъ будьте добры сами назначить сумму вознагражденія.

Тоффель дружелюбно разсмѣялся и слегка, очень вѣжливо, притронулся къ колѣнкѣ Цвѣта.

— Гонораръ — второстепенный вопросъ. Не обидимъ другъ друга. Я наводилъ о васъ справки. Простите, мы, дѣловые люди, не можемъ иначе. И повсюду я получилъ о васъ свѣдѣнія, какъ о самомъ порядочномъ, честномъ человѣкѣ, какъ о настоящемъ джентельменѣ, къ тому же весьма щедраго характера. За себя на этотъ счетъ я покоенъ. Ну, скажемъ, двадцать, пятнадцать процентовъ съ казенной оцѣнки? Если это вамъ покажется чрезмѣрнымъ, я удовольствуюсь десятью.

— О, нѣтъ, пожалуйста, пожалуйста. Пусть будетъ двадцать.

— Признателенъ, — поклонился Тоффель. — И теперь, разъ уже вы сами сдѣлали мнѣ честь просить моего совѣта, позволяю себѣ усердно рекомендовать вамъ: немедленно же, какъ можно скорѣе ѣхать въ Черниговщину и осмотрѣть имѣніе. Я даже буду настаивать, чтобы вы отправились сегодня же.

— Позвольте, но это уже совсѣмъ немыслимо. Надо выпросить отпускъ . . . Необходимо достать денегъ на дорогу . . . Собраться . . . И мало ли еще что?

— Пара пустяковъ, — самодовольно и ласково возразилъ ходатай. — Во-первыхъ, вотъ вамъ вашъ отпускъ. Я его выхлопоталъ за васъ еще сегодня утромъ черезъ вашего экзекутора Луку Спиридоновича. Къ чести его надо сказать, что взялъ онъ съ меня совсѣмъ немного и съ готовностью побѣжалъ къ председателю. Оба они рады вашему счастью, какъ своему собственному. Вы положительно баловень фортуны. Пожалуйте.

— Вы волшебникъ, — прошепталъ изумленно Цвѣтъ, разсматривая свой мѣсячный, по семейнымъ надобностямъ, отпускъ, подписанный председателемъ и скрѣпленный экзекуторомъ. И даже почеркъ текста чуть-чуть походилъ на почеркъ самого Цвѣта, хотя Иванъ Степановичъ сейчасъ же подумалъ, что всѣ каллиграфическія рондо схожи одно съ другимъ.

— И насчетъ денегъ не безпокойтесь. Мой долгъ—это ужъ такъ водится у насъ, адвокатовъ—ссудить васъ заимообразно необходимой суммой, разумѣется подъ самые умѣренные проценты. Будьте добры пересчитать. Въ этой пачкѣ ровно тысяча. Нѣтъ, нѣтъ, вы ужъ потрудитесь послюнить пальчики. Деньги счетъ

любятъ. А вотъ и расписка, которую я заранѣе заготовилъ, чтобы не терять напрасно дорогого времени. Черкните, только. «И. Цвѣтъ« — и дѣло въ шляпѣ.

Цвѣтъ былъ ошеломленъ.

— Вы такъ любезны и предупредительны . . . что я . . . что я . . . право, я не нахожу словъ.

— Сущій вздоръ, — фамильярно, но учтиво отстранился ладонью Тоффель. — Пара пустяковъ. А вотъ теперь, когда формальности покончены, осмѣлюсь преподнести вамъ еще одинъ сюрпризъ.

Изъ портфеля прежнимъ чудеснымъ способомъ появились два картонныхъ обрѣзочка.

— Это билетъ I класса до станціи Горынище, а это плацкарта на нижнее мѣсто. Билеты взяты на сегодня. Поѣздъ отходитъ ровно въ одинадцать тридцать. Пароконный извозчикъ дожидается насъ у подъѣзда. Вамъ, слѣдовательно, остается только положить въ карманъ паспортъ и записную книжку, надѣть шляпу, взять въ руку тросточку и затѣмъ:

— Andiam, andiam, mio caro . . . — пропѣлъ очень фальшиво, козлинымъ голосомъ Тоффель. — А, съ вашего разрѣшенія, я пособлю вамъ уложиться!

— Ахъ, что вы, помилуйте . . . Ради Бога! — смутился Цвѣтъ.

Лицо Тоффеля сморщилось шутливой, но весьма отвратительной гримасой.

— Экій вы щепетильный какой. Но въ такомъ случаѣ не откажите ужъ принять отъ меня небольшой дорожный подарочекъ— вотъ этотъ саквояжъ. Нѣтъ, нѣтъ, убѣдительно прошу не отказываться. Я нарочно выбиралъ эту вещицу для вашего путешествія. Вы меня обидите, не принявъ ее. Подумайте, вѣдь я съ васъ заработаю немалый куртажъ.

— Спасибо, — сказалъ Цвѣтъ. — Прелестная вещь. — Онъ чувствовалъ себя неловко, точно связаннымъ, точно увлекаемымъ чужой волей. Минутами неясная тревога омрачала его простое сердце. «Какая ивысканная заботливость со стороны этого чужого человѣка, — думалъ онъ, — и какъ поразительно скоро совершаются всѣ событія! Право—точно во снѣ. Или я и въ самомъ дѣлѣ сплю? Нѣтъ, если бы я спалъ, то не думалъ бы, что сплю. И лицо, лицо . . . Гдѣ же я его видѣлъ раньше?«

— Но какъ все это необыкновенно, — сказалъ онъ изъ глубины шкапа, гдѣ перебиралъ свои туалетныя принадлежности. — Если

бы мнѣ вчера кто-нибудь предсказалъ сегодняшнее утро, я бы ему въ глаза разсмѣялся.

Онъ медлилъ, но Тоффель съ дружеской настойчивостью, одновременно почтительной и развязной, продолжалъ погонять его.

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ . . . Какъ мало въ васъ предпріимчивости. Впрочемъ, и всѣ мы, русскіе, таковы: съ развальцей, да съ прохладцей, да съ оглядочкой. А драгоцѣнное время бѣжитъ, бѣжитъ, и никогда, ни одна промелькнувшая минута не вернется назадъ. Ну-съ, живо, по-американски, въ три пріема. Ваши новые ботинки за дверью. Я попросилъ горничную ихъ вычистить. Васъ, можетъ быть, удивляетъ, что я васъ такъ тороплю? Но, во-первыхъ, я и самъ не имѣю ни секунды свободной. Вотъ, провожу васъ и сейчасъ же мнѣ надо скакать въ уѣздъ, по срочнымъ дѣламъ. Волка ноги кормятъ. Ничего, ничего . . . Одѣвайтесь при мнѣ безъ всякаго стѣсненія. Я — мужчина. А, во-вторыхъ, сами посудите, что выйдетъ хорошаго, если вы проканителитесь въ городѣ нѣсколько лишнихъ дней? Вѣдь теперь уже всѣмъ вашимъ знакомымъ м множеству незнакомыхъ извѣстно черезъ экзекутора о свалившемся на вашу голову наслѣдствѣ. О, мнѣ хорошо извѣстна человѣческая натура. Начнутъ клянчить взаймы, потребуютъ вспрыснуть получку, добрыя мамаши взрослыхъ дочерей устроятъ на васъ правильную облаву съ загономъ. Вы—человѣкъ слабый, мягкій, уступчивый, — хорошій товарищъ. Еще завертитесь чего добраго и надѣлаете долговъ. Я знаю такіе примѣры. А тутъ еще подвернется какое-нибудь этакое соблазнительное увлеченіе, въ родѣ красотки изъ кондитерской, какъ та, —помните? — полная блондинка за прилавкомъ у Дюмона, первая отъ окна съ сапфировыми глазками? Право, слушайте вы меня, стараго воробья. Я худу не учу. Тѣмъ болѣе, что вы съ перваго взгляда внушили мнѣ самую глубокую, можно сказать, отеческую симпатію. Вы только не обращайте на меня вниманія, укладывайтесь, укладывайтесь! А я тѣмъ временемъ передамъ вамъ кое-какія нужныя свѣдѣнія. — Простыней и подушекъ, пожалуйста, ужъ не берите съ собой. Все дадутъ вамъ въ спальномъ вагонѣ, а въ усадьбѣ есть много прекраснаго, тонкаго голландскаго бѣлья. И сорочекъ много не надо. Двѣ, три перемѣны. Возьмите мягкія, fantaisie. Немного платковъ и носковъ. Прескверная у насъ привычка путешествовать съ цѣлымъ караванъ-сараемъ. По этой примѣтѣ всегда за границей узнаютъ русскихъ. Берите только то, что

умѣстится въ саквояжъ. Остальное лишнее. Ѣдете всего на два, на три дня.

— Ну, такъ слушайте же. Имѣніе, правду говоря, хоть и не заложено, но въ страшномъ забросѣ. Триста съ небольшимъ десятинъ. Изъ нихъ удобной земли полтораста и ту запахали дружественные поселяне. Владѣніе обставлено сотнями идіотскихъ неудобствъ. Черезполосица, рядомъ чиншевые надѣлы, до сихъ поръ существуетъ не только сервитутное право, но даже въ силѣ какая-то, чортъ бы ее побралъ, «улиточная запись«. Нѣтъ, совсѣмъ серьезно увѣряю васъ, что есть и такіе юридическіе курьезы! Мое мнѣніе — землю продать. Возиться съ ней, это, какъ говорятъ поляки, «болѣе змраду, якъ потѣхи«. Тутъ не только вы съ вашей полной неопытностью, но даже первый выжига, кулакъ, практикъ—сядетъ въ калошу . . . Вы выбираете галстуки? Совѣтую вамъ этотъ, черный съ бѣлыми косыми полосками. Онъ солиднѣе . . . Остается усадьба. Она велика, но мрачна и на сыромъ мѣстѣ. Фруктовый садъ старъ, запущенъ и выродился безъ ухода. Инвентаря—никакого. Домъ сплошная рухлядь, гнилая труха. Деревянная, источенная червями двухъэтажная постройка временъ Александра I, съ кривыми колоннами и однобокимъ бельведеромъ. На него дунуть— разсыплется. Стало быть, и усадьбу по боку. Вы только осмотритесь тамъ на мѣстѣ, а я ужъ здѣсь, будьте покойны, пріищу вамъ невреднаго покупателя. Врядъ ли и вещи сколько-нибудь цѣнныя найдутся въ домѣ. Все—хламъ. Осталась тамъ небольшая библіотека, но она васъ мало заинтересуетъ. Все больше по оккультизму, теософіи и черной магіи . . . Вѣдь вы человѣкъ вѣрующій? — Тоффель, не оборачиваясь, кивнулъ головой назадъ на образа. И, должно быть, отъ этого движенія судорога скрутила ему шею, потому что онъ болѣзненно сморщился. — И вамъ, такому свѣжему, милому, не слѣдъ, да и будетъ скучно заниматься сумасбродной ерундой. Вы лучше эту пакость сожгите! А? Право, сожгите. Я говорю изъ чувства личной, горячей симпатіи къ вамъ. Обѣщаете сжечь? Да? Хорошо? Ну, дайте же, дайте мнѣ слово, прелестный, добрый Иванъ Степановичъ.

— Даю, даю. Сдѣлайте милость. Господи! . .

— Крр . . — издалъ ходатай горломъ странный трескучій звукъ.

— Что съ вами?— заботливо спросилъ Цвѣтъ.

— Ничего, ничего, не безпокойтесь . . . Немного поперхнулся. Что-то попало въ дыхательное. Ну, вы, кажется, готовы? Такъ

ѣдемте же. На вокзалѣ у насъ еще хватитъ времени слегка позавтракать и распить за здоровье новаго помѣщика бутылочку. Поммери-секъ. Нѣтъ, ужъ вы выходите первымъ. Я за вами. По-румынски. Вотъ такъ.

Черезъ часъ этотъ энергичный, всезнающій, все предвидящій дѣлецъ услужливо подсаживалъ Цвѣта на ступеньки вагона I класса. Въ послѣднюю минуту какъ-то само собой очутилась въ его рукахъ изящная, небольшая плетеная корзиночка. Подавая ее вверхъ, въ руки Цвѣта, онъ сказалъ съ пріятной улыбкой:

— Не откажите принять. Это такъ . . . дорожная провизія . . . Немного икры, рябчики, телятина, масло, яйца и другая хурдамурда. И парочка краснаго, Мутонъ-Ротшильдъ. Не поминайте же лихомъ. Ждите отъ меня телеграммы . . . А если будетъ надобность, телеграфируйте мнѣ сюда, въ Бель-вю. До свиданія. Не хочу затруднять нелѣпымъ торчаніемъ у вагона. Мои комплименты.

И, галантно поцѣловавъ кончики обтянутыхъ черной перчаткой пальцевъ онъ скрылся въ толпѣ.

IV.

Дорога промелькнула необыкновенно быстро. Ни разу еще въ своей жизни не путешествовалъ Цвѣтъ съ такими широкими удобствами, и никогда не бѣжало такъ незамѣтно для него время. Попадались ему очень любезные спутники—вѣжливые, внимательные, разговорчивые безъ навязчивости. Сладко и глубоко спалъ Цвѣтъ двѣ ночи подъ плавное укачиваніе пульмановскихъ рессоръ, а днемъ любовался изъ окна на рѣки, поля, лѣса и деревни, проходящіе мимо и назадъ, или основательно и съ толкомъ закусывалъ въ свѣтломъ нарядномъ вагонѣ-ресторанѣ, гдѣ на блестящихъ снѣжныхъ скатертяхъ раскачивали свои яркія головки цвѣты, а за столами сидѣли обычныя дамы поѣздовъ-экспрессовъ: всѣ, какъ на подборъ, большія, пышнотѣлыя, роскошно одѣтыя, самоувѣренныя, съ громкимъ смѣхомъ и французскими словами, —женщины, пахнувшія крѣпкими, терпкими духами. Для него онѣ были созданіями съ другой планеты и возбуждали въ немъ любопытство, удивленіе и стѣснительное сознаніе собственной неловкости.

Одно только безпокоило и какъ-то непріятно, пугающе раздражало Цвѣта въ его праздничномъ путешествіи. Стоило ему

только хоть на мгновеніе возвратиться мыслью къ конечной цѣли поѣздки, къ этому далекому имѣнію, свалившемуся на него точно съ неба, какъ тотчасъ же передъ нимъ вставалъ энергичный лукавый и рѣзкій ликъ этого удивительнаго ходатая по дѣламъ—Тоффеля, и появлялся онъ не въ зрительной памяти, гдѣ-то тамъ, внутри мозга, а показывался вьявь, такъ сказать, живьемъ. Онъ мелькалъ своимъ крючконосымъ, крутобровымъ профилемъ повсюду: то на платформѣ среди суетливой станціонной толпы, то въ буфетѣ 1-го класса въ видѣ шмыгливаго вокзальнаго лакея, то воплощался въ затылкѣ, спинѣ и походкѣ поѣздного контролера. «Просто какое-то наважденіе, — думалъ тревожно Цвѣтъ. — Неужели такъ прочно запечатлѣлся въ моей душѣ этотъ странный человѣкъ, что я, даже отдѣленный отъ него большимъ пространствомъ, все-таки брежу имъ такъ сильно и такъ часто.«

Къ концу вторыхъ сутокъ Цвѣтъ сошелъ на станціи Горынище и нанялъ за три рубля сивоусаго дюжаго хохла до Червонаго. Когда Цвѣтъ по дорогѣ объяснилъ, что ему надо не въ деревню, а въ усадьбу, возница обернулся и нѣкоторое время разсматривалъ его съ пристальнымъ и безцеремоннымъ любопытствомъ.

— Такъ-таки до самого, до паньского фольварку? — спросилъ онъ, наконецъ, недовѣрчиво. — До того Цвита, що вмеръ?

— Да, въ имѣніе, въ господскій домъ, — подтвердилъ Иванъ Степановичъ.

— Эге жъ. — Старикъ чмокнулъ на лошадей губами. — А вы сами изъ какихъ будете?

Цвѣтъ разсказалъ вкратцѣ о себѣ. Упомянулъ и о наслѣдствѣ и о родствѣ. Старикъ медленно покачалъ головой.

— Эхъ, не доброе діло . . . Не фалю.

— Почему не хвалите, дядя?

— А такъ . . Не хо̀чу . .

И замолчалъ. Такъ они въ безмолвіи проѣхали около двѣнадцати верстъ до села Червонаго, раскинувшагося своими бѣлыми мазанками и кудрявой зеленью садовъ на высокомъ холмѣ надъ свѣтлой рѣчонкой, свернули черезъ плотину и подъѣхали къ усадьбѣ, къ чугуннымъ сквознымъ воротамъ, распахнутымъ настежь и криво висѣвшимъ на красныхъ кирпичныхъ столбахъ. Отъ нихъ вела внутрь заросшая дорога, посрединѣ густой аллеи изъ древнихъ могучихъ тополей. Вдали сѣрѣла постройка, бѣлѣли колонны, и

алымъ отблескомъ дробилась въ стеклахъ вечерняя заря. У воротъ старикъ остановилъ лошадей и сказалъ рѣшительно:

— Вылазьте, ну, панычу. Бильшь не поïду.

— Какъ же это такъ не поѣдете? — удивился Цвѣтъ. — Осталось, вѣдь, немного. Вонъ, и домъ виденъ.

— Ни. Не поïду. А ни за пьять корбованцивъ. Не хочу.

Цвѣтъ вспомнилъ слова Тоффеля о дурной славѣ, ходившей среди крестьянъ про старую усадьбу, и сказалъ съ принужденной усмѣшкой:

— Боитесь вѣрно?

— Ни. Ни трошки не боюсь, а тилько такъ. Платите мини мои гроши, тай годи.

Попросивъ возчика подождать немного Цвѣтъ одинъ пошелъ по темной прохладной аллеѣ къ дому. Тоффель говорилъ правду. Постройка оказалась очень древней и почти развалившейся. Покривившіяся колонны, нѣкогда обмазанныя бѣлой известкой, облупились и обнажили гнилое, трухлявое дерево. Кой-гдѣ были въ окнахъ выбиты стекла. Трава росла мѣстами на замшѣлой позеленѣвшей крышѣ. Флюгеръ на башенкѣ печально склонился набокъ. Въ саду подъ коряво разросшимися деревьями стояла сырая и холодная темнота. Крапива, лопухи и гигантскіе репейники буйно торчали на мѣстахъ, гдѣ когда-то были клумбы. Все носило слѣды одичанія и запустѣнія.

Цвѣтъ обошелъ вокругъ дома. Всѣ наружныя двери — парадная, балконная, кухонная и задняя, ведшая на веранду изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, были заперты на ключъ. Съ недоумѣніемъ, скукой и растерянностью вернулся Цвѣтъ къ экипажу.

— А гдѣ бы мнѣ здѣсь, дяденька, ключи достать? — спросилъ онъ. — Всюду заперто.

— А чи я знаю? — равнодушно пожалъ плечами мужикъ. — Мабудь у господина врядника, чи у станового, чи у соцькаго, а мабудь у старосты, альбо учителя. Теперички вси забули про цее бисово кубло. И хозяина нема ему. Вы мене, просю, звините, а тильки люди недоброе балакаютъ про вашаго родича. Бачите — такее зробилось, що, кажуть, поступилъ онъ на службу до самого до чертяки . . . И загубилъ свою душу, а ни за собачій хвистъ. И васъ, панычу, нехай боронитъ Господь Богъ и Святый Мыкола.

Онъ едва замѣтнымъ движеніемъ перекрестилъ пуговицу на свиткѣ. Внезапно откуда-то сорвался вѣтеръ. Обвисшая поло-

вина воротъ пошатнулась на своихъ ржавыхъ петляхъ и протяжно заскрипѣла.

«Точь въ точь, какъ голосъ Тоффеля«, — подумалъ Цвѣтъ. И въ тотъ же мигъ разсердился на себя за это назойливое воспоминаніе.

— А, ну, сѣдайте, панычу, скорійше и поидеме до села, — сказалъ хохолъ.

Опять пришлось переправляться черезъ плотину и подыматься вверхъ въ Червоное. Послѣ долгихъ розысковъ, наводившихъ суевѣрный ужасъ на простодушныхъ поселянъ, Цвѣтъ отыскалъ, наконецъ, слѣдъ ключей, которые, оказалось, хранились уже много лѣтъ у церковнаго сторожа. Сообщилъ ему объ этомъ священникъ. У него Иванъ Степановичъ немного передохнулъ и даже выпилъ чашку чая, пока толстопятая дивчина Гапка бѣгала за сторожемъ.

Батюшка говорилъ, поглаживая рукой пышную, сѣдѣющую бороду и сверля Цвѣта острыми, маленькими, опухшими глазками:

— Какъ человѣкъ, до извѣстной степени, интеллигентный, я отнюдь не раздѣляю глупыхъ народныхъ примѣтъ и темныхъ суевѣрій. Но, какъ лицо духовное, не могу не свидѣтельствовать о томъ, что въ твореніяхъ отцовъ церкви упоминается и даже неоднократно о всевозможныхъ козняхъ и ухищреніяхъ князя тьмы для уловленія въ свои сѣти слабыхъ душъ человѣческихъ. И потому, во избѣжаніе всякихъ кривотолковъ и разныхъ бабьихъ забубоновъ, позволяю себѣ предложить вамъ хоть на сію ночь мое гостепріимство. Постелятъ вамъ вотъ здѣсь, въ гостиной, на диванчикѣ. Не весьма роскошно и, пожалуй, узковато, но извините, чѣмъ богаты . . . А домъ успѣете осмотрѣть завтра утромъ. Поглядите, какая темь на дворѣ.

Цвѣтъ обернулся къ окнамъ. Онѣ были черны. Ему хотѣлось принять предложеніе священника, потому что изморенное дорогой тѣло просило отдыха и сна, но какое-то властное и томительное любопытство неудержимо тянуло его назадъ въ старый заброшенный домъ. Онъ поблагодарилъ и отказался.

Пришелъ церковный сторожъ, древній маленькій старичокъ, уже не сѣдой, а какой-то зеленоватый, и такъ скрюченный ревматизмомъ, что казалось все время собирается стать на четвереньки. Въ рукахъ онъ держалъ большой фонарь и связку огромныхъ ржа-

выхъ ключей. На прощаніе батюшка далъ Цвѣту запасную свѣчу и пригласилъ его на завтра къ утреннему чаю.

— Если что понадобится, радъ служить. По-сосѣдски. Какъ никакъ, а будемъ жить рядомъ. Но простите, что не провожаю лично. Народъ у насъ сплетникъ и дикарь, и даже многіе склоняются къ уніи.

Ночь была темна и беззвѣздна, съ легкимъ теплымъ вѣтромъ. Свѣтло-желтое, мутное пятно отъ фонаря причудливо раскачивалось на колеяхъ, избороздавшихъ дорогу. Цвѣтъ не видѣлъ своего провожатаго, шедшаго рядомъ, и съ трудомъ разбиралъ его слабый, тонкій, шамкающій голосъ. Старикъ, по его словамъ, оказывался единственнымъ безстрашнымъ человѣкомъ во всемъ Червономъ, но Цвѣтъ чувствовалъ, что онъ привираетъ для собственной бодрости.

— Чего мнѣ бояться. Я ничего не боюсь. Я—солдатъ. Еще за Николая, за перваго, севастопольскій. И подъ турку ходилъ. Солдату бояться не полагается. Пятнадцать лѣтъ я сторожемъ при церкви и на кладбищѣ. Пятнадцать лѣтъ моя такая должность. И скажу: все пустое, что бабы брешутъ. Никакихъ нѣтъ на свѣтѣ: ни оборотней, ни привидѣніевъ, ни ходячихъ мертвяковъ. Мнѣ и ночью доводится иной разъ сходить на кладбище. Въ случаѣ воры, или шумъ какой и вообще. И хоть бы что. Которые умерли, они спятъ себѣ тихесенько, на спинкѣ, сложивши ручки, и ни-муръ-муръ. А нечистая сила, такъ это она въ прежнія времена дѣйствовала, еще когда было припасное право, когда мужикъ у помѣщика былъ въ припасѣ. Тогда , бывало, иной землячокъ, отчаявшись, и душу продавалъ нечистому. Это бывало. А теперь вся чертяка ушла на зализную дорогу, да на пароходы, чтобъ ей пусто было. •Вотъ еще по электричеству работаетъ.

Старикъ, а за нимъ Цвѣтъ прошли черезъ ворота, уныло поскрипывавшія голосомъ Тоффеля. вдоль черной аллеи, глухо шептавшей невидимыми вершинами, до самаго дома. Долго имъ обоимъ пришлось повозиться съ ключами. Покрытые древней ржавчиной, они съ трудомъ влѣзали въ замки и не хотѣли въ нихъ вращаться. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій , подалась кухонная дверь. Кажется, она не была даже заперта, а просто уступила сильному толчку.

Старикъ ушелъ, отдавъ Ивану Степановичу свой фонарь. Цвѣтъ остался въ пустомъ и незнакомомъ домѣ. Онъ не испыты-

валъ страха: ужасъ передъ сверхъестественнымъ, потустороннимъ былъ совершенно чуждъ его ясной и здоровой душѣ, — но отъ дороги у него сильно болѣла голова, все тѣло чувствовало себя разбитымъ, и гдѣ-то глубоко въ сознанiи трепетало томительное любопытство и смутное предчувствiе приближающагося необычайнаго событiя. Съ фонаремъ въ рукѣ обошелъ онъ всѣ комнаты нижняго этажа, странно не узнавая самого себя въ высокихъ старинныхъ, блѣдно-зеленыхъ зеркалахъ, гдѣ онъ самъ себѣ казался кѣмъ-то чужимъ, движущимся въ подводномъ царствѣ. Шаги его гулко отдавались въ просторныхъ пустынныхъ покояхъ, и было такое ощущенiе, что кто-то можетъ проснуться отъ этихъ звуковъ. Обои оборвались, отклеились и свисали большими колеблющимися лоскутами. Все покоробилось, сморщилось отъ времени и издавало тяжелые старческiе вздохи, кряхтѣнiе, жалобные скрипы: и изсохшiйся занозистый паркетъ, и рѣзные раскаряченные стулья и кресла краснаго дерева, и причудливые фигурные диваны, съ выгнутыми, въ видѣ раковинъ, спинками. Огромные шатающiеся хромоногiе шкапы и комоды, картины и гравюры на стѣнахъ, покрытые слоями пыли и паутины, бросали косыя, движущiяся тѣни на стѣны. И тѣнь отъ самого Цвѣта то уродливо выростала до самаго потолка, то падала и металась по стѣнамъ и по полу. Тяжелыя драпри на окнахъ и дверяхъ слегка пошевеливали своими мрачными глубокими складками, когда мимо нихъ проходилъ одинокiй, затерянный въ безлюдномъ домѣ, человѣкъ.

По винтовой узенькой лѣстницѣ Цвѣтъ взобрался наверхъ, во второй этажъ. Тамъ всѣ комнаты были завалены и заставлены всякимъ домашнимъ скарбомъ: поломанной мебелью, кучами тканей, сундуками, рогожами, корзинами, связками старыхъ газетъ. Но двѣ комнаты сохранили живую своеобразную физiономiю. Одна изъ нихъ раньше служила, вѣроятно, спальней. Въ ней до сихъ поръ еще сохранились умывальникъ, туалетный столъ и зеркальный гардеробный шкапъ. Вдоль стѣны стоялъ прекрасный старинный турецкiй диванъ, обитый оленьей кожей—такой ширины и длины, что на немъ могли бы улечься поперекъ шесть, или семь человѣкъ. На полу лежалъ огромный, чудесныхъ красныхъ тоновъ текинскiй коверъ. Другая комната, нѣсколько большихъ размѣровъ, сразу удивила и очаровала Цвѣта. Она одновременно походила и на рѣдкостную любительскую библiотеку, и на кабинетъ чертежника, и на лабораторiю алхимика, и на мастерскую куз-

неца. Больше всего занималъ мѣста зіяющій черной пастью горнъ съ нависшимъ челомъ, сложенный изъ массивнаго прокопченаго кирпича; около него сбоку на подставкѣ помѣщались раздувательные двойные мѣха. Одинъ круглый треногій столъ былъ уставленъ ретортами, колбами, пробками, тиглями, мензурками, термометрами, вѣсами всякихъ родовъ и многими другими инструментами, смыслъ и назначеніе которыхъ Цвѣтъ не въ состояніи былъ постичь. Однако, онъ замѣтилъ, что на многихъ изъ хрустальныхъ флакончиковъ, наполненныхъ порошками и жидкостями, приклеены были этикеты съ рисункомъ мертвой головы, или съ латинской надписью «venena«.

Другой столъ, ясеневый, большой, на козлахъ, похожій на обычные чертежные столы, былъ заваленъ папирусными свитками, записными книжками, исчерченными и исписанными листами бумаги, циркулями, линейками, а также книгами всякихъ форматовъ. Впрочемъ, книги были повсюду: на стульяхъ, на полу и, главнымъ образомъ, на дубовыхъ полкахъ, прибитыхъ вдоль стѣнъ, въ нѣсколько этажей, гдѣ онѣ стояли и лежали въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, всѣ очень стариннаго, солиднаго вида, большинство in folio, въ толстыхъ кожаныхъ переплетахъ, на которыхъ тускло поблескивало золотое тисненіе.

Два предмета на ясеневомъ столѣ привлекли особенное вниманіе Цвѣта: небольшая въ футъ длиною черная палочка; одинъ изъ концовъ ея обвивала нѣсколько разъ золотая змѣйка съ рубиновыми глазами; а также шаръ величиною въ крупное яблоко изъ литого мутнаго стекла или изъ полупрозрачнаго камня, похожаго на нефритъ, опалъ, или на сардониксъ. Палочка была тяжела, какъ свинцовая, или налитая ртутью, и чрезвычайно холодна наощупь. Шаръ же, когда его взялъ въ руку Цвѣтъ, поразилъ его своей легкостью, хотя не было сомнѣнія въ томъ, что онъ состоялъ изъ сплошной массы. Отъ него исходила странная, точно живая теплота, и въ глубинѣ его, въ самомъ центрѣ, рдѣлъ странный, густой и, въ зависимости отъ поворотовъ около фонаря, то бархатно-зеленый, то темно-фіолетовый крошечный огонекъ. Поверхность его подъ пальцами давала ощущеніе, подобное тому, какое даютъ талькъ, стеаринъ, мыло или слюда. Но чувствовалось, что онъ проченъ, какъ стальной.

Поставивъ фонарь на столъ, Цвѣтъ опустился возлѣ него въ глубокое старинное, мягкой кожи кресло и, движимый какимъ-то

необъяснимымъ, безсознательнымъ любопытствомъ, точно управляемый чьей-то чужой нѣжной, но могучей волей, потянулся за одной изъ лежавшихъ на столѣ книгъ, переплетенной въ ярко-красный сафьянъ, и раскрылъ ее.

На самомъ верху первой, обычно пустой страницы выцвѣтшими рыжими чернилами, очевидно, гусинымъ перомъ, четкимъ стариннымъ почеркомъ съ раздѣльными буквами въ словахъ, съ «н« похожими на «т« и «д« на «п«, тѣмъ характернымъ почеркомъ конца XVIII столѣтія, который такъ наивно схожъ съ печатнымъ курсивомъ того времени, было очаровательно-красиво выведено.

«Сія книга замѣтъ, наблюденій и опытовъ начата Отставнымъ Лейбъ-гвардіи Поручикомъ княземъ Никитой Федоровичемъ Калязинымъ Апрѣля 11-го дня, 1786-го года въ усадьбѣ Свистуны, Калязинской вотчины, Пензенской Губерніи.«

Нѣсколько ниже, посрединѣ страницы, круглымъ почеркомъ николаевскихъ временъ со множествомъ завитковъ надъ большими буквами и съ закорючками на хвостахъ выступающихъ буквъ, въ родѣ «р«, «д«, «у«, «з« и т. п. стояло:

«Сію книгу разыскалъ на ларькѣ у Сухаревой башни 24-го апрѣля 1848 года и того же числа приступилъ къ ея продолженію, дворянинъ Сергѣй Эрастовичъ Гречухинъ.

Москва, Сивцовъ Вражекъ, свой домъ.«

И еще ниже мелкимъ, легкимъ, граціознымъ, безъ малѣйшихъ нажимовъ, своеобразнымъ почеркомъ умницы, скупца, фантазера и математика:

«По мѣрѣ слабыхъ силъ буду продолжать этотъ великій трудъ, оставленный мнѣ по завѣщанію, какъ неоцѣненый даръ, моимъ учителемъ и другомъ. Надворный совѣтникъ Аполлонъ Цвѣтъ. 1899 г. Апрѣля 3-го, ус. Червоное, Черниг. губ. Стародубскаго у.«

Съ почтительнымъ, тревожнымъ и умильнымъ чувствомъ принялся Цвѣтъ бережно перелистывать одну за другой твердыя, какъ картонъ, желтыя, какъ слоновая кость, страницы.

Но содержаніе книги было выше тѣхъ средствъ, которыми Цвѣтъ располагалъ. На каждомъ шагу попадались въ ней мѣста, а порою и цѣлыя страницы, писанныя по-французски и по-нѣмецки, часто по-латыни, рѣже по-гречески, иногда же встрѣчалась пестрая восточная вязь—не то арабская, не то еврейская. Изъ латинскихъ словъ Цвѣтъ еще кое-какъ, съ трудомъ, напрягая усиленно память, понималъ десятое слово (онъ когда-то, въ свое время, дошелъ до

IV класса классической гимназіи), но цѣлыхъ изрѣченій одолѣть не могъ. Русскій текстъ двухъ первыхъ владѣльцевъ книги былъ также чрезвычайно тяжелъ для уразумѣнія. Онъ былъ написанъ тѣмъ стариннымъ, высокопарнымъ, таинственнымъ и туманнымъ слогомъ, какимъ писали прежде розенкрейцеры, а потомъ массоны.

Сравнительно понятнѣе были русскія строки, набросанныя изумительно красивымъ, прихотливымъ, тонкимъ почеркомъ покойнаго Цвѣта. Но смыслъ ихъ былъ или иносказателенъ, или содержалъ неинтересныя, сухія и краткія замѣтки о погодѣ, объ атмосферическихъ явленіяхъ, о нѣкоторыхъ открытіяхъ въ области химіи, физики и астрономіи, о кончинахъ никому неизвѣстныхъ и ничѣмъ не замѣчательныхъ людей.

Зато многія мѣста въ дядиномъ писаніи были, очевидно, зашифрованы, потому что представляли изъ себя, по первому взгляду, полную безсмыслицу. Однако, Цвѣту послѣ небольшихъ попытокъ удалось найти ключъ. Онъ былъ не особенно обыченъ, но и не чрезвычайно труденъ. Оказалось, надо было въ каждомъ словѣ, вмѣсто первой его буквы, подставлять букву, слѣдующую за нею въ порядкѣ алфавита, вмѣсто второй—третью, вмѣсто третьей—четвертую и т. д. Такимъ образомъ, въ этихъ секретныхъ записяхъ буква «а« значила мѣстоименіе я, буква «к« — союзъ и, «пессв« — расшифровывались въ «огонь«, часто встрѣчающійся знакъ «ехт« значилъ — «духъ«, «тнсжу«— читалось, какъ «слово«, нелѣпое «грлбсп« означало «возьми«.

Но и раскрытіе шифра не повлекло за собой ничего новаго. Разгаданныя фразы выходили запутанными, величественными и темными, подобно изрѣченіямъ оракуловъ, или духовъ на спиритическихъ сеансахъ. Чтобы ихъ одолѣть, надо было быть алхимикомъ, астрономомъ, герметистомъ или теософомъ. Цвѣтъ же былъ всего на-всего скромнымъ сиротскимъ чиновникомъ и лишь недурнымъ разгадывателемъ невинныхъ журнальныхъ ребусовъ и шарадъ. Однако, черезъ нѣсколько минутъ его способность къ раскрыванію замаскированныхъ рѣчей все-таки пригодилась ему.

Вся книга была вперемежку съ текстомъ испещрена множествомъ странныхъ рецептовъ, сложныхъ чертежей, математическихъ и химическихъ формулъ, рисунковъ, созвѣздій и знаковъ зодіака. Но чаще всего, почти на каждой страницѣ, попадался чертежъ двухъ равныхъ треугольниковъ, наложенныхъ другъ на друга такъ, что основанія ихъ противолежали другъ другу параллельно, а вершины

приходились—одна вверху, другая внизу, и вся фигура представляла изъ себя нѣчто въ родѣ шестилучной звѣзды съ двѣнадцатью точками пересѣченій. Чертежъ этотъ такъ и назывался въ дядюшкиномъ шифрѣ «Звѣздой Соломона«.

И всегда «Звѣзда Соломона« сопровождалась на поляхъ или внизу столбцомъ изъ однихъ и тѣхъ же семи именъ, написанныхъ на разныхъ языкахъ; то по-латыни, то по-гречески, то по-французски и по-русски:

Асторетъ (иногда Астаротъ или Аштаретъ).

Асмодей.

Внліалъ (иногда Ваалъ, Белъ, Вельзевулъ).

Дагонъ.

Люциферъ.

Молохъ.

Хамманъ (иногда Амманъ и Гамманъ).

Видно было, что всѣ три предшественника Цвѣта старались составить изъ буквъ, входящихъ въ имена этихъ древнихъ злыхъ демоновъ, какую-то новую комбинацію, — можетъ быть, слово, можетъ быть, цѣлую фразу—и расположить ее по одной буквѣ въ точкахъ пересѣченія звѣзды Соломона или въ образуемой ею треугольникахъ. Слѣды этихъ безчисленныхъ, но, вѣроятно, тщетныхъ попытокъ, Цвѣтъ находилъ повсюду. Три человѣка послѣдовательно, одинъ за другимъ, въ теченіе цѣлаго столѣтія, трудились надъ разрѣшеніемъ какой-то таинственной задачи—одинъ въ своей княжеской вотчинѣ, другой въ Москвѣ, третій въ глуши Стародубскаго уѣзда. Одно диковинное обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія Цвѣта. Какъ фантастически не перестраивали и не склеивали буквы прежніе владѣльцы книги—всегда и неизбѣжно въ ихъ работу входили два слога Sa-tan.

Яснѣе всего о безплодности этихъ попытокъ высказался Аполлонъ Цвѣтъ въ своей послѣдней замѣткѣ на 236 страницѣ. Тамъ стояли слѣдующія зашифрованныя слова, продиктованныя отчаяніемъ и усталостью. «Подумать только? Семнадцать буквъ. Изъ нихъ надо выбрать 13. Пять найдено—Sa-tan. Два раза «А«. Итого четыре. Еще одиннадцать. Или восемь? Или буквы опять повторяются? По теоріи чиселъ возможны милліоны комбинацій, сочетаній и перемѣщеній. Ключъ къ страшной формулѣ Гермеса Трисмегиста утерянъ. Кѣмъ? Великимъ Парацельсемъ? Или этимъ всесвѣтнымъ бродягой и авантюристомъ

Каліостро? Всѣ мы бредемъ ощупью и только безумный случай можетъ притти на помощь счастливцу. Или воля мудрыхъ пропала безвозвратно?

Ниже этихъ строкъ, немного отступя стояли еще три строки, исписанныя очень неразборчиво, дрожащей рукой:

«Чувствую упадокъ силъ. Заканчиваю свой трудъ. Все напрасно! Передаю слѣдующему за мной. Въ ключѣ формула. Въ формулѣ—сила. Въ силѣ—власть.

А. Цвѣтъ. . .«

У Ивана Степановича въ карманѣ была записная книжка, а въ ней всегда находился анилиновый карандашъ. Цвѣтъ досталъ его, послюнилъ и съ рѣшимостью вдохновенія написалъ на первой страницѣ слѣдующее.

«26-го апрѣля 19** года сію книгу нашелъ въ ус. Червоное и трудъ почтенныхъ предшественниковъ продолженъ. Канц. Служ. И. Цвѣтъ. Червоное«.

И когда онъ снова развернулъ книгу наудачу, на серединѣ, она открылась какъ разъ тамъ, гдѣ лежала странная закладка: тонкая изъ желтоватой массы таблетка вершковъ 4-хъ въ квадратѣ съ вырѣзаннымъ на ней рисункомъ «звѣзды Соломона« и множество крошечныхъ сантиметровыхъ квадратиковъ изъ того же матерьяла: на каждомъ изъ нихъ была выгравирована и выведена чернымъ лакомъ латинская буква. Цвѣтъ перевернулъ книгу, взявшись за оба корешка и сильно потрясъ ее. Еще нѣсколько квадратиковъ съ легкимъ стукомъ упали на столъ. Цвѣтъ пересчиталъ: ихъ было сорокъ четыре.

Странно:—подумалъ онъ.— Неужели мнѣ суждено открыть то, что не давалось тремъ умнымъ и образованнымъ людямъ на протяженіи цѣлаго вѣка? Ну, что-же . . . попробуемъ. . .

Въ фонарѣ свѣча догорала. Цвѣтъ зажегъ запасную, подержалъ ея тупой конецъ на огнѣ и прилѣпилъ свѣчу прямо на столъ, фонарь же задулъ. Теперъ ему стало свѣтлѣе, уютнѣе, и точно теплѣе. Онъ придвинулся еще ближе къ столу, и склонился надъ таблеткой. Вѣтеръ пересталъ трепаться за окнами. Въ комнатѣ стояла глубокая, равномѣрная тишина. И у Цвѣта было такое чувство, что онъ одинъ во всемъ мирѣ, сидитъ за своими костяшками въ маломъ тихомъ освѣщенномъ пространствѣ, а жизнь

—гдѣ-то далеко, въ темнотѣ, въ прошедшемъ, въ будущемъ. Громко тикали карманные часы.

Прежде всего онъ сложилъ изъ косточекъ и выровнялъ столбцомъ, какъ умѣлъ, имена этихъ злыхъ и кровожадныхъ боговъ. У него получилось ровно семь строкъ по одному имени въ каждой.

Astoret
Asmodeus
Dagon
Hamman
Lucifer
Moloh
Velial

И если онъ составлялъ ихъ немного безграмотно, или нѣсколькихъ квадратиковъ ему не хватало, то во всякомъ случаѣ всѣ 44 костяшки пошли у него въ дѣло и уже больше не было сомнѣнія въ томъ, что онъ правильно стоитъ на пути своихъ предшественниковъ.

Потомъ онъ сложилъ по кучкамъ всѣ одинаковыя буквы. Кучекъ оказалось 17. «Опять вѣрно«— подумалъ Цвѣтъ. Но въ формулу входитъ только тринадцать. Четыре лишнихъ. И почемъ знать—не повторяется ли какая-нибудь буква два или три раза въ «звѣздѣ Соломона?«

«Въ звѣздѣ всего 12 точекъ, значитъ тринадцатая и вѣрно, самая важная пойдетъ въ середину. Если начать со слова Satan, то не помѣстить ли S въ центрѣ внутренняго шестиугольника? И правда, у дядюшки сказано нѣсколько страницъ назадъ: «титулъ имени могущественнаго духа совмѣщаетъ въ себѣ мудрость змѣи и блескъ солнца«. Конечно—S. И Цвѣтъ поставилъ эту букву въ центрѣ шестиугольника, а по сторонамъ расположилъ другія буквы— a, t, a, n.

Начало вышло довольно удачнымъ, но дальше дѣло не пошло, а темныя указанія покойнаго Аполлона Цвѣта не приносили никакой пользы. Насилуя свою память, Цвѣтъ придумывалъ самыя ужасныя фразы и составлялъ ихъ изъ костяшекъ: Voco te Satanoe! Advocó te Satan! Veni huc Satana. . .

Но онъ самъ чувствовалъ инстинктомъ, что заблуждается.

И вдругъ у него мелькнула въ головѣ одна мысль, до того простая и, даже пошлая, что она, навѣрно, никакъ не могла притти въ

голову прежнимъ, углубленнымъ въ высокую и тайную науку мудрецамъ. Пересмотрѣть квадратики на свѣтъ!

Черезъ минуту его догадка дала блестящій результатъ. Онъ могъ бы надменно торжествовать надъ безплодными столѣтними поисками предковъ, если бы по натурѣ не былъ такъ скроменъ. Изъ всѣхъ сорока четырехъ квадратиковъ, которые онъ поочередно подносилъ къ свѣчѣ, тринадцать совершенно не пропускали ли свѣта. Это были слѣдующия буквы: a, a, e, f, g, i, m, n, o o, r, s, t. И въ нихъ также входили буквы составляющія страшное мудрое и блестящее имя Satan. Оставалось только рѣшить участь остальныхъ 8-ми буквъ e, g, i, m, o, o, r, f. И поэтому, спрятавъ лишнія косточки въ карманъ, Цвѣтъ терпѣливо и внимательно принялся передвигать маленькіе квадратики по тѣмъ пунктамъ, гдѣ пересѣкались линіи красивой шестиугольной фигуры со змѣевиднымъ S въ центрѣ. Дѣлалъ онъ это лѣвой рукой, а правой разсѣянно постукивалъ по таинственному легкому шару черной палочкой, которую машинально взялъ со стола.

Теперъ онъ воочію убѣдился въ безконечномъ разнообразіи расположенія буквъ, слоговъ и словъ. Онъ пробовалъ читать по линіямъ «звѣзды Соломона« справа и слѣва, сверху и снизу, по часовой стрѣлкѣ и обратно. У него получились необыкновенныя фантастическія слова въ родѣ—афит, униг, гано, офт, офир, мего, аргме, обхари, тасеф, нилоно и т. д. Но они ничего не значили ни на какомъ изъ языковъ. Тогда, продолжая постукивать палочкой по шару, Цвѣтъ сталъ пробовать выговорить всѣ тринадцать буквъ въ любомъ возможномъ для произношенія порядкѣ. «Танорифогемасъ, Морфогенатаси, Расатогоминфе . . . Голова его отяжелѣла. Уныніе и усталость все сильнѣе овладѣвали имъ. И вдругъ . . точно вдохновеніе подхватило Цвѣта, и его волнистые волосы выпрямились и холоднымъ ежомъ встали на головѣ.

— Афро—Аместигонъ!—воскликнулъ онъ громко и ударилъ палочкой по шару. Жалкій, тонкій пискъ раздался на столѣ. Цвѣтъ поднялъ глаза и сразу выпрямился отъ изумленія и ужаса. Странный шаръ раздался до величины арбуза. Внутри его ходили, свиваясь, какіе-то дымные сизые густые клубы, похожіе на тучи во время грозы, и зловѣщимъ кровавымъ заревомъ освѣщалъ ихъ изнутри невидимый огонь. А на шарѣ стояла на заднихъ лапахъ огромная черная крыса. Глаза ея свѣтились голубымъ фосфорическимъ блескомъ. Изъ раскрытой красной пасти выхо-

дилъ жалобный визгъ. И вся крысиная морда была поразительно похожа на чье-то очень знакомое лицо. «Мефодій Исаевичъ Тоффель!« мелькнуло быстро въ памяти Цвѣта. — Мефис-тоффель!

Онъ замахнулся палкой и крикнулъ на весь домъ.

— Кш! проклятый! Брысь! Афро-Аместигонъ!

Онъ самъ не зналъ, почему у него назвалось это фантастическое имя. Но крыса тотчасъ же исчезла, точно растаяла. Вмѣсто нея изъ темноты выдвинулась огромной величины козлиная голова, съ дрожащей бородой, съ выпученными фосфорическими глазищами, съ шевелящими губами, мерзко и страшно похожими на человѣческое лицо. Отвратительно и остро запахло въ комнатѣ козлинымъ потомъ.

— Мэ-э-э! . . . угрожающе заблеялъ козелъ и наклонилъ рога.

— Ахъ, такъ? — крикнулъ въ исступленіи Цвѣтъ. — Афро-Аместигонъ!

Изъ всей силы онъ пустилъ тяжелой палкой въ козлиную морду. Но не попалъ. Ударъ пришелся по огненному шару. Раздался страшный грохотъ, точно взорвался пороховой погребъ. Ослѣпительное пламя рванулось къ потолку. Сѣрный удушливый ураганъ дохнулъ на Цвѣта.

И онъ потерялъ сознаніе.

V.

Должно быть отъ усталости и перенесенныхъ волненій съ нимъ приключился длительный обморокъ, перешедшій потомъ, самъ собою, въ глубокій каменный сонъ. Проснулся онъ потому, что узенькій солнечный лучъ, пробившійся длинной золотой спицей сквозь круглую молеѣдину въ темно-вишневой занавѣси окна, долго скользилъ по шеѣ, по губамъ, и по носу Цвѣта, пока, наконецъ, не уперся ему въ глазъ и защекоталъ своимъ жгучимъ прикосновеніемъ.

Цвѣтъ зажмурился, чихнулъ, открылъ глаза и сразу почувствовалъ себя такимъ бодрымъ, свѣжимъ, легкимъ и ловкимъ, какъ-будто бы все его тѣло потеряло вѣсъ, какъ будто кто-то внезапно снялъ съ его груди и спины долго стѣснявшую тяжесть, какъ-будто ему вдругъ стало девять лѣтъ, когда люди болѣе склонны летать, чѣмъ передвигаться по землѣ.

Онъ вовсе не удивился тому, что проснулся одѣтымъ и лежащимъ не въ лабораторіи, а въ смежной спальной комнатѣ, на широкомъ

замшевомъ диванѣ, и что подъ головой у него была старинная, атласная, вышитая шелковыми цвѣтами подушка, неизвѣстно откуда взявшаяся. Но все, что произошло съ нимъ вчера въ кабинетѣ полусумасшедшаго алхимика, совершенно исчезло, выпало изъ его памяти точно кто-то стеръ губкой всѣ событія этой странной и страшной ночи. Онъ помнилъ только, какъ пришелъ вечеромъ въ домъ, остался одинъ и пробовалъ, отъ нечего дѣлать, читать какую-то древнюю, рукописную старческую дребедень. Но усталъ смертельно, и самъ не знаетъ, какъ дотащился до дивана.

Онъ быстро вскочилъ, подбѣжалъ къ окну, отодвинулъ тяжелую занавѣску, скользнувшую костяными кольцами по деревянному шесту, и распахнулъ форточку. Съ наслажденіемъ почувствовалъ ,что никогда еще его движенія не были такъ радостно легки и такъ пріятно послушны волѣ. Зелень, лазурь и золото прохладнаго весенняго утра радостно вторгнулись въ душный, много лѣтъ непровѣтренный покой.

«Ахъ, хорошо жить!« — подумалъ Цвѣтъ, глубоко, съ трепетомъ вдыхая воздухъ. «Только, вотъ стаканчикъ бы чаю . . . А какъ его достанешь?«

Тотчасъ же сзади него скрипнула дверь. Онъ обернулся. Въ комнату входилъ вчерашній ветхій церковный сторожъ, съ трудомъ неся передъ собой маленькій, пузатый, ярко начищенный самоваръ.

— Добрый день, панычъ, — прошамкалъ онъ въ свою зеленую бороду. — А вы такъ хорошій кусокъ сна хватили. Дверь оставили незачинивши. То-то молодость. Я, вотъ, чайку вамъ скипятилъ. Пождите трошки, я заразъ принесу.

Черезъ минуту онъ вернулся съ подносомъ, на которомъ стояла чайная посуда, лежалъ бѣлый домашній хлѣбъ, нарѣзанный щедро, толстыми кусками; былъ и медъ въ блюдечкѣ, и сливки, и старый съеженный временемъ лимонъ.

— Самоваръ я у батюшки-попа занялъ, — дѣловито объяснялъ сторожъ.— А цитрону досталъ у лавочника. Я знаю, что паны любятъ чай съ цитроной пить. Я, вѣдь, и вашему дядькѣ прислуживалъ. Вчера запомнилъ вамъ сказать. Дурная голова стала. Что давношнее, еще за Севастополь, хорошо помню, а что поближе вовсе растерялъ. Кушайте на здоровьечко.

— Садитесь и вы дѣдушка, — предложилъ Цвѣтъ. Давайте стаканъ, я вамъ налью.

— Покорнѣйше благодарю, ваше благородіе. Не откажусь. Если водочку изволите по утрамъ употреблять, это я тоже могу сбѣгануть. Близко. Не надо? Ну, какъ ваше желаніе.

Старикъ сосалъ беззубымъ ртомъ сахаръ, тянулъ чай съ блюдечка и понемногу разговорился. Сбивался часто на Николаевскую желѣзную службу и на военные походы, но кое-что съ трудомъ вспомнилъ и объ Аполлонѣ Николаевичѣ. Покойный Цвѣтъ, по его словамъ, былъ панъ добрый, никого не обижалъ, не былъ ни сутягой, ни гордецомъ, но жилъ большимъ нелюдимомъ. Хозяйство у него вела старая и презлющая одноокая женщина, онъ ее привезъ съ собою изъ Питера въ Червоное. А за дворней и за лошадью ходилъ солдатъ—большой грубіянъ и пьяница. Никого изъ сосѣдей у себя Цвѣтъ не принималъ, но и самъ ни къ кому не ѣздилъ. А что онъ какъ-будто бы занимался по чернымъ книгамъ, все это бабьи сплетни. Въ церкву, правда, не ходилъ, ну да это какъ сказать—каждый можетъ свою вѣру справлять самъ по себѣ. Вотъ у насъ есть на Червономъ и въ Зябловкѣ такіе,—что тоже въ церкву не ходятъ, а просто у себя по воскресеньямъ собираются въ хатѣ и читаютъ въ книгу. А живутъ ничего себѣ, хорошо . . . Не пьютъ, не курятъ, въ карты не играютъ . . . Чисто вокругъ себя, ходятъ . . Брешутъ, что будто бы насчетъ бабъ у нихъ непорядокъ . . .

Сначала Цвѣтъ съ беззаботнымъ, свѣтлымъ равнодушіемъ слушалъ болтовню старика. Но понемногу до его обонянія сталъ достигать и тревожить отдаленный, а потомъ все болѣе замѣтный запахъ гари. Запахъ этотъ сдѣлался, наконецъ, такъ силенъ, что даже сторожъ его услышалъ.

— А ужъ не горитъ ли что у насъ часомъ?— спросилъ онъ, бережно ставя блюдце на столъ.

— И то горитъ — согласился Цвѣтъ: — Пойду посмотрю.

Онъ вышелъ въ кабинетъ, сопровождаемый старцемъ. На большомъ столѣ дымно и ярко пылала развернутая книга въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ. Цвѣтъ быстро сообразилъ, что онъ вчера, должно быть, забылъ потушить свѣчу, и она, догорѣвъ, упала фитилемъ на страницу и передала огонь.

— А ну, кидайте ее въ печку, ваше благородіе,—посовѣтовалъ храбрый старикъ. — Давайте я.

Цвѣтъ протянулъ было руку, чтобы помѣшать сторожу.

— Оставьте. Можно потушить.

Но книга уже полетѣла въ черный разверстый ротъ горна и запылала въ немъ весело и бурливо.

— Отъ такъ! — крикнулъ съ удовольствіемъ сторожъ. — Туда ее, къ чортовой матери.

— А и правда, — спокойно согласился Цвѣтъ и повернулся спиной къ камину. И совсѣмъ въ этотъ моментъ онъ не вспомнилъ тѣхъ часовъ, которые провелъ въ минувшую ночь, склонившись надъ красной книгой. Но почему то ему внезапно сдѣлалось скучно . . .

Съ помощью сторожа онъ открылъ кое-гдѣ въ залѣ и гостиной забухшія, прогнившія ставни, и огромныя комнаты при дневномъ свѣтѣ показались во всемъ своемъ пустомъ неприглядномъ и запущенномъ видѣ, говорившемъ о грязной, тоскливой разлагающейся старости. Всюду по угламъ темными, колеблющимися занавѣсками висѣла паутина, закоптѣлые, потрескавшіеся потолки были черны, мебель, изъѣденная временемъ и крысами, кособокая и покоробленная, разверзала свои внутренности изъ волосъ, рогожи и пружинъ. Деревянныя ветхія стѣны кое-гдѣ просвѣчивали сквозными дырами наружу. Пахло затхлостью, мышами, грибами, плѣсенью, погребомъ и смертью . . .

— Ну, и хламъ! — сказалъ Цвѣтъ, качая головой.

— И правда, — согласился сторожъ. Въ немъ если жить, то надо съ опаской, Того гляди, развалится. И чинить нѣтъ расчета. Надо новый ставить.

По шаткимъ, искрошившимся ступенямъ Цвѣтъ спустился въ садъ. Но тамъ было еще грустнѣе, еще острѣе чувствовалось забвеніе, заброшенность, одичаніе мѣста. Дорожки густо заросли травою, трухлявые заборы покосились, почернѣли и позеленѣли, перебитыя стекла маленькой оранжереи отливали грязно-радужными полосами.

Чувство одиночества, усталости и тоски вдругъ такъ сильно охватило Цвѣта, что онъ физически почувствовалъ его томленіе въ горлѣ и въ груди. Для чего онъ тащился на край свѣта? Кому нужна эта рухлядь? Крошечная комната въ городѣ, на верху шестого этажа, подъ гробоподобной крышкой представилась ему во всей привлекатеьности милаго привычнаго уюта. «Ахъ, хорошо бы поскорѣе домой», — подумалъ онъ, — «Ни за что здѣсь не стану жить.«

Въ эту минуту по дорогѣ послышался колокольчикъ. Потомъ донеслись звуки колесъ. Какой-то экипажсъ остановился у воротъ.

— «Никакъ почта изъ Козинецъ?«, — сказалъ сторожъ, — «У нея такой звонокъ«.

Цвѣтъ торопливо вышелъ на тополевую аллею. На встрѣчу ему приближался почтальонъ, высокій, длинный малый, молодой, веселый. Рыжіе курчавые волосы буйно торчали у него изъ-подъ лихо сбитой на бокъ фуражки. Голубые глаза бойко блестѣли на веснущатомъ лицѣ.

— Господинъ Цвѣтъ? Это вы? Вамъ телеграмма—крикнулъ почтальонъ на ходу. — «Съ пріѣздомъ имѣю честь«.

Цвѣтъ распечаталъ и развернулъ сѣрый квадратный пакетъ. Телеграмма была отъ Тоффеля.

»Козинцы нарочнымъ червоное усадьба помѣщику Цвѣту.

Выѣзжайте немедленно нашелъ покупателя пока сорокъ тысячъ постараюсь больше привѣтъ Тоффель.«

Цвѣта самого нѣсколько поразило то странное обстоятельство, что въ первое мгновеніе онъ какъ-будто не могъ сообразить, что это за человѣкъ ему телеграфируетъ, и лишь съ нѣкоторымъ, небольшимъ усиліемъ вспомнилъ личность своего ходатая. Но тому, что его мысль о продажѣ усадьбы такъ ловко совпала съ появленіемъ телеграммы, онъ совершенно не удивился и даже надъ этимъ не задумался.

— Надо, дѣдушка, мнѣ ѣхать обратно, — сказалъ онъ дѣловито. — Какъ бы лошадь достать въ селѣ?

— А вотъ не угодно ли со мной? — охотно предложилъ почтальонъ. — Мнѣ все равно на станцію ѣхать. Я и телеграмму вашу по пути захватилъ изъ Козинецъ. Кони у насъ добрые. Дадите ямщику полтинникъ на водку—мигомъ доставитъ. И какъ разъ къ курьерскому.

— Мало погостили—замѣтилъ древній церковный сторожъ. — А и то сказать, что у насъ вамъ за интересъ? . . . Человѣкъ вы городской, молодой . . . Покорнѣйше благодарю ваше благородіе . . . Тяпну за ваше здоровье . . . Пожелаю вамъ отъ души всякихъ успѣховъ въ дѣлахъ вашихъ. Дай вамъ . . .

— Ладно, ладно—весело перебилъ Цвѣтъ. Подождите, я только сбѣгаю за чемоданомъ и — ѣзда!

VI.

Когда мы глядимъ на освѣщенный экранъ кинематографа и видимъ, что на немъ жизненныя событія совершаются обыденнымъ,

нормальнымъ, развѣ лишь чуть-чуть усиленнымъ темпомъ, то это означаетъ, что лента проходитъ мимо фокуса аппарата со скоростью около двадцати послѣдовательныхъ снимковъ въ секунду. Если демонстраторъ будетъ вращать рукоятку нѣсколько быстрѣе, то, соразмѣрно съ этимъ, ускорятся всѣ жесты и движенія. При сорока снимкахъ въ секунду люди проносятся по комнатѣ, не подымая и не сгибая ногъ, точно скользя сразбѣгу, на конькахъ; извозчичья кляча мчится съ рѣзвостью первокласснаго рысака и кажется, стоногой; молодой человѣкъ, опоздавшій на любовное свиданіе, мелькаетъ черезъ сцену съ мгновенностью метеора. Если, наконецъ, демонстратору придетъ въ голову блажной капризъ еще удвоить скорость ленты, то на экранѣ получится одна сплошная, сѣрая, мутная, дрожащая и куда-то улетающая полоса.

Именно въ такомъ бѣшенномъ темпѣ представилась бы глазамъ посторонняго наблюдателя вся жизнь Цвѣта послѣ его поѣздки въ Червоное. Сотни, тысячи, милліоны самыхъ пестрыхъ событій вдругъ хлынули водопадомъ въ незамѣтное существованіе кроткаго и безобиднаго человѣка, въ это тихое прозябаніе божьей коровки. Рука невидимаго оператора вдругъ завертѣла его жизненную ленту съ такой лихорадочной скоростью, что не только дни и ночи, обѣды и ужины, комнатныя и уличныя встрѣчи и прочая обыденщина, но даже событія самыя чрезвычайныя, приключенія неслыханно-фантастическія, всякія сказочныя, небывалыя чудеса—все слилось въ одинъ мутный, чортъ знаетъ куда несущійся вихрь.

Изрѣдка, какъ-будто бы, рука незримаго оператора уставала и онъ, не прерывая вращенія, передавалъ рукоятку въ другую руку. Тогда сторонній зритель этого живого кинематографа могъ бы, впродолженіе четырехъ-пяти секундъ, разинувъ отъ удивленія ротъ и вытаращивъ глаза, созерцать такія вещи, которыя даже и не снились неисчерпаемому воображенію прекрасной Шахразады, услаждавшей своими волшебными разсказами безсонныя ночи царя Шахріора. И всего замѣчательнѣе было въ этомъ житейскомъ, невѣсть откуда сорвавшемся ураганѣ то, что главный его герой Иванъ Степановичъ Цвѣтъ совсѣмъ не удивлялся тому, что съ нимъ происходило. Но временами испытывалъ тоскливую покорность судьбѣ и безсиліе передъ неизбѣжнымъ.

Слегка поражало его—хотя лишъ на неуловимыя короткія секунды—то обстоятельство, что сквозь яркій, радужный калейдоскопъ его безчисленныхъ приключеній очень часто и независимо

отъ его воли мелькала, — точно просвѣчивающія строчки на оборотѣ почтовой бумаги, точно водяные знаки на кредитномъ билетѣ, точно отдаленный подсонъ узорчатаго сна—давнишняя знакомая обстановка его мансарды: желтоватенькіе обои, симетрически украшенные зелеными вѣнчиками съ красными цвѣточками; японскія ширмы, на которыхъ красноногіе аисты шатали въ тростникѣ, а плѣшивый рыбакъ въ синемъ кимоно сидѣлъ на камнѣ съ удочкой; окно съ тюлевыми занавѣсками, подхваченными голубыми бантами. Эти предметы быстро показывались въ общемъ сложномъ, громоздкомъ и капризномъ движеніи и мгновенно таяли, исчезали, какъ дыханіе на стеклѣ, оставляя въ душѣ мимолетный слѣдъ недоумѣнія, тревоги и страннаго стыда.

Началось все это кинематографическое волшебство на станціи Горынище, куда около полудня пріѣхалъ Цвѣтъ, сопровождаемый услужливымъ почтальономъ. Этотъ случайный попутчикъ оказался премилымъ малымъ, лѣтъ почти одинаковыхъ съ Иванъ Степановичемъ, но безъ его стѣснительной скромности, — веселымъ, предпріимчивымъ, здоровымъ, смѣшливымъ, игривымъ, и легкомысленнымъ, какъ годовалый щенокъ крупной породы. Должно быть, онъ простосердечно, безъ затѣй, съ огромнымъ молодымъ аппетитомъ глоталъ всѣ радости, которыя ему дарила неприхотливая жизнь въ деревенской глуши: былъ мастеръ отхватить колѣнце съ лихимъ переборомъ на гитарѣ, гоголемъ пройтись соло въ пятой фигурѣ кадрили на вечеринкѣ у попа, начальника почтовой конторы или волостного писаря, весело выпить, закусить и въ хорѣ спѣть вѣрнымъ вторымъ теноркомъ «накинувъ плащъ съ гитарой подъ полою«, сорвать въ темнотѣ сѣней, или играя въ горѣлки, быстрый трепетный поцѣлуйчикъ съ лукавыхъ, но робкихъ дѣвичьихъ устъ, проиграть полтинникъ въ козла, или въ двадцать одно пухлыми потемнѣвшими картами и съ гордостью носить съ лѣваго бока огромную, невынимающуюся изъ ноженъ шашку, а съ праваго десятифунтовый револьверъ Смита-Вессона, казеннаго образца, заржавленный и безъ курка.

Этотъ молодчина совсѣмъ плѣнилъ и очаровалъ скромнаго Цвѣта. Поэтому, пріѣхавъ въ Горынище, они оба съ удовольствіемъ выпили водки въ станціонномъ буфетѣ, закусили очень вкусной маринованной сомовиной и почувствовали другъ къ другу то мгновенное, безпричинное, но крѣпкое дружественное влеченіе, которое такъ понятно и прелестно въ молодости.

Два пассажирскихъ поѣзда почти одновременно подошли съ разныхъ сторонъ къ станціи. Надо было прощаться. Нѣжный сердцемъ Цвѣтъ затуманился. Крѣпко пожимая руку Василія Васильевича, онъ вдругъ почувствовалъ непреодолимое желаніе подарить ему что-нибудь на память, но ничего не могъ придумать кромѣ тикавшихъ у него въ карманѣ старыхъ дешевенькихъ томпаковыхъ часовъ съ вытертыми и позеленѣвшими отъ времени крышками. Однако онъ сообразилъ, что и этотъ дешевый предметъ можетъ оказаться кстати: по дорогѣ веселый почтальонъ уморительно разсказывалъ о томъ, какъ на дняхъ, показывая знакомымъ дѣвицамъ замѣчательный фокусъ и «таинственный факиръ, или яичница въ шляпѣ«, онъ вдребезги разбилъ свои анкерные стальные часы кухоннымъ пестикомъ.

«Неважная штучка мои часы« — подумалъ Цвѣтъ, — «а всетаки память. И брелочекъ при немъ, сердоликовая печатка . . . можно отдать вырѣзать начальныя буквы имени и фамиліи, или пронзенное сердце . . .«

Онъ сказалъ ласково:

— Вы прекрасный спутникъ. Если бы мнѣ не ѣхать, мы съ вами навѣрно подружились бы. Не откажитесь же принять отъ меня на добрую память вотъ этотъ предметъ . . .

И, опуская пальцы въ жилетный карманъ, онъ добавилъ, чтобы затушевать незначительность дара легкой шуткой:

. . . вотъ этотъ золотой фамильный хронометръ съ брилліантовымъ брелкомъ . . .

— Го-го-го! — добродушно захохоталъ почтальонъ. Если не жалко, то что же, я, по совѣсти, не откажусь.

И Цвѣтъ самъ выпучилъ глаза отъ изумленія, когда съ трудомъ вытащилъ на свѣтъ божій огромный, старинный прекрасный золотой хронометръ, работы отличнаго англійскаго мастера Нортона. Случайно притиснутая матеріей, пружинка сообщилась съ боемъ, и часы мелодично принялись отзванивать двѣнадцать. Къ часамъ былъ на тонкой золотой цѣпочкѣ-ленточкѣ прикрѣпленъ черный эмалевый перстенекъ съ небольшимъ брилліантомъ, засверкавшимъ на солнцѣ, какъ чистѣйшая капля росы.

— Извините . . . такая дорогая вещь — пролепеталъ смущенный почтальонъ. — Мнѣ, право, совѣстно.

Но удивленіе уже покинуло Цвѣта. «Вѣроятно, по разсѣянности захватилъ дядины. Все равно, пустяки, — подумалъ онъ

небрежно, и сказалъ съ великолѣпнымъ по своей простотѣ жестомъ:

— Возьмите, возьмите, другъ мой. Я буду радъ, если эта бездѣлушка доставитъ вамъ удовольствіе.

VII.

Пришло время проститься. Рыжему почтальону надо было бѣжать за своей кожаной сумкой съ корреспонденціей. Молодые люди еще разъ крѣпко пожали другъ другу руки, поглядѣли другъ другу въ глаза и почему-то внезапно поцѣловались.

— Чудесный вы человѣчина, — сказалъ растроганный Цвѣтъ. — Отъ души желаю вамъ стать какъ можно скорѣе почтмейстеромъ, а тамъ и жениться на красивой, богатой и любезной особѣ.

Почтальонъ махнулъ рукой съ видомъ веселаго отчаянія.

— Эхъ, гдѣ ужъ намъ, дуракамъ, чай пить. Первое ваше пожеланіе, если и сбудется, то развѣ лѣтъ черезъ пять. Да и то надо чтобы слетѣлъ или умеръ кто-нибудь изъ начальниковъ въ округѣ, ну а я зла никому не желаю. А второе—увы мнѣ чадо мое!—также для меня невѣроятно, какъ сдѣлаться китайскимъ богдыханомъ. Вамъ то я, дорогой господинъ Цвѣтъ, конечно, признаюсь съ полнымъ довѣріемъ. Есть тутъ одна . . . въ Стародубѣ . . . звать Клавдушкой . . . Поразила она меня въ самое сердце. На Рождествѣ я танцовалъ съ ней и даже успѣлъ объясниться. Но—куда! Отецъ лѣсопромышленникъ, богатѣющій человѣкъ. Однѣми деньгами даетъ за Клавдушкой приданаго три тысячи, не считая того, что вещами. Что я ей за партія? Однако, мое объясненіе приняла благосклонно. Сказала: «потерпите, можетъ быть и удастся повліять на папашу. Подождите—сказала—я васъ извѣщу«. Но вотъ и апрѣль кончается . . . Понятное дѣло, забыла. Дѣвичья память коротка. Эхъ, завей горе веревочкой. Однако, пожелаю счастливаго пути . . . Всего вамъ наилучшаго . . . Бѣгу, бѣгу.

Иванъ Степановичъ вошелъ въ вагонъ. Окно въ купэ было закрыто. Опуская его, Цвѣтъ замѣтилъ, какъ разъ напротивъ себя, въ открытомъ окнѣ стоявшаго встрѣчнаго поѣзда, въ трехъ шагахъ разстоянія, очаровательную женскую фигуру. Темный фонъ сзади нея мягко и рельефно, какъ на картинкѣ выдѣлялъ нарядную весеннюю бѣлую шляпку, съ розовыми цвѣтами, свѣтло-сѣрое шелковое пальто, розовое цвѣтущее нѣжное прелестное лицо и огром-

ный букетъ свѣжей, едва распустившейся, только этимъ утромъ сорванной сирени, который женщина держала обѣими руками.

«Какъ хороша! — подумалъ Цвѣтъ, не сводя съ нея восторженныхъ глазъ. — Сколько нѣжности, чистоты, ума, доброты, изящества. Нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ подобной ей! Есть много красавицъ, но она единственная, ни на кого не похожая, неповторяемая. Ахъ, она улыбается!«.

Правда. Она улыбалась, но только чуть-чуть, одними глазами, и въ этой тонкой улыбкѣ было и невинное кокетство, и ласка, и радость своему здоровью, и весеннему дню, и молодое проказливое веселье. Она погрузила носъ, губы и подбородокъ въ гроздья цвѣтовъ, время отъ времени, будто мимоходомъ, соединяла свои темные, живые глаза съ восхищенными глазами Ивана Степановича.

Но вотъ поѣздъ Цвѣта медленно поплылъ вправо. Однако, черезъ секунду стало ясно, что это только миражъ, столь обычный на желѣзныхъ дорогахъ: шелъ поѣздъ красавицы, а его поѣздъ еще не двигался. «Хоть бы одинъ цвѣтокъ мнѣ?« — Мысленно воскликнулъ Цвѣтъ. И тотчасъ же прекрасная женщина съ необыкновенной быстротой и съ поразительной ловкостью бросила прямо въ открытое окно Цвѣта букетъ. Онъ умудрился поймать его и еще поспѣлъ, высунувшись въ окно, нѣсколько разъ картинно прижать его къ губамъ. Но красавица разсмѣявшись такъ весело, что ея зубы засверкали въ блескѣ весенняго полудня, наклонила голову въ знакъ прощанія и быстро скрыласъ въ окнѣ. А тамъ ея вагонъ запестрѣлъ, помутнѣлъ, слился въ линіи другихъ вагоновъ и исчезъ.

Тронулся и вагонъ Цвѣта. Въ ту же секунду загремѣла отодвигаемая дверь. Въ купэ ворвался все тотъ же почтальонъ, Василій Васильевичъ. Шапка у него слѣзла совсѣмъ на затылокъ, рыжія кудри горѣли пожаромъ, лицо было красно и сіяло блаженствомъ. Въ сильномъ возбужденіи принялся онъ тискать руки Ивана Степановича.

— Дорогой мой . . . если бы вы знали . . . Что? Поѣздъ идетъ? Э, наплевать на корреспондентовъ. Попили моего пота . . . Подождутъ одинъ день . . . Провожу васъ до первой станціи . . . Такой день никогда не повторится . . . Если бы вы знали! . . Да, нѣтъ, вы воистину магъ, волшебникъ, чародѣй и прорицатель. Вы точно какъ въ старыхъ сказкахъ какой то чудесный добрый колдунъ..

— Милый Василій Васильевичъ, пожалуйста, выскажитесь толкомъ. Ничего не понимаю.

— Да какъ же! Послушайте только! Прощаясь, вы мнѣ говорили: желаю вамъ сдѣлаться начальникомъ почтоваго отдѣленія. Такъ? Помните?

— Помню.

— И дальше. Желаю вамъ успѣха у одной прекрасной барышни, которая, и такъ далѣе . . . Вѣрно?

— Ну, да.

— И вотъ, представьте себѣ . . . какъ по щучьему велѣнію! . . . Принимаю мѣшокъ, а онъ ужъ старый и трухлый и вдругъ расползся. Цѣлая гора писемъ вылѣзла наружу. Я ихъ подбираю. И вдругъ вижу сразу два, и оба мнѣ. Поглядите, поглядите только.

Онъ совалъ въ руки Цвѣта два конверта. Одинъ казенный, большой, сѣрый, другой маленькій фіолетовый съ милыми каракулями. Цвѣтъ замѣтилъ деликатно:

— Можетъ быть въ этихъ письмахъ что-нибудь такое . . . что мнѣ неудобно знать? . . .

— Вамъ? Вамъ? Вамъ все дозволено! Вы мой благодѣтель. Смотрите! Читайте!

Цвѣтъ прочиталъ. Первый пакетъ—былъ отъ округа. Въ немъ разъѣздной почтальонъ Василій Васильевичъ Модестовъ, дѣйствительно, назначался и. д. начальника почт.- тел. отдѣленія въ мѣстечко Сабурово, въ замѣстители тяжело заболѣвшаго почтмейстера. А въ фіолетвомъ письмѣ, на зеленой бумагѣ, съ двумя цѣлующимися налѣпными голубыми голубками на первой страницѣ въ лѣвомъ верхнемъ углу, было старательно выведено полудѣтскимъ катящимся внизъ почеркомъ пять строкъ безъ обращенія, продиктованныхъ безхитростной надеждой и наивнымъ ободреніемъ, а, кстати, съ тридцатью грамматическими ошибками.

— И прекрасно, —сказалъ ласково Цвѣтъ, возвращая письма. — Сердечно радъ за васъ.

— И я безмѣрно счастливъ! — ликовалъ почтальонъ. — Эхъ, теперь бы на радостяхъ дернуть какого-нибудь кагорцу. Угостилъ бы я охотно милаго друга-пріятеля на послѣднюю пятерку. Господинъ волшебникъ, какъ бы намъ соорудить?

— Что же. И я бы не прочь, — отозвался Цвѣтъ. И въ тотъ же мигъ въ дверь постучались. Появился въ синей курткѣ съ золотыми пуговицами оффиціантъ съ карточкой въ рукѣ.

— Завтракать будете?

— Вотъ что — увѣренно отвѣтилъ Цвѣтъ. — Завтракать мы, конечно, будемъ. А пока подайте-ка намъ . . . — Онъ задумался, но всего лишь на секунду. — Подайте намъ сюда бутылку шампанскаго и на закуску икры получше и маринованныхъ грибовъ.

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ почтительно, съ едва лишъ уловимымъ оттѣнкомъ насмѣшки оффиціантъ и скрылся.

— Я вамъ говорилъ, что вы кудесникъ — обрадовался почтальонъ. Если вы захотите сейчасъ музыку, то будетъ и музыка. Прикажите пожалуйста. Вѣдь каждое ваше желаніе исполняется.

Цвѣтъ вдругъ поблѣднѣлъ. Сердце его сжалось отъ какого-то томительнаго тайнаго страха.

И онъ произнесъ слабымъ дрожащимъ голосомъ:

— Хорошо. Пусть будетъ музыка.

Сладкій гитарный ритурнель послышался въ коридорѣ. Два горловыхъ сиплыхъ, но очень пріятныхъ и вѣрныхъ голоса, мужской и женскій — запѣли итальянскую пѣсенку.

. . . O solo mio . . .

Модестовъ выглянулъ изъ купэ.

— Бродячіе музыканты! — доложилъ онъ. — Ну, однако, вамъ и везетъ. Прямо волшебство.

Цвѣтъ не отвѣтилъ ему. Онъ вдругъ въ какомъ-то озареніи, съ ужасомъ вспомнилъ весь нынѣшній день, съ самаго утра. Правду сказалъ почтальонъ—всякое его желаніе исполнялось почти мгновенно. Проснувшись, онъ захотѣлъ чаю—сторожъ принесъ чай. Онъ подумалъ—и то мимолетно,—что хорошо бы было развязаться съ усадьбой— получилась телеграмма отъ Тоффеля. Захотѣлъ ѣхать— Василій Васильевичъ предложилъ повозку и лошадей. Шутя сказалъ — «дарю хронометръ« — и вынулъ изъ кармана неизвѣстно чьи, дорогіе, старинные золотые часы. Влюбившись мгновенно въ красавицу изъ вагоннаго окна, захотѣлъ получить цвѣтокъ изъ ея букета — и получилъ такъ мило и неожиданно весь букетъ, съ воздушнымъ поцѣлуемъ и обольстительной улыбкой въ придачу. Случайно, изъ простой любезности посулилъ Василію Васильевичу повышеніе по службѣ и желанную свадьбу, и судьба уже потворствуетъ его капризу. И сейчасъ, въ вагонѣ два пустяшныхъ случая подъ рядъ . . . Что-то нехорошее заключено въ этой послушной торопливости случая . . . И главное, — самое главное и самое тяжелое — то, что всѣ эти явленія такъ неизбѣжно, столь легко и

такъ просто зависятъ отъ какой-то новой стороны въ душѣ самого Цвѣта, что въ нихъ даже нѣтъ ничего удивительнаго.

Цвѣтъ сразу заскучалъ, омрачнѣлъ и какъ бы ожесточѣлъ сердцемъ. Теплое шампанское съ икрой показалось ему противнымъ. А въ вагонѣ-ресторанѣ ему неожиданно надоѣлъ рыжій почтальонъ: показался вдругъ черезчуръ размякшимъ, болтливымъ, приторнымъ и фамильярнымъ. Въ этотъ моментъ они ѣли рыбу. Василій Васильевичъ, пронзивъ ножомъ добрый кусокъ судачьяго филея, уже подносилъ его къ открытому рту, когда Цвѣтъ лѣниво подумалъ про себя:

«А убрался бы ты куда-нибудь къ чорту.«

Модестовъ, быстро лязгнувъ зубами, закрылъ ротъ, положилъ ножъ съ рыбой на тарелку, позеленѣлъ въ лицѣ, покорно всталъ, сказалъ — «извините, я на секунду« и вышелъ изъ вагона. И уже больше совсѣмъ не возвращался. Заснулъ ли онъ гдѣ-нибудь въ служебномъ отдѣленіи, или сорвался съ поѣзда—этого Цвѣтъ никогда не узналъ. Да, по правдѣ сказать, никогда и не заинтересовался этимъ.

Вернувшись послѣ завтрака къ себѣ въ вагонъ онъ еще нѣсколько разъ пробовалъ провѣрить свою новую исключительную таинственную способность повелѣвать случаемъ. Однажды ему показалось, что поѣздъ слишкомъ медленно тащится на подъемъ. «А, ну-ка, пошибче!» приказалъ Цвѣтъ. Вѣроятно, какъ разъ въ этотъ моментъ, поѣздъ уже преодолѣлъ гору, но вышло такъ, что, будто подчиняясь повелѣнію, онъ сразу застучалъ колесами, засуетился, и поддалъ ходу. «И еще! И еще! А ну-ка еще!« — продолжалъ погонять его Цвѣтъ. Вскорѣ телеграфные столбы замелькали въ окнѣ со скоростью сначала трехъ, потомъ двухъ, потомъ полутора секундъ, вагоны какъ пьяные зашатались съ бока на бокъ и казалось стремились перескочить съ разбѣга другъ черезъ друга точно въ чехардѣ; задребезжали стекла, завизжали стяжки, загрохотали буфера. Въ коридорѣ и въ сосѣднихъ купэ послышались тревожные голоса мужчинъ и крики женщинъ.

Самъ Цвѣтъ перепугался. «Нѣтъ ужъ это слишкомъ — подумалъ онъ. — Такъ легко и голову сломать. Потише пожалуйста.

«Слу-ша-ю-у-у!« — загудѣлъ въ отвѣтъ ему длинно и успокоительно паровозъ, и поѣздъ отдуваясь, какъ разбѣжавшійся великанъ, сталъ умѣрять ходъ.

»Вотъ такъ, — похвалилъ Цвѣтъ, — это мнѣ больше нравится«.

Немного времени спустя, проводникъ, пришедшій убрать въ купэ, объяснилъ причину, по которой поѣздъ показалъ такую бѣшеную прыть. У паровоза, переваливишаго черезъ подъемъ, что-то испортилось въ воздушномъ тормазѣ и одновременно случилось какое-то несчастье не то съ сифономъ, не то съ регуляторомъ. (Цвѣтъ не понялъ хорошенько). Кондукторы изъ-за вѣтра не услышали сигнала «тормозить«. А тутъ начинался какъ разъ крутой и длинный уклонъ. Поѣздъ и покатился на всѣхъ парахъ внизъ, развивая скорость до предѣльной, до ста двадцати верстъ, и былъ не въ силахъ ее уменьшить до слѣдующаго подъема. Только тамъ поѣздная прислуга спохватилась и затормозила . . .

«Какъ все просто«, — подумалъ Цвѣтъ . . . Но въ этой мысли была печальная покорность.

Въ другой разъ поѣздъ проѣзжалъ совсѣмъ близко мимо строящейся церкви. На куполѣ ея колокольни, около самаго креста, копошился, дѣлая какую-то работу, человѣкъ, казавшійся снизу чернымъ, маленькимъ червякомъ. «А что если упадетъ?« — мелькнуло въ головѣ у Цвѣта, и онъ почувствовалъ противный холодъ подъ ложечкой. И тогда же онъ ясно увидѣлъ, что человѣкъ внезапно потерялъ опору и начинаетъ безпомощно скользить внизъ по выгнутому блестящему боку купола, судорожно цѣпляясь за гладкій металлъ. Еще моментъ — и онъ сорвется.

«Не надо, не надо!«— громко закричалъ Цвѣтъ и въ ужасѣ закрылъ руками лицо. Но, тотчасъ же открывъ ихъ, вздохнулъ съ радостнымъ облегченіемъ. Рабочій успѣлъ за что-то зацѣпиться, и теперь видно было, какъ онъ, лежа на куполѣ, держался обѣими руками за веревку, идущую отъ основанія креста.

Поѣздъ промчался дальше, и церковь скрылась за поворотомъ. «Неужели я хотѣлъ видѣть, какъ онъ убьется?« — спросилъ самъ себя Цвѣтъ. И не могъ отвѣтить на этотъ жуткій вопросъ. Нѣтъ, конечно, онъ не желалъ смерти или увѣчья этому незнакомому бѣдняку. Но гдѣ-то въ самомъ низу души, на ужасной черной глубинѣ, подъ слоями одновременныхъ мыслей, чувствъ и желаній, ясныхъ,полуясныхъ и почти безсознательныхъ, все-таки пронеслась какая-то тѣнь, похожая на гнусное любопытство. И тогда же, впервые, Цвѣтъ со стыдомъ и страхомъ подумалъ о томъ, какое кровавое безуміе охватило бы весь міръ, если бы всѣ человѣческія желанія обладали способностью мгновенно исполняться.

На одной изъ станцій Цвѣтъ приказалъ вѣтру сдуть панаму съ головы важнаго барина, прогуливавшагося съ надменнымъ видомъ индѣйскаго пѣтуха на платформѣ,и потомъ съ равнодушнымъ вниманіемъ слѣдилъ, какъ этотъ толстякъ козломъ прыгалъ вслѣдъ за убѣгающей шляпой, между тѣмъ, какъ полы его пиджака развѣвались и заворачивались вверхъ, обнаруживая жирный задъ и подтяжки.

За обѣдомъ какой-то крупный желѣзнодорожный чинъ съ генеральскими погонами, человѣкъ желчный и властный, сталъ безобразно, на весь вагонъ, орать на прислуживавшаго ему лакея, за то, что тотъ подалъ ему солянку не изъ осетрины, а изъ севрюжины. Эта сцена произвела удручающее и тоскливое впечатлѣніе на всѣхъ. Особенно противно было то, что во время грубаго выговора генералъ не переставалъ ѣсть, мѣшая крикъ съ чавканьемъ.

«А, что бъ ты заткнулся!—досадливо подумалъ Цвѣтъ. И мгновенно начальникъ откинулся на спинку стула съ раскрытымъ ртомъ, изъ котораго вырывались хриплые стоны. Лицо его посинѣло, и вылѣзшіе глаза налились кровью. Казалось онъ вотъ-вотъ задохнется. «Ахъ нѣтъ, нѣтъ, пускай благополучно! — торопливо велѣлъ Цвѣтъ. Только что обиженный лакей быстро, ловко и звучно шлепнулъ несчастнаго по шеѣ. Онъ, какъ пьющая курица, вытянулъ шею вверхъ, глотнулъ, перевелъ духъ и обернулся вокругъ съ изумленнымъ радостнымъ видомъ. Кровь сразу отхлынула отъ его лица.

— Иди, и чтобы это въ послѣдній разъ!—сказалъ онъ, еще чуть-чуть давясь, грозно, но великодушно . . . А то . . .

«Опять и опять« — подумалъ безъ удивленія Цвѣтъ. «И такъ это просто. Очевидно я попалъ въ какую-то нелѣпо-длинную серію случаевъ, которые сходятся съ моими желаніями. Я читалъ гдѣ-то, что въ Петербургѣ однажды проходилъ мимо какой-то стройки дьяконъ. Упалъ сверху кирпичъ и разбилъ ему голову. На другой день мимо того же дома въ тотъ же часъ проходилъ другой дьяконъ, и опять упалъ кирпичъ, и опять на голову. Я читалъ еще въ смѣси объ одномъ счастливомъ игрокѣ въ рулетку, который семь разъ подъ рядъ поставилъ на 0 и семь разъ выигралъ. Но, при безконечности времени и случаевъ, можетъ вытти и та очередь, что другой игрокъ выиграетъ на ноль сто, тысячу разъ кряду. Я слыхалъ про людей, которые попадали въ одинъ день дважды на желѣзнодорожныя катастрофы и еще одинъ на пароходное

крушеніе. Есть счастливцы, никогда не знающіе проигрыша въ карты . . . Они говорятъ— полоса. Такъ и я попалъ въ какую то полосу . . .«

У себя въ купэ, оставшись одинъ, онъ попробовалъ сознательно экзаменовать эту полосу. Ему хотѣлось пить. Онъ сказалъ вполголоса: «Пусть сейчасъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, на столикѣ очутится арбузъ!«

«Это хорошо«—рѣшилъ онъ. «Значитъ нѣтъ никагоко чуда. Все объясняется просто. Попробуемъ дальше. Вотъ напротивъ меня на диванѣ лежитъ букетъ сирени. Вверхъ изъ него торчитъ раздвоенная вѣточка. Пусть она отломится и по воздуху перенесется ко мнѣ«.

Вагонъ сильно качнуло на поворотѣ. Букетъ упалъ на полъ. Когда Цвѣтъ поднялъ его, на полу осталась лежать одна вѣтка, но она была не двойная, а тройная.

«Неудовлетворительно, — насмѣшливо сказалъ Цвѣтъ. — Три съ минусомъ. — Ну, еще одинъ разъ. Хочу во-первыхъ, чтобы сію минуту зажегся свѣтъ. А во-вторыхъ, хочу во чтобы то ни стало духовъ—ландышъ«.

Въ ту же минуту вошелъ проводникъ со свѣчкой на длинномъ шестѣ. Онъ зажегъ газъ въ кругломъ стеклянномъ фонарѣ и потомъ сказалъ съ неловкой, но добродушной улыбкой.

— Вотъ, баринъ, не угодно ли вамъ . . . Убиралъ утромъ вагонъ и нашелъ пузырекъ. Дамы какія-то оставили. Кажется, что въ родѣ духовъ. Намъ безъ надобности. Можетъ, вамъ сгодятся?

— Дайте.

Цвѣтъ поглядѣлъ на зеленую съ золотомъ этикетку хрустальнаго флакона и прочелъ вслухъ, читая, какъ по латыни: «Мугует, Пинауд, Парис«. Осторожно вскрылъ тонкую перепонку, обтягивавшую стеклянную пробку. Понюхалъ. Очень ясно и тонко запахло ландышемъ.

«Вотъ это случай — такъ случай« — снисходительно одобрилъ Цвѣтъ судьбу, или что другое, невѣдомое. — «Но — баста, довольно, не хочу больше, надоѣло. Теперь бы какую-инбудь книжку поглупѣе, и спать, спать, спать. Спать безъ сновъ и всякой прочей ерунды. Къ чорту колдовство. Еще съ ума спятишь«.

— А нѣтъ ли у васъ, проводникъ, случайно какой-нибудь книжицы? — спросилъ онъ.

Проводникъ помялся.

— Есть, да вы, пожалуй, читать не станете. Похожденія знаменитаго мазурика Рокамболя. А то я дамъ съ удовольствіемъ.

— Тогда тащите вашего мазурика и стелите постель.

Онъ съ удовольствіемъ улегся въ свѣжія простыни, но едва только пробѣжалъ глазами первыя строки двѣнадцатой главы, одиннадцатой части, пятнадцатаго тома этого замѣчательнаго романа, какъ сонъ мягко и сладко задурманилъ ему голову. Послѣдней искрой сознанія пронеслось въ его памяти темное вагонное окно и въ немъ, подъ бѣлой шляпкой, розовое нѣжное лицо, темные, живые глаза и бѣлизна зубовъ, сверкающихъ въ лукавой и милой улыбкѣ. «Хочу завтра ее видѣть«, шепнулъ засыпающій Цвѣтъ.

VIII.

Первое, что онъ увидѣлъ проснувшись поздно утромъ, былъ сидѣвшій противъ него на диванѣ съ газетой въ рукѣ, Меѳодій Исаевичъ Тоффель.

— Добраго утра, мой достопочтенный кліентъ, — привѣтствовалъ Цвѣта ходатай. — Какъ изволили почивать? Я нарочно не хотѣлъ васъ будить. Ужъ очень сладко вы спали.

«Гдѣ-то я его видѣлъ« — подумалъ Цвѣтъ. И раньше еще до перваго знакомства и вотъ теперь, совсѣмъ, совсѣмъ недавно. И какая непріятная рука при пожатіи, жесткая и сухая, точно копыто. И отъ него пахнетъ сѣрой. И лицо ужасно нечеловѣческое!«

— Какъ вы попали въ поѣздъ, Меѳодій Исаевичъ?

— Да спеціально выѣхалъ за три станціи вамъ навстрѣчу. Соскучился безъ васъ, чортъ побери! И дѣлъ у меня къ вамъ цѣлая куча. Однако идите, умывайтесь скорѣе. Всего полчаса осталось. Я безъ васъ чайкомъ распоряжусь.

Умываясь, Цвѣтъ долго не могъ побороть въ себѣ какихъ-то странныхъ чувствъ: раздраженія, досады и прежняго знакомаго, неяснаго предчувствія бѣды. «Что за вязкая предупредительность у этого загадочнаго человѣка — размышлялъ онъ. — Вотъ сошлись линіи нашихъ жизней и не расходятся . . . Да что это? Неужели я его боюсь. — Цвѣтъ поглядѣлъ на себя въ зеркало и сдѣлалъ гордое лицо. — Ни чуть не бывало. Но буду все-таки съ нимъ любезнымъ. Какъ ни какъ, а ему я многимъ обязанъ. Поэтому, не киснете, мой милый господинъ Цвѣтъ, — обратился онъ къ своему изображенію въ зеркалѣ. — Міръ великъ, жизнь прекрасна, умы-

ванье освѣжаетъ, а вы, если и не патентованный красавецъ, однако получше чорта, вы молоды и здоровы, и никому зла не желаете, и все будущее предъ вами. Идиде пить чай«.

Въ коридорѣ, лицомъ къ открытому окну стояла стройная дама въ свѣтло-сѣрой длинной шелковой кофточкѣ и бѣлой шляпѣ. Она обернулась къ Цвѣту. Онъ остановился въ радостномъ смущенiи. Передъ нимъ была вчерашняя дама, бросившая ему въ вагонъ цвѣты. Онъ видѣлъ, какъ алый, здоровый румянецъ окрасилъ ея прекрасное лицо, и какъ вѣтеръ подхватилъ и быстро завертѣлъ тонкую прядь волосъ надъ ея вискомъ. Нѣсколько секундъ оба глядѣли другъ на друга, не находя словъ. Первая заговорила дама, и какой у нея былъ гибкiй теплый, совсѣмъ особенный голосъ, льющiйся прямо въ сердце!

— Я должна попросить у васъ прощенiя . . . Вчера я позволила себѣ . . . такую необузданную . . . мальчишескую выходку . . .

«Смѣлѣе Иванъ Степановичъ, — приказалъ себѣ Цвѣтъ. Забудь всегдашнюю неуклюжесть, будь любезенъ, находчивъ, изященъ.«

— О, прошу васъ, только не извиняйтесь . . . Виноватъ во всемъ я. Я глядѣлъ на ваши цвѣты и думалъ: если бы мнѣ хоть вѣточку! А вы были такъ щедры, что подарили цѣлый букетъ.

— Представьте, и я думала, что вы этого хотите. У меня вышло какъ-то невольно . . .

— Позвольте отъ души поблагодарить васъ . . . Весна, солнечный день, и первая сирень изъ вашихъ рукъ . . . Я вашъ вѣчный должникъ.

— Воображаю, какъ вы испугались . . Навѣрно сочли меня за бѣжавшую изъ сумасшедшаго дома.

— Ни чуть. Это былъ такой милый, красивый и . . . царственный жестъ. Я сохраню букетъ навсегда, какъ память о мгновенной, но чудной встрѣчѣ. Кстати, я все-таки не соображаю, какимъ образомъ вы попали въ этотъ поѣздъ? Вѣдь вы уѣзжали со встрѣчнымъ . . .

Дама весело разсмѣялась.

— Ахъ, я сдѣлала невѣроятную глупость. Вообразите я сѣла въ Горынищахъ совсѣмъ не въ мой поѣздъ. Какъ только прозвонилъ третiй звонокъ, я спрашиваю какого-то старичка, что былъ рядомъ: «скоро ли мы проѣдемъ черезъ Курскъ?« — А онъ говоритъ: «вы, сударыня, собираетесь ѣхать въ противоположную сторону, вотъ вашъ поѣздъ«. Тогда я мигомъ схватила свой сакъ, выбѣ-

жала на площадку и на ходу прыгъ . . . И сѣла сюда . . . И вотъ утромъ вы . . . Если бы вы знали, какъ я сконфузилась, когда васъ увидала.

— Но, какая неосторожность . . . выскакивать на ходу. Мало ли что могло случиться?

— Э! Я ловкая . . . и потомъ что суждено, то суждено . . .

— А знаете ли, — серьезно сказалъ Цвѣтъ — вѣдь я вчера вечеромъ, ложась спать, думалъ, что утромъ непремѣнно увижу васъ. Не странно ли это?

— Этому позвольте не повѣрить . . . Во всякомъ случаѣ наше мимолетное знакомство, хотя и смѣшное, но не изъ обычныхъ . . .

— А потому — раздался сбоку голосъ Тоффеля — позвольте васъ представить другъ другу.

По лицу красавицы пробѣжала едва замѣтная гримаска неудовольствія.

— Ахъ это вы Меѳодій Исаевичъ . . . Вотъ неожиданность.

Тоффель церемонно назвалъ Цвѣта.

Потомъ сказалъ:

— M:lle Локтева, Варвара Николаевна . . .

— А это всезнающій и вездѣсущій m:sieur Тоффель — отвѣтила она и крѣпко, тепло по-мужски, пожала руку Цвѣта.

— Идемте къ намъ чай пить — предложилъ Тоффель — у насъ сейчасъ уберутъ.

Варвара Николаевна отъ чаю отказалась, но зашла въ купэ. Когда садилась, поглядѣла на букетъ и сейчасъ же встрѣтилась глазами съ Цвѣтомъ. Ласковый и смѣшливый огонекъ блеснулъ въ ея внимательномъ взглядѣ. И оба они, точно по взаимному безмолвному уговору, ни слова не проговорили о вчерашней оригинальной встрѣчѣ.

Тоффель сталъ вязать крѣпче ихъ знакомство съ увѣренностью и развязностью много видѣвшаго, ловкаго дѣльца. Онъ разсказалъ, что Варвара Николаевна единственная дочь извѣстнаго мукомола, филантропа и покровителя искусствъ. Кончила, годъ тому назадъ, гимназію, но на высшіе курсы не стремится, хотя это теперь такъ въ модѣ. Живетъ по-американски, совершенно самостоятельно, выбираетъ по вкусу свои знакомства и принимаетъ кого хочетъ, независимо отъ круга знакомыхъ отца. Всегда здорова и весела точно рыбка въ водѣ, или птичка на вѣткѣ. Отецъ ею не нахвалится, какъ помощницей. На ногу себѣ никому наступить не

позволитъ, но ангельская доброта и отзывчивость къ человѣчьему горю. Прекрасная наѣздница, великолѣпно стрѣляетъ изъ пистолета, музыкантша, замѣчательная энженю комикъ на любительскихъ спектакляхъ и. т. д., и. т. д.

Что касается Цвѣта, то это блестящій молодой человѣкъ, рѣшившій промѣнять узкую бюрократическую карьеру на сельско-хозяйственную и земскую дѣятельность. Ѣздилъ въ Черниговщину осматривать имѣнія, доставшіяся по завѣщанію. Обладаетъ выдающимся голосомъ, tenor di grazia. Немного художникъ и поэтъ . . . Душа общества . . Увлекается прикладной математикой, а также оккультными науками. Тоффелю кажется удивительнымъ, какъ это двое такихъ интересныхъ молодыхъ людей, живя давно въ одномъ и томъ же маленькомъ городѣ, ни разу не встрѣтились.

Все это походило на какое-то навязчивое сватовство. Цвѣтъ кусалъ губы и ерзалъ на мѣстѣ, когда Тоффель, говоря о немъ, развязно переплеталъ истину съ выдумкой и боялся взглянуть на Локтеву. Но она сказала съ дружелюбной простотой:

— Я очень рада нашему знакомству, Иванъ Степановичъ, и надѣюсь васъ видѣть у себя . . . У васъ есть записная книжка? Запишите: Озерная улица . . . Не знаете? Это на окраинѣ, въ Каменной слободкѣ — домъ Локтева, номеръ 15-й, такая-то, по четвергамъ, около пяти. Загляните, когда будетъ время и желаніе. Мнѣ будетъ пріятно.

Цвѣтъ раскланялся. Онъ все-таки замѣтилъ, что Тоффеля она не пригласила и подумалъ: «у нея, должно быть, какъ и у меня не лежитъ сердце къ этому человѣку съ пустыми глазами«.

Пріѣхали на вокзалъ. Тѣсное пожатіе руки, нѣжный, свѣтлый и добрый взглядъ и вотъ бѣлая шляпка съ розовыми цвѣтами исчезла въ толпѣ.

— Хороша? — спросилъ, прищуря одинъ глазъ, Тоффель. — Вотъ это такъ настоящая невѣста . . . И собой красавица, и образованна, и мила, и богата . . .

— Будетъ! — оборвалъ его грубо, совсѣмъ неожиданно для себя, Иванъ Степановичъ. Тоффель покорно замолчалъ. Онъ несъ саквояжъ, и Цвѣтъ видѣлъ это, но даже не побезпокоился сдѣлать видъ, что это его стѣсняетъ. Такъ почему-то это и должно было быть, но почему—Цвѣтъ и самъ не зналъ, да и въ голову ему не приходило объ этомъ думать. На подъѣздѣ онъ сказалъ небрежно:

— Надо бы автомобиль.

— Сейчасъ — услужливо поддакнулъ Тоффель. — Моторъ! Въ Европейскую.

Дорогой Тоффель заговорилъ о дѣлахъ. Пусть Цвѣтъ на него не сердится за то, что онъ безъ его разрѣшенія продалъ усадьбу. Подвернулось такое вѣрное и блестящее дѣло на биржѣ, какія попадаются разъ въ столѣтіе, и было бы стыдно отъ него отказаться. Тоффель рискнулъ всей вырученной суммой и въ два дня удвоилъ ее. Впрочемъ и риску здѣсь было одинъ на десять тысячъ. Затѣмъ онъ, Тоффель нашелъ, что чердачная комната теперь вовсе не къ лицу человѣку съ такимъ солиднымъ удѣльнымъ вѣсомъ, какъ Цвѣтъ. Поэтому онъ взялъ на себя смѣлость перевезти самыя необходимыя вещи своего дорогого кліента въ самую лучшую гостиницу города. Это, конечно, только пока. Завтра же можно присмотрѣть уютную хорошую квартирку въ четыре-пять комнатъ, изящно обмеблировать ее, купить ковры, цвѣты, картины, всякія бездѣлушки и создать очаровательное гнѣздышко. У Тоффеля на этотъ счетъ удивительно тонкій вкусъ и умѣніе покупать дешево «настоящія« вещи. Сегодня они вмѣстѣ поѣдутъ къ единственнному въ городѣ порядочному портному. Но, если ужъ одѣваться совсѣмъ хорошо и съ большимъ шикомъ, то для этого необходимо съѣздить въ Англію. Только въ Лондонѣ надо заказывать мужчинамъ бѣлье и костюмы, галстуки же и шляпы въ Парижѣ. Но это потомъ. Теперь надо заключить прочныя и вѣскія знакомства въ высшемъ обществѣ. А тамъ Петербургъ, Лондонъ, Парижъ, Біарицъ, Ницца . . .Словомъ, мы завоюемъ весь міръ! . . .

Онъ болталъ, а Цвѣтъ слушалъ его съ небрежнымъ, снисходительно-разсѣяннымъ видомъ, изрѣдка коротко соглашаясь съ нимъ лѣнивымъ кивкомъ головы. Такъ почему то надо было, и это понималось одинаково и Цвѣтомъ, и Тоффелемъ.

Но часъ спустя, Тоффель сильно удивилъ, озадачилъ и обезпокоилъ Ивана Степановича. Они кончали тонкій и дорогой завтракъ въ кабинетѣ гостиничнаго ресторана. Тоффель велѣлъ подать кофе и ликеровъ и сказалъ лакею:

— Больше намъ пока ничего не надо, Клементій. Если понадобится, я позвоню.

Когда тотъ ушелъ, Тоффель плотнѣе затворилъ за нимъ дверь и даже прикрылъ дверныя драпри. Потомъ онъ вернулся къ столу, сѣлъ противъ Цвѣта колѣнями на стулъ, согнулся надъ столомъ,

почти легъ на него и подперъ голову ладонями. Взглядъ его, тяжело и неподвижно устремленный на Цвѣта, былъ необычайно страненъ. Въ немъ была горячая воля, властное приказаніе, униженная просьба и скрытая зловѣщая угроза—все вмѣстѣ. Нѣсколько секундъ никто не произнесъ ни слова. Тоффель часто дышалъ, раздувая широкія ноздри горбатаго носа. Наконецъ, онъ вымолвилъ хриплымъ и слабымъ голосомъ:

— А слово? . . . Вы узнали слово? . . .

— Не понимаю, — тихо отвѣтилъ Цвѣтъ и невольно подался тѣломъ назадъ, подъ давящей силой, исходившей изъ глазъ Тоффеля. Какое слово?

Взглядъ Тоффеля сталъ еще пристальнѣе, цѣпче и страстнѣе. Потъ выступилъ у него на вискахъ. Отъ переносья вверхъ вспухли двѣ расходящіяся жилы. Въ зрачкахъ загорались густые, темно-фіолетовые огни.

«Тамъ . . . въ усадьбѣ . . . книга . . . формулы. . . Красный переплетъ. . . Мефистофель. . . « — забродило въ головѣ у Цвѣта. Тоффель же продолжалъ настойчиво шептать:

— Заклинаю васъ, назовите слово. . . Только слово, и я вашъ слуга, вашъ рабъ всю жизнь . . .

У Цвѣта похолодѣло лицо и высохли губы. Что-то, разбуженное волей Тоффеля. безформенно и мутно колебалось въ его памяти, подобно тому неуловимому слѣду, тому тонкому ощущенію только что видѣннаго сна, которые скользятъ въ головѣ проснувшагося человѣка и не даются схватить себя, не хотятъ вылиться въ понятные образы.

— Не знаю. . . не могу. . . не умѣю. . . .

Тоффель какъ-то мягко, безшумно свернулся со стула, опустился на полъ и на четверенкахъ, по-собачьи, подползъ къ Цвѣту и схвативъ его руки, сталъ покрывать ихъ колючими поцѣлуями.

— Слово, слово, слово . . . — лепеталъ онъ. — Вспомните, вспомните слово!

Цвѣтъ зажмурилъ на секунду глаза. Потомъ пристально поглядѣлъ на Тоффеля.

— Оставьте, не надо этого, — сказалъ онъ рѣзко. — Слышите ли —я не хочу!

Тоффель поднялся и, спиною къ Цвѣту, шатаясь, прошелъ до угла кабинета. Тамъ онъ постоялъ неподвижно секунды съ двѣ.

Когда же онъ обернулся, лицо его было искажено дьявольской гримасой смѣха.

— Къ чорту! — воскликнулъ онъ, щелкнувъ передъ собою кругообразно пальцами. — Къ чорту-съ. Я пьянъ, какъ фортепьянъ. Забудьте мой бредъ и къ чорту! Прошу извиненія. Но еще . . . только одна, самая пустяшная просьба, которую вамъ ничего не стоитъ исполнить.

— Хорошо. Говорите, — согласился Цвѣтъ.

Тоффель сунулъ руку въ карманъ и вытащилъ ее сжатой въ кулакъ.

— Что у меня въ рукѣ?

Цвѣтъ съ улыбкой отвѣтилъ увѣренно:

— Маленькая золотая монета.

— Что на ней изображено?

— Подождите. . . сейчасъ. Женская голова въ профиль, повернута вправо отъ зрителя . . . Голая шея. . . Злое сухое лицо. Тонкія губы., выдающійся подбородокъ, острый носъ. Крупные локоны, въ нихъ маленькая корона на самомъ верху прически. . .

— Гм. . . да — произнесъ Тоффель угрюмо. — Угадали. Полуимперіалъ Анны Іоанновны, 1739 года. Вѣрно: Хотите выпьемъ еще шампанскаго?.

IX.

Именно съ этого же дня начались блестящіе успѣхи Цвѣта въ большомъ обществѣ. Полоса удачи, о которой онъ думалъ и которую пыталъ, ѣдучи въ вагонѣ, развертывалась передъ нимъ, какъ многоцвѣтный восточный коверъ, и Цвѣтъ попиралъ ногами его роскошную ткань съ привычнымъ равнодушіемъ владыки.

Въ короткое время Иванъ Степановичъ сталъ пышной сказкой города. Живая бѣгучая молва увеличила размѣры его наслѣдства до сотенъ тысячъ десятинъ и до десятковъ милліоновъ рублей. За нимъ ходили, разинувъ ротъ, любопытные, его показывали пріѣзжимъ, какъ восьмое чудо свѣта, о его экцентричностяхъ, о его щедрости и счастіи чуть не ежедневно писали въ газетахъ. Нечего и говорить о томъ, что вокругъ него сразу, сама собой, образовалась шумная свита друзей, знакомыхъ, прихлебателей, попрошаекъ, болтуновъ и увеселителей. И Цвѣтъ, вовсе не утерявъ въ душѣ присущихъ ему доброты и скромности, очень быстро научился тяжкому искусству владѣть людьми. Ему иногда достаточно бы-

вало медленно, вскользь, поглядѣть въ глаза зазнавшемуся наг лецу, или назойливому вымогателю и только слегка подумать: «не хочу тебя больше видѣть!« — какъ тотъ мгновенно отодвигался, куда-то на заднiй планъ, блѣднѣлъ, линялъ и навсегда, безвозвратно растворялся, исчезалъ въ пространствѣ.

Одинъ Тоффель упорно возвращался къ нему, хотя Цвѣтъ очень нерѣдко мысленнымъ приказомъ прогонялъ его. Бывало это въ тѣ минуты, когда, внезапно обернувшись, Иванъ Степановичъ вдругъ ловилъ на себѣ взглядъ ходатая—жадный, умоляющiй, гипнотизирующiй. — «Слово! Назови слово!« — кричали жалкiе и грозные, пустые глаза. Цвѣтъ внутренно произносилъ: «Уйди!« — И Тоффель весь поникалъ и удалялся, позорно напоминая умную, нервную, старую собаку, которая, послѣ окрика, присѣдаетъ на всѣ четыре лапы, горбитъ спину, прячетъ хвостъ подъ животъ и ползетъ прочь; оглядываясь назадъ обиженнымъ, виноватымъ глазомъ.

Но черезъ день, черезъ часъ, онъ опять, какъ ни въ чемъ не бывало, являлся передъ Цвѣтомъ съ извѣстiемъ о колоссальной побѣдѣ на биржѣ, съ портфелемъ биткомъ набитымъ пачками свѣжихъ, только что отпечатанныхъ хрустящихъ ассигнацiй, съ моднымъ пикантнымъ анекдотомъ, съ предложенiемъ шикарнаго или лестнаго знакомства, съ цѣлымъ выборомъ новыхъ развлеченiй.

Онъ какъ-будто бы безпрестанно стерегъ Цвѣта, подобно нянькѣ, ревнивой женѣ, или усердному сыщику. Если бы онъ могъ, онъ, кажется, подслушивалъ бы: не пробредитъ ли Цвѣтъ что-нибудь во снѣ. Можетъ быть, онъ даже, и въ самомъ дѣлѣ, подслушивалъ, хотя Цвѣтъ прежде чѣмъ лечь въ постель, всегда собственноручно запиралъ на ключъ всѣ двери въ квартирѣ.

Каждое желанiе Ивана Степановича исполнялось почти моментально, точно ему, въ самомъ дѣлѣ, послушно служили чьи-то невидимыя ловкiя руки и неслышныя, быстрыя ноги. Но чудо здѣсь отсутствовало. Было только вѣчное, не перемежающееся и совсѣмъ простое совпаденiе мыслей и событiй.

Многiе изъ наиболѣе фантастическихъ капризовъ Цвѣта осуществлялись при помощи самыхъ простыхъ средствъ. Такъ иногда, сидя одинъ въ своемъ роскошномъ кабинетѣ на стулѣ, онъ говорилъ мысленно: «хочу вмѣстѣ со стуломъ подняться на воздухъ! И правда, стулъ слегка скрипѣлъ подъ нимъ, точно стараясь отодраться отъ пола, однако великiй законъ тяготѣнiя оставался

ненарушимымъ. Но однажды утромъ Цвѣтъ заглядѣлся въ окно на летающихъ высоко въ небѣ голубей и позавидовалъ ихъ легкимъ прекраснымъ движеніямъ. «Ахъ, если бы человѣку испытать что-нибудь подобное!« — подумалъ онъ искренно и совершенно безцѣльно. Когда же онъ отвернулся отъ окна, то его первый разсѣянный взглядъ упалъ на газету, гдѣ на первой страницѣ крупнымъ шрифтомъ стояло объявленіе о нынѣшнемъ авіаціонномъ днѣ. И въ тотъ же вечеръ за сумасшедшую плату Цвѣтъ взгромоздился сзади пилота на тяжелый неуклюжій фарманъ № 4 и сдѣлалъ два круга надъ полемъ, переживъ въ продолженіе десяти минутъ одно изъ самыхъ чистыхъ, упоительныхъ и гордыхъ ощущеній, какіе только доступны человѣку въ его грузной земной жизни.

Нѣсколько разъ, глядя на стоящій передъ нимъ стаканъ съ водой, онъ настойчиво шепталъ: «пусть вода закипитъ!« Она оставалась прозрачной и холодной. Но каждый разъ, по его желанію, очень скоро переставалъ дождь, шедшій упорно съ утра. Когда угодно, онъ, по своему желанію, могъ услышать музыку или ароматъ цвѣтовъ, неизвѣстно откуда доносившійся. Но однажды среди ночи въ паркѣ ему захотѣлось луннаго освѣщенія, и у него ничего не вышло, потому что въ эту ночь мѣсяцъ скрылъ свою послѣднюю узенькую полосу.

Онъ никогда не могъ заставить воспламениться самопроизвольно свѣчу или спичку. Но въ одинъ вечерній часъ, по его случайной прихоти, въ городѣ мгновенно погасли всѣ электрическія лампы и остановились всѣ трамваи, вслѣдствіе, какъ потомъ оказалось, какой-то путаницы въ проводахъ.

Что же касается жизненныхъ человѣческихъ событій, то они слѣпо повиновались Цвѣту, и только его сердечная доброта и безсознательная скромность удерживали его на грани смѣшного, позорнаго и преступнаго. Впрочемъ о его безумныхъ удачахъ разсказывали съ восторгомъ въ городскомъ «свѣтѣ«.

Въ одинъ прелестный, сіяющій весенній полдень онъ и Тоффель поѣхали на скачки. Они попали какъ разъ къ розыгрышу главнаго приза. Всезнающій Тоффель провелъ Цвѣта въ членскую трибуну и мигомъ перезнакомилъ его со всѣми спортсменами и владѣльцами скаковыхъ конюшенъ...

Когда, по звонку, лошадей одну за другой—ихъ всѣхъ было одиннадцать — выводили на кругъ, Цвѣтъ стоялъ у самаго барьера, рядомъ съ высокимъ грузнымъ бритымъ господиномъ въ широкомъ

пальто, который, съ видомъ внѣшняго безучастія, курилъ сигару, но все время нервно ее покусывалъ. Цвѣтъ, мелькомъ, слышалъ его фамилію, но не разобралъ, какъ это всегда бываетъ при быстрыхъ случайныхъ знакомствахъ. Этотъ человѣкъ, лѣниво скосивъ глаза сверху внизъ, на Цвѣта, спросилъ:

— На кого ставите?

— Сію минуту — отвѣтилъ вѣжливо Цвѣтъ. — я только соображу.

Сзади, въ публикѣ, называли лошадей по именамъ и взвѣшивали ихъ шансы. Судьба перваго и второго приза ни въ комъ не возбуждала сомнѣнія. Первымъ долженъ былъ притти сухой съ птичьимъ лицомъ англичанинъ въ черномъ камзолѣ съ бѣлыми рукавами, вторымъ негръ весь въ красномъ, скалившій бѣлыя зубы и сверкавшій огромными бѣлками на зрителей. На нихъ двоихъ и велась вся игра въ тотализаторѣ. На третье мѣсто ждали еще двухъ лошадей, но ими мало интересовались.

Дойдя шагомъ до извѣстной черты, жокеи повернули лошадей и поочередно, въ порядкѣ афишныхъ нумеровъ, сдержаннымъ галопомъ, проскакали передъ публикой, показывая ей своихъ нервныхъ, худыхъ, высокихъ, породистыхъ лошадей во всей красотѣ ихъ формъ и легкости движеній. Сами жокеи сидѣли слегка согнувшись, небрежно и красиво въ сѣдлахъ, на короткихъ стременахъ съ остро согнутыми въ колѣнахъ ногами. На ихъ бритыхъ остроносыхъ лицахъ изсушенныхъ работой, темныхъ отъ загара, рѣзко обрисовывались подъ морщинистой кожей всѣ выпуклости и впадины череповъ.

Послѣ всѣхъ другихъ лошадей прошла со значительнымъ промежуткомъ и въ большомъ безпорядкѣ прелестная по формамъ, не особенно высокая, золотисто-рыжая кобыла подъ жокеемъ въ голубомъ камзолѣ съ бѣлыми звѣздами. Она горячилась и не хотѣла слушаться всадника. Уши ея нервно двигались, обращаясь то къ жокею, то впередъ, шерсть уже теперь лоснилась потомъ, съ удилъ падала пѣна и въ большихъ выпуклыхъ черныхъ безъ бѣлка глазахъ острыми огоньками блестѣлъ солнечный свѣтъ. Съ галопа она срывалась на рысь, танцовала на мѣстѣ, прыгала бокомъ и старалась рѣзкими движеніями красивой сухой головы вырвать поводья.

— А вотъ на эту . . . рыженькую, — сказалъ наивно Цвѣтъ. Она придетъ первой.

Сзади засмѣялись. Кто-то замѣтилъ насмѣшливо, но вполголоса:

— Вѣрно, какъ въ государственномъ банкѣ.

Сосѣдъ Ивана Степановича поднялъ кверху темныя черныя брови, отставилъ отъ себя двумя пальцами на далекое разстоянiе сигару, слегка свистнулъ и протянулъ черезвычайно густымъ хриплымъ басомъ:

— На Сатанеллу? Замѣча-а̀-а . . . Смѣю васъ увѣрить, что она придетъ никакой. Она и не въ своей компанiи, и не въ порядкѣ, и не въ рукахъ. Кто на ней сидитъ? Казумъ-Оглы, татарская лопатка. Еще въ прошломъ году былъ конюшеннымъ мальчикомъ. . . Мнѣ все равно, но деньги бросаете на вѣтеръ.

Цвѣтъ однимъ пальцемъ поманилъ къ себѣ Тоффеля.

— Поставьте на эту. . . на какъ ее. . . на рыженькую. . . Голубая рубашка со звѣздами:

— Сатанелла, нумеръ одиннадцатый.

— Да, да.

— Сколько прикажете?

— Все равно. Ну тамъ билетовъ. . . десять. . . пятнадцать. . . распорядитесь, какъ хотите.

— Слушаю, — поклонился Тоффель и побѣжалъ рысцей въ кассу.

— Прекра-а-а. . . — пустилъ октавой грузный господинъ и совсѣмъ повернулъ къ Цвѣту свое бритое лицо. У него былъ большущiй горбатый волосатый и красный носъ, толстая нижняя губа отвисла внизъ, обнажая крѣпкiе, желтые прокуренные зубы. — Изуми-и-и. . . Но послушайте-же, — перемѣнилъ онъ голосъ на болѣе естественный. Мнѣ не жаль вашихъ денегъ, но я вижу, что вы на скачкахъ новичокъ.

— Въ первый разъ.

— Вотъ видите. . . Ну, я понимаю игру на фуксъ, на слѣпое сумасшедшее счастье. . . Но надо, чтобы былъ хоть одинъ шансъ на миллiонъ. . . А здѣсь аб-со-лютный нуль!. . На Сатанеллу, такъ же нелѣпо ставить, какъ, панримѣръ, на лошадь, которая совсѣмъ въ этой скачкѣ не участвуетъ, которой даже нѣтъ во всей сегодняшней программѣ, которой и вообще не существуетъ на бѣломъ свѣтѣ. . . понимаете, которая еще не родилась.

— Однако, она—вотъ она!—весело возразилъ Цвѣтъ. — И придетъ первымъ нумеромъ.

— Удиви-и-и. . . прохрипѣлъ сосѣдъ. Насъ съ вами познакомили? Не такъ ли? Билеты вы уже взяли? Такъ? Я васъ не только не втравлялъ въ это гнусное предпріятіе, но даже удерживалъ? Вѣрно? Ну, такъ позвольте вамъ сказать, что я имѣю несчастье быть владѣльцемъ этой самой водовозки. Поглядите-ка, нѣтъ вы поглядите въ программу. Видите: нумеръ одиннадцатый Сатанелла. . . влад. Осипъ Федоровичъ Валдалаевъ. Это мы— ткнулъ онъ себя въ грудь большимъ пальцемъ, пухлымъ и волосатымъ. — И мы вамъ говоримъ, что она безъ мѣста.

— Первой.

— Не пос-ти-гаю—пожалъ плечами владѣлецъ. — Ну хотите, — я ставлю сейчасъ тысячу рублей противъ вашихъ ста, что она не займетъ ни одного платнаго мѣста, т. - е. не будетъ ни первой, ни второй, ни третьей?

Цвѣтъ упрямо тряхнулъ головой.

— Не желаю. Тысячу противъ тысячи, что она возьметъ первый призъ. Я не нуждаюсь въ снисхожденіи.

— Но и я не хочу выигрывать навѣрняка, — холодно возразилъ сосѣдъ. — А за то, что она не придетъ первой я готовъ сію минуту поставить сто тысячъ противъ полтинника.

— А я — сказалъ онъ рѣзко — ставлю не фантастическихъ сто тысячъ, а реальныхъ, живыхъ пять противъ вашей одной. Ваша Сатанелла придетъ первой.

Въ это время лошади подъ жокеями живописной волнующейся, пестрой группой вернулись назадъ, на прежнюю черту, откуда начали пробный галопъ. Тамъ онѣ нѣсколько минутъ крутились на мѣстѣ, объѣзжая одна вокругъ другой, стараясь выравняться въ подобіе линіи и все разравниваясь. Уловивъ какой-то быстрый, подходящій мигъ, жокеи какъ одинъ привстали на стременахъ, скорчились надъ лошадиными шеями и рванулись впередъ. Но къ старту лошади подскакали такъ разбросанно, что ихъ не пустили, и нѣкоторымъ изъ нихъ, наиболѣе горячимъ, пришлось возвращаться назадъ съ очень далекаго разстоянія. Сатанелла же проскакала понапрасну около четверти версты и пришла обратно вся мокрая.

— Не будемъ сердиться — добродушно сказалъ Валдалаевъ. Посмотрите сами, въ какомъ видѣ кобыла. Никуда! . . . Но въ ея жилахъ текутъ капли крови Лафлеша и Гальтимора, и ея цѣна, если продавать, три тысячи. Въ эту сумму я и заключаю пари противъ вашихъ трехъ въ томъ, что она не будетъ ни первой, ни второй.

— Первой, — уперся Цвѣтъ.

— Хорошо, — пожалъ плечами Валдалаевъ. Но поставимъ также и промежуточное условіе, которое насъ примиритъ. Если она придетъ третьей или никакой, то выигралъ я. Если первой, то вы. Ну, а если второй то—ни вы, и ни я, и тогда мы поставимъ пополамъ три тысячи въ пользу Краснаго Креста. Идетъ?

Цвѣтъ ясно улыбнулся ему.

— Хорошо.

— И великолѣ-ѣ-ѣ. . .

Разъ пять не удавалось пустить лошадей кучно. Всѣхъ пугала горячившаяся, дыбившаяся Сатанелла, которая то пятилась задомъ, то наваливалась бокомъ на сосѣдокъ. Изъ двухрублевыхъ трибунъ слышались уже негодующіе голоса: «долой Сатанеллу, снять ее! Кобыла совсѣмъ выдохлась«. Но въ шестой разъ лошади пошли сравнительно кучно, сжались передъ стартомъ и точно замялись секунду у столба и вдругъ пустились впередъ съ такой быстротой, что вѣтромъ обдало близстоящихъ зрителей. Бѣлый высоко поднятый въ рукѣ стартера флажокъ быстро опустился къ землѣ.

Подошелъ Тоффель съ билетами.

— Такая была тѣснота у кассъ, что я едва добрался. Поздравляю васъ, Иванъ Степановичъ — за нумеръ одиннадцатый, ни въ одной кассѣ ни одного билета. Чисто!

Эта скачка была, по своей неожиданности и нелѣпости, единственной, какую только видѣли за всю свою жизнь посѣдѣлые на ипподромѣ знатоки и любители скакового спорта. Одного изъ двухъ общихъ фаворитовъ, негра Сципіона, лошадь сбросила на первомъ же поворотѣ и при этомъ ударила ногой въ голову. Несчастнаго полуживымъ унесли на носилкахъ. Вслѣдъ за тѣмъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью какой-то жокей въ малиновомъ камзолѣ съ зеленой лентой черезъ плечо. Онъ отдѣлался благополучно и, ловко вскочивъ, успѣлъ поймать поводъ. Но лошадь съ полминуты не давала ему сѣсть въ сѣдло, и онъ потерялъ, по крайней мѣрѣ, саженъ съ двѣсти. У третьяго всадника лопнула подпруга. . . Двое столкнулись другъ съ другомъ такъ жестоко, что не могли продолжать скачку. У одного оказалось вывихнутой рука, а у другого сломалось ребро. Словомъ, почти всѣхъ лошадей и жокеевъ постигали какія-то роковыя и злыя случайности.

Къ концу второй минуты, послѣ послѣдняго поворота, когда зрители глазами, головами и тѣлами судорожно тянулись налѣво, имъ представилась слѣдующая картина. Впереди, по прямой, увѣренно и спокойно скакалъ черный съ бѣлыми рукавами англичанинъ. Онъ шелъ безъ хлыста, изрѣдка оборачиваясь назадъ, собираясь перевести лошадь на кентеръ. За нимъ, отставшая корпусовъ на сорокъ, съ поразительной рѣзвостью выскочила изъ-за поворота, точно разстилаясь по землѣ, Сатанелла. Казумъ-Оглы почти лежалъ у нея на вытянутой шеѣ. Онъ работалъ лѣвой рукой кругообразно поводами, а правой часто хлесталъ лошадь стэкомъ. Еще дальше дико несся вороной жеребецъ съ пустымъ сѣдломъ, ошалѣвшій отъ стремянъ, которыя били ему по бокамъ, и очень далеко за нимъ скакалъ малиновый съ зеленой лентой жокей. . . Остальныя лошади остались на той сторонѣ круга.

Цвѣтъ никогда не былъ игрокомъ и не чувствовалъ боязни проиграть: деньги давно уже стали для него чѣмъ-то въ родѣ мусора. Но въ это мгновеніе его какъ внезапный приступъ лихорадки подхватилъ страшный азартъ за Сатанеллу. Крѣпко стиснувъ зубы и сморщивъ все лицо, онъ крикнулъ мысленно.

«Ты, ты, должна быть первой! . . .«

Случилось что-то странное. Съ волшебной быстротой Сатанелла стала приближаться къ англичанину. Черезь какихъ-нибудь пять секундъ она вихремъ промелкнула мимо него. Сейчасъ же слѣдомъ за ней его обогналъ и вороной жеребецъ. Лошадь англичанина совсѣмъ остановилась. Онъ быстро соскочилъ съ нея и, нагнувшись, сталъ разматривать ея правую переднюю ногу. . Она была сломана ниже колѣна. Продравъ кожу, наружу торчала бѣлая окровавленная кость. Никто не апплодировалъ Сатанеллѣ. Въ рублевыхъ трибунахъ слышались свистки и гнѣвные крики.

— Поздравляю, — льстиво сказалъ на ухо Цвѣту Тоффель . . .

— Ну васъ къ чорту! — рѣзко швырнулъ ему Иванъ Степановичъ

Толстый, громадный Валдалаевъ уперся глазами Цвѣту въ сапоги, а потомъ медленно поднялъ на него яростный и презрительный взглядъ и прохрипѣлъ, доставая бумажникъ.

— Ваша удача отъ дьявола. Не завидую вамъ. Получите.

— Да мнѣ собственно . . . не надо — залепеталъ Цвѣтъ. . . я вѣдь это просто . . . такъ . . . зачѣмъ мнѣ?. . .

— Что-съ? — рявкнулъ гигантъ и сразу его большое лицо на-

полнилось темной кровью. — Н-не-на-до? Эття чтэ тэкое? А за уши? Я Вал-да-лаевъ! — громомъ пронеслось по судейской бесѣдкѣ.

И сунувъ деньги въ дрожащую руку Цвѣта, который въ эту секунду совсѣмъ забылъ о своемъ страшномъ могуществѣ, владѣлецъ золото-рыжей Сатанеллы повернулся къ нему трехэтажнымъ, свисавшимъ, какъ курдюкъ, краснымъ затылкомъ и величественно удалился отъ него.

Мимо Цвѣта провели искалѣчившуюся лошадь. Подъ ея грудью было продѣто широкое полотнище, которое съ обѣихъ сторонъ поддерживали на плечахъ конюхи. Она жалко ковыляла на трехъ здоровыхъ ногахъ, неся сломанную ножку поднятой и безжизненно болтавшейся. Изъ ея глазъ капали крупныя слезы. Ручейки пота струились по кожѣ.

— Э, чортъ! тоскливо выругался Цвѣтъ. Если бы зналъ, ни за что бы не поѣхалъ на эти подлыя скачки. Какъ это такъ случилось? — спросилъ онъ кого-то, стоявшаго у барьера.

— Уму непостижимо. Камушекъ какой-нибудь подвернулся, или подкова расхлябла... Да впрочемъ и жокеи тоже... извѣстные мазурики.

Примчался Тоффель. Онъ сіялъ и еще издали побѣдоносно размахивалъ въ воздухѣ толстой пачкой сторублевыхъ.

— Наша взяла! — торжествовалъ онъ, подбѣгая къ Цвѣту. — Понимаете: ни въ ординарномъ, ни въ двойномъ, ни въ тройномъ, кромѣ вашихъ, ни одного единаго билета! Извольте: три тысячи пятьсотъ съ мелочью. Это вамъ не жукъ начихалъ.

Цвѣтъ молчалъ. Тоффель поймалъ направленіе его взгляда.

— Сто? Лосадку залко? — спросилъ онъ, скрививъ насмѣшливо и плаксиво губы и шепелявя по-дѣтски. — Э, бросьте, милѣйшій мой. Судьба не знаетъ жалости. Ѣдемте-ка въ Монплезиръ спрыснуть выигрышъ.

— Тоффель! — съ ненавистью воскликнулъ Цвѣтъ. Ему хотѣлось ударить по лицу этого вертляваго человѣка, показавшагося сейчасъ безконечно противнымъ. Но онъ сдержался и прибавилъ тихо.

— Уйдите прочь.

Но про себя онъ подумалъ съ горечью и тоской:

«Сколько еще несчастій причиню я всѣмъ во кругъ себя. Что мнѣ дѣлать съ собой? Кто научитъ меня?« Но о Богѣ набожный Цвѣтъ почему-то въ эту минуту не вспомнилъ.

Когда онъ шелъ къ выходу, то даже съ опущенными глазами, чувствовалъ, что всѣ глаза устремлены на него. Вверху, въ ложѣ кто-то захлопалъ въ ладоши. А вдругъ это она, Варвара Николаевна, — подумалъ почему-то Цвѣтъ. Но ему такъ стыдно было за свой позорный выигрышъ, что онъ не осмѣлился поднять голову. А сердце забилось, забилось.

X.

Все, что я здѣсь пишу, я пишу по устному, не особенно связному разсказу Цвѣта. Но я давно уже какъ-будто слышу голосъ читателя, нетерпѣливо спрашивающій: да что же это—явь или сонъ? И если сонъ, то когда онъ кончится.

Очень скоро. Мы идемъ быстрыми шагами къ концу и я постараюсь излагать дальнѣйшія событія въ самомъ укороченномъ темпѣ. За то, что все приключившееся съ нашимъ героемъ произошло на самомъ дѣлѣ, я не стану ручаться, хотя на послѣдокъ все-таки приберегаю одинъ, два факта, которые какъ-будто свидѣтельствуютъ, что не все въ похожденіяхъ Цвѣта оказалось сномъ, или празднымъ вымысломъ. А, впрочемъ, кто скажетъ намъ, гдѣ граница между сномъ и бодрствованіемъ? Да и на много ли разнится жизнь съ открытыми глазами отъ жизни съ закрытыми? Развѣ человѣкъ, одновременно слѣпой, глухой и нѣмой, и лишенный рукъ и ногъ не живетъ? Развѣ во снѣ мы не смѣемся, не любимъ, не испытываемъ радостей и ужасовъ, иногда гораздо болѣе сильныхъ, чѣмъ въ разсѣянной дѣйствительности? И что такое, если поглядимъ глубоко, вся жизнь человѣка и человѣчества, какъ не краткій, узорчатый и вѣроятно, напрасный сонъ? Ибо—рожденіе наше случайно, зыбко наше бытіе и лишь вѣчный сонъ непреложенъ.

* * *

Цвѣтъ надѣлалъ цѣлый рядъ глупостей. Вечеромъ послѣ скачекъ, еще томясь стыдомъ и жалостью отъ своего выигрыша, онъ вдругъ вспомнилъ грубый окрикъ Валдалаева, разозлился заднимъ числомъ и, по совѣту возликовавшаго Тоффеля, послалъ хриплому великану вызовъ на дуэль. Секунданты, драгунскій безусый корнетъ и молодой польскій поддѣльный графчикъ — привезли согласіе Валдалаева и передали даже его подлинныя слова. Онъ сказалъ

сердито: «Я продырявлю этого Цвѣта такъ, что отъ него останется только запахъ«.

— И онъ это можетъ, — прибавилъ отъ себя, важно нахмурившись, корнетъ. — Онъ бывшій Ахтырецъ и знаменитый бреттеръ.

— Тенъ-то може! — увѣренно подтвердилъ графъ.

А, вспыхнувшій отъ новаго оскорбленія, Цвѣтъ подумалъ:

— Ну, въ такомъ случаѣ, я его убью.

На другой день утромъ они стрѣлялись за Караваевскими дачами, въ рощицѣ, на лужайкѣ. Валдалаевъ выстрѣлилъ первый и промахнулся; пуля лишъ слегка задѣла рукавъ рубашки Ивана Степановича. Цвѣтъ, впервые державшій пистолетъ въ рукѣ, сталъ цѣлиться. Гигантъ стоялъ передъ нимъ въ половину оборота, въ двадцати шагахъ, нелѣпо огромный, красноносый, спокойный, съ опущенными и растопыренными руками, со слегка наклоненной головой. Правое его ухо, пронизанное солнечнымъ лучомъ, алѣло яркимъ пятномъ подъ круглой касторовой шляпой.

Остатки гнѣва, поутихшаго за ночъ, совсѣмъ испарились изъ души Цвѣта . . . «Я прострѣлю ему ухо«— рѣшилъ Цвѣтъ и слегка надавилъ на собачку. Но ему стало нестерпимо жалко противника. «Нѣтъ, лучше попаду въ шляпу«. И сжалъ указательный палецъ.

Рѣзко хлопнулъ выстрѣлъ, и зазвенѣло въ ушахъ Цвѣта, и пахнуло весело пороховымъ дымомъ. Котелокъ свалился съ Валдалаева. Валдалаеваъ поднялъ его, внимательно оглядѣлъ и прохрипѣлъ спокойно октавой.

— Превосхо-о-о-о. . .

И подойдя съ протянутой рукой къ Цвѣту, сказалъ самымъ плѣнительнымъ, душевнымъ тономъ:

— Извиняюсь передъ вами. . . Я не то о васъ подумалъ. . . Я думалъ, что вы. . . такъ себѣ. . . шляпа. . . А вы оказывается славный, и смѣлый парень. Но, чортъ побери, сатанинская у васъ удача! Исключи-и-и. . .

Вблизи отъ мѣста поединка уютно засѣлъ въ зелени загородный ресторанчикъ. Туда, по окончаніи формальностей поединка, направились дуэлянты, четверо свидѣтелей и докторъ, чтобы заказать завтракъ, о которомъ память должна была сохраниться на десятки лѣтъ. Послѣ соленыхъ закусокъ, Валдалаевъ и Цвѣтъ были на ты. За первой дюжиной шампанскаго Валдалаевъ уступилъ Ивану Степановичу кобылу Сатанеллу въ цѣнѣ пяти тысячъ рублей.

Цвѣтъ только повернулъ слегка глаза на Тоффеля и передъ нимъ мгновенно очутилась чековая книжка.

— Пишите, Иванъ Степановичъ, — сказалъ Тоффель съ мрачнымъ удовольствіемъ. — Пишите.

А къ полуночи, когда компанія перемѣнила уже четвертое мѣсто кутежа, Цвѣтъ купилъ всю конюшню Валдалаева, состоявшую изъ восьми лошадей.

— Но чтобы — кричалъ онъ, стоя, шатаясь, и расплескивая бокалъ, — чтобы не ломать ногъ лошадямъ, не бить ихъ хлыстами. И желаю вообще, дѣтскій садъ для лошадей! Чтобы я ихъ могъ цѣловать въ самый храпъ! . . Въ мордочку! Безнаказанно! Урра!

— Поѣдемъ въ купеческій клубъ, — сказалъ гдѣ-то въ пространствѣ Валдалаевъ—тамъ французскіе шулера. Тамъ я проигралъ сотню тысячъ.

— Есть. Ѣзда! — отвѣтилъ съ добродушной готовностью Цвѣтъ. — Но, сперва вымойте меня сельтерской водой.

Это было сдѣлано. Цвѣтъ почувствовалъ себя сразу трезвымъ и легкимъ. По дорогѣ Валдалаевъ, сидя съ нимъ рядомъ на извозчикѣ и обнимая его, шепталъ ему тепло въ ухо:

— Четыре француза. Господа: — Поль, Бильденъ, Филиппаръ и Галеръ. Ты ихъ—рразомъ. . . Понимаешь?

— Разомъ! Понимаю!

— Твоя власть, милый Виноградъ, отъ дьявола. Вѣрно?

— Д-да!

— Валяй!

— Я имъ пок-кажу-у!

— Покажи.

Въ лучшемъ городскомъ клубѣ, гдѣ бывалъ самъ губернаторъ, Цвѣтъ обыгралъ въ эту ночь въ баккара четырехъ профессіональныхъ искуснѣйшихъ шулеровъ. Онъ также открылъ въ рукавѣ у одного изъ нихъ, у главнаго крупье, m-eur Филиппара, машинку съ готовыми восьмерками и девятками. Затѣмъ онъ обыгралъ до чиста на нѣсколько сотъ тысячъ всѣхъ членовъ собранія. Но, обыгравъ, вдругъ признался, къ громадному наслажденію Тоффеля, который покатывался отъ смѣха:

— Господа. И французовъ и васъ, я обыгралъ навѣрняка. Французовъ такъ и слѣдовало. А вы — простые добродушные бараны. Поэтому потрудитесь взять всѣ проигранныя вами деньги обратно. Я обладаю двойнымъ зрѣніемъ. Я видѣлъ насквозь

каждую карту. Хотите, я назову вамъ напередъ любую по счету карту въ колодѣ, стоя къ вамъ спиною?

Его провѣрили. Загадывали двадцать седьмую и девятую и, тридцать шестую карту изъ колоды. Онъ на секунду прикрывалъ глаза, открывалъ ихъ и сразу угадывалъ тузъ пикъ, девятка бубенъ, двойка бубенъ. Всѣ объяснили это явленіе телепатіей и оккультизмомъ и охотно взяли свои ставки обратно, при чемъ многіе перессорились.

Одинъ Валдалаевъ отказался отъ денегъ. Онъ застегнулся на всѣ пуговицы, перекрестился и сказалъ своимъ рычащимъ голосомъ:

— Сногшиба-а-а... Однако я въ этой странной хрѣновинѣ не участникъ. Эти деньги — къ чортовой ихъ матери!...

И величественно ушелъ, недотронувшись до кучи золота и бумажекъ.

А Иванъ Степановичъ, глядя ему вслѣдъ, на его удаляющую широкую спину, вдругъ поблѣднѣлъ и сталъ нервно тереть ладонями виски.

* * *

Утромъ явился къ Цвѣту мистеръ Тритчель, англичанинъ-жокей, скакавшій наканунѣ на Лэди-Винтерсетъ, на той лошади, что сломала себѣ ногу, и предложилъ ему свои услуги. По его словамъ, валдалаевская конюшня была очень высокихъ качествъ, но падала съ каждымъ годомъ изъ-за характера прежняго владѣльца, который по своей вспыльчивости, самоувѣренности и нетерпимости, постоянно мѣнялъ жокеевъ и довѣрялъ только посредственнымъ и малознающимъ тренерамъ. Цвѣтъ согласился. Съ этого времени его лошади стали забирать всѣ первые призы.

Мало того: однажды, подстрекаемый внезапнымъ и нелѣпымъ припадкомъ честолюбія, онъ вызвался самъ, лично, участвовать въ джентльменской скачкѣ. Всѣ доводы благоразумія были противъ этой дикой затѣи, начиная съ того обстоятельства, что Цвѣтъ еще ни разу въ своей жизни не садился на лошадь. Въ пользу Ивана Степановича говорило лишь два слабыхъ данныхъ: его легкій вѣсъ — 3 п. 25 фунтовъ и его непоколебимая рѣшимость скакать.

Мистеръ Тритчель, спеціально для этой цѣли, пріобрѣлъ за довольно дорогую цѣну добронравную, спокойную девятилѣтнюю кобылу, ростомъ въ 6½ вершковъ, по имени Mademoiselle Barbe.

Онъ самъ далъ своему патрону нѣсколько уроковъ верховой ѣзды на маленькомъ конюшенномъ ипподромѣ. Цвѣтъ, галопирующій въ крошечномъ англійскомъ сѣдлѣ на огромной гнѣдой лошади, напоминалъ ему фокстерьера балансирующаго на ребрѣ обледенѣлой крыши. Часто Цвѣтъ оборачивался на Тритчеля, услышавъ съ его стороны короткое носовое фырканье. Но каждый разъ его глаза встрѣчали сухое, костистое горбоносое лицо кривоногаго англичанина, исполненное серьезности и достоинства.

И вопреки логикѣ и здравому смыслу, Цвѣтъ все-таки въ джентльменской скачкѣ пришелъ первымъ. Нѣтъ, вѣрнѣе не онъ пришелъ, а его принесла сильная и старательная лошадь, а онъ сидѣлъ на ней, вцѣпившись обѣими руками въ гриву, растерявъ поводья и стремена, потерявъ картузъ и хлыстъ. Публика встрѣтила его у столба тысячеголоснымъ ревомъ, хохотомъ, свистомъ, шиканьемъ и бурными аплодисментами.

Одно время онъ пристрастился къ биржевой игрѣ и въ этой темной, сложной и рискованной области его не только не оставляло но даже какъ бы рабски тащилось за нимъ безумное, постоянное счастье. Въ самый короткій срокъ онъ сдѣлался оракуломъ мѣстной биржи, чѣмъ-то въ родѣ биржевого барометра. Маклеры, банкиры и спекулянты глядѣли ему въ ротъ, взвѣшивая и оцѣнивая каждое его слово. Онъ же дѣйствовалъ всегда наобумъ, исключительно подъ вліяніемъ мгновеннаго каприза. Онъ покупалъ и продавалъ бумаги, судя потому, нравились ему сегодня или не нравились ихъ названія, не имѣя ни малѣйшаго представленія о томъ, какія предпріятія эти бумаги обезпечиваютъ. Онъ никогда не могъ постигнуть глубокую сущность биржевыхъ сдѣлокъ «á la hausse« и «á la baisse«. Но когда онъ игралъ на повышеніе, то тотчасъ же гдѣ-то, на краю свѣта, въ невѣдомыхъ ему степяхъ начинали бить мощные нефтяные фонтаны и въ неслыханныхъ сибирскихъ горахъ вдругъ обнаруживались жирныя залежи золота. А если онъ ставилъ на пониженіе, то старинныя предпріятія сразу терпѣли громадные убытки отъ забастовокъ, отъ пожаровъ и наводненій, отъ колебаній заграничной биржи, отъ внезапной сильной конкурренціи. Если бы его спросили, въ чемъ состоитъ тайна его удивительнаго успѣха, онъ только пожалъ бы плечами и отвѣтилъ бы совершенно искренно; да, право, я и самъ не знаю . . . Но въ томъ-то и заключалось скрытое несчастіе и невидимая боль его жизни, *что онъ зналъ и не могъ никому сознаться.*

Его широкій образъ жизни скоро обратилъ на себя вниманіе, и о Цвѣтѣ стали негласнымъ образомъ наводить справки. Но придраться было не къ чему: на-лицо оказывались: и полученное наслѣдство, и поразительные выигрыши на биржѣ. Къ тому же онъ чрезвычайно щедро разбрасывалъ деньги. На благотворительныхъ вечерахъ, концертахъ, базарахъ, общественныхъ подпискахъ и лоттереяхъ подъ его именемъ значились наиболѣе крупныя пожертвованія. Никто охотнѣе его не давалъ денегъ на стипендіи, поощренія и койки въ лазаретахъ. Но онъ самъ замѣчалъ съ глубокимъ огорченіемъ, что ни разу никому его щедрость не принесла ничего, кромѣ неудачъ, разоренія, безпутства, болѣзней и смерти.

Онъ занималъ небольшой старинный облицованный мраморомъ особнякъ въ нагорной, самой аристократической и тихой части города, утопавшей въ липовыхъ аллеяхъ и садахъ. По преданію, въ этомъ домѣ когда-то останавливался Наполеонъ, и до сихъ поръ въ одной изъ комнатъ сохранилась кроват подъ огромнымъ балдахиномъ съ занавѣсками сѣро-малиноваго бархата, затканнаго золотыми пчелами. Штатъ его служащихъ увеличивался съ каждымъ днемъ. Во главѣ всѣхъ стоялъ мажордомъ, величественный сѣдовласый бакенбардистъ, похожій на русскаго посла прежнихъ временъ въ Парижѣ или Лондонѣ. За нимъ слѣдовали: камердинеръ съ наружностью перваго любовника съ императорской сцены, круглый, какъ шаръ, бритый старшій поваръ, выписанный изъ Москвы отъ Оливье; кучеръ для русской упряжи, поражавшій всѣхъ до ужаса густотою черной бороды, румянцемъ щекъ, обширностью навaченнаго зада, и звѣринымъ голосомъ; кучеръ для англійской упряжи; ученый нѣмецъ-садовникъ въ очкахъ, завѣдывавшій оранжереею и зимнимъ садомъ и еще десятка два мелкихъ прислужниковъ. Весь городъ любовался Цвѣтомъ, когда онъ въ погожій полдень проѣзжалъ по Московской и Дворянской улицамъ, правя съ высоты англійскаго догъ-карта двумя парами прекрасно подобранныхъ и выѣзженныхъ лошадей, масти Изабелла, свѣтло-песочнаго цвѣта съ начисто вымытыми сребро-бѣлыми гривами и хвостами.

Всезнающій и всемогущій Тоффель пріобрѣлъ откуда-то для Цвѣта, по особо-удачному случаю, старинное серебро и древній французскій фарфоръ съ клеймами въ видѣ золотыхъ лилій. Онъ же скупилъ у раззорившагося польскаго магната богатѣйшій погребъ винъ, который по рѣдкости и тонкости сортовъ, считался четвертымъ въ

мірѣ, (какъ въ этомъ по крайней мѣрѣ увѣрялъ прежній владѣлецъ). Онъ же доставалъ изъ третьихъ рукъ такія ароматныя и выдержанныя сигары, какими самъ архимилліонеръ Лазарь Израилевичъ не угощалъ мѣстнаго генералъ-губернатора, — всесильнаго сатрапа и знаменитаго лакомку. Наконецъ, это Тоффель организовалъ по вторникамъ въ особнякѣ Цвѣта интимные ужины и тщательно выбиралъ и фильтровалъ приглашенныхъ, стараясь предотвратить вторженіе улицы. Только остроуміе, изобрѣтательность въ весельи, талантъ, изящество, красота, вкусъ къ жизни и добродушная учтивость служили патентами для входа на эти вечера, и никогда не удавалось проникнуть туда чванному, свѣтскому снобизму, лѣнивому и пресыщенному любопытству, людямъ глупости и скуки, разсчетливымъ искателямъ связей и знакомствъ.

Желанными гостями были артисты и артистки всѣхъ профессій, актеры, пѣвцы, танцоры, музыканты, композиторы, художники, скульпторы, декораторы, поэты, клоуны, фокусники, имитаторы и особая порода свѣтскихъ диллетантовъ, неистощимыхъ на выдумки. Всѣ хорошенькія женщины города показывались съ удовольствіемъ и безъ стѣсненія на этихъ вечерахъ, гдѣ, по ихъ словамъ, всегда бывало такъ мило и просто. Устраивались великолѣпныя, шутливыя китайскія шествія съ фонарями, драконами и носилками, воскрешались старинныя пасторали съ гавотами и менуэтами въ костюмахъ XVIII столѣтія, разыгрывались водевили съ пѣніемъ и цѣлыя комическія оперы на сюжетъ придуманный тутъ же у Цвѣта въ гостиной, а также ставились сообща нелѣпо-веселыя пародіи на модныя пьесы и на современныя событія.

Ужинали на отдѣльныхъ столикахъ, по двое и по четверо, кто какъ хотѣлъ. Мужчины служили своимъ дамамъ и самимъ себѣ. Въ ихъ распоряженіи былъ буфетъ, щедро снабженный винами и холодными, изысканными закусками.

Въ городѣ ходили всякіе злостные слухи объ этихъ ужинахъ, на которые попасть было весьма трудно, но на самомъ дѣлѣ, несмотря на безудержное веселье, на полное отсутствіе натянутости, они носили приличный, изящный и цѣломудренный характеръ. Такъ Цвѣтъ х о т ѣ л ъ, такъ и было. И часто его спокойный, быстрый взглядъ, направленный черезъ всю столовую, останавливалъ въ самомъ началѣ рискованную выходку, слишкомъ громкій смѣхъ, или рѣзкій жестъ.

Съ сотнями людей сталкивала Цвѣта его многогранная жизнь, но ни съ однимъ человѣкомъ онъ не сошелся за это время, ни къ кому не прикоснулся близко душой. Съ тою же чудесной способностью «двойного зрѣнія«, съ какою Цвѣтъ могъ видѣть рельефъ императрицы и годъ чеканки на золотой монетѣ, зажатой въ кулакѣ Тоффеля или угадать любую карту изъ колоды, — такъ же легко онъ читалъ въ мысляхъ каждаго человѣка. Цвѣту нужно было для этого пристально и напряженно вглядѣвшись въ него, вообразить внутри самого себя его жесты, движенія, голосъ, сдѣлать втайнѣ свое лицо какъ бы его лицомъ и тотчасъ же послѣ какого-то мгновеннаго, почти необъяснимаго душевнаго усилія, похожаго на стремленіе перевоплотиться, — передъ Цвѣтомъ раскрывались всѣ мысли другого человѣка, всѣ его явныя, потаенныя и даже скрываемыя отъ себя желанія, всѣ чувства и ихъ оттѣнки. Это состояніе бывало похоже на то, какъ-будто бы Цвѣтъ проникалъ сквозь непроницаемый колпакъ въ самую середину чрезвычайно сложнаго и тонкаго механизма и могъ наблюдать незамѣтную извнѣ, запутанную работу всѣхъ его частей: пружинъ, колесъ, шестерней, валиковъ и рычаговъ. Нѣтъ, даже иначе: онъ самъ какъ бы дѣлался на минуту этимъ механизмомъ во всѣхъ его подробностяхъ, и въ то же время оставался самимъ собою, Цвѣтомъ, холодно наблюдающимъ мастеромъ.

Такая способность углубляться по внѣшнимъ признакамъ, по мельчайшимъ, едва уловимымъ измѣненіямъ лица, въ нѣдра чужихъ душъ, пожалуй, не имѣла въ своей основѣ ничего таинственнаго. Ею обладаютъ, въ большей или меньшей степени, старые судебные слѣдователи, талантливые уголовные сыщики, опытныя гадалки, психіатры, художники-портретисты и прозорливые монастырскіе старцы. Разница была только въ томъ, что у нихъ она является результатомъ долголѣтняго и тяжелаго житейскаго опыта, а Цвѣту она далась чрезвычайно легко.

И сдѣлала его глубоко несчастнымъ. Каждый день передъ нимъ разверзались бездны человѣческой душевной грязи, въ которой копошились ложь, обманъ, предательство, продажность, ненависть, зависть, безпредѣльная жадность и трусость. Почтенные старцы, дѣдушки съ видомъ патріарховъ, невинныя барышни, цвѣтущіе юноши, безупречныя многодѣтныя матроны, добродушные толстые остряки, отцы города, политическіе дѣятели, филантропы и благотворительницы, передовые писатели, служители искусствъ и религій, всѣ они въ подвалахъ своихъ мыслей бывали тысячекратно

ворами, насильниками, грабителями, клятвопреступниками, убійцами, извращенными прелюбодѣями. Ихъ полусознанныя, мгновенныя, часто непроизвольныя желанія были похожи на свору кровожадныхъ и похотливыхъ звѣрей, запертыхъ на замокъ, ключъ отъ котораго находится въ невѣдомой и мудрой рукѣ. И каждый день Цвѣтъ чувствовалъ, какъ въ немъ нарастаетъ презрѣніе къ человѣку и отвращеніе къ человѣчеству.

О, сколько разъ тянулись къ нему трепетныя и послушныя женскія руки, а глаза, — затуманенные влажные, — искали его глазъ, и губы открывались для поцѣлуя. Но сквозь маску профессіональнаго кокетства, подъ личиной любовнаго самообмана Цвѣтъ прозрѣвалъ или открытую жажду его золота или сокровенное, инстинктивное, воспитанное сотнями поколѣній, рабское преклоненіе передъ властью богатства. Онъ одаривалъ женщинъ съ очаровательной улыбкой и съ внутренней брезгливостью, оставаясь самъ холоднымъ и недоступнымъ.

Была во всемъ свѣтѣ лишь одна, — ея имя начиналось съ буквы В — одна-единственная, незамѣнимая, несравненная, прекраснѣйшая, чье розовое лицо пряталось въ букетѣ сирени, и чьи темные глаза смѣялись, ласкали и притягивали. Но передъ ея далекимъ образомъ молчало всемогущество желаній. Цвѣтъ окружалъ ее безмолвнымъ обожаніемъ, тихой самоотверженной любовью, не смѣющей ждать отвѣта. Ему доставляло страшное наслажденіе, вновь найти въ записной книжкѣ ея имя и прочитать его, но ни за что онъ не отважилъ бы пойти по тому адресу, который она сама продиктовала.

Чтеніе чужихъ мыслей было не единственнымъ несчастіемъ Цвѣта. Его очень тяготило также постоянное совпаденіе его малѣйшихъ желаній съ ихъ мгновеннымъ исполненіемъ. Цвѣтъ никому не хотѣлъ зла, но невольно причинялъ его на каждомъ шагу. Разсказываютъ объ одномъ великомъ алхимикѣ, который сообщилъ своему ученику точный рецептъ жизненнаго элексира, но предупредилъ его, чтобы онъ при его изготовленіи никакъ не смѣлъ думать о бѣломъ медвѣдѣ. И вотъ, каждый разъ, какъ только ученикъ приступалъ къ таинственнымъ манипуляціямъ, первой его мыслью всегда бывала мысль о бѣломъ медвѣдѣ. Такъ и Цвѣтъ, сидя на примѣръ, однажды въ циркѣ, и слѣдя глазами за акробаткой, скользящей по проволокѣ, не могъ не вспомнить о своемъ несчастномъ дарѣ и крѣпко, всѣми силами, внушалъ себѣ: »только бы случайно не пожелать, чтобы она упала, только бы, только бы. . .«

Онъ сжималъ при этомъ кулаки и напрягалъ мускулы лица и шеи, но въ воображенiи уже рисовалось паденiе. . . и вотъ съ легкимъ птичьимъ крикомъ гибкая женская фигура въ лиловомъ трико упала внизъ, въ сѣтку, сверкая золотыми блестками.

Одинъ случай въ этомъ родѣ такъ напугалъ Цвѣта, что онъ чуть не сошелъ съ ума. Онъ возвращался домой съ утренняго концерта пѣшкомъ. Былъ хмурый и вѣтряный день, со страннымъ зловѣщимъ багрово-мѣднымъ освѣщенiемъ облаковъ, которыя неслись низко и быстро, точно ватаги растрепанныхъ дьяволовъ. Какимъ-то капризнымъ путемъ мысли Цвѣта, цѣпляясь одна за другую, пришли къ чуду Iисуса Навина, который продлилъ день битвы, остановивъ солнце. Изъ начатковъ космографiи Цвѣтъ, конечно, зналъ, что iудейскому полководцу, для его цѣли, надо было остановить не солнце, а вращенiе земли вокругъ ея оси, и что эта остановка повлекла бы за собою, въ силу инерцiи, страшную катастрофу на земной поверхности, а, можетъ быть, и во всемъ мiрозданiи. Цвѣтъ былъ въ этотъ день весьма легкомысленно настроенъ. Самъ того не зная, онъ на одну миллiардную долю секунды былъ близокъ къ тому, чтобы сказать старой землѣ: «остановись!« Онъ даже почти сказалъ это. Но внезапный ураганъ, ринувшiйся на городъ, подхватилъ Цвѣта, протащилъ его сажени съ три и швырнулъ на телеграфный столбъ, за который онъ въ смертельномъ ужасѣ обвился руками и ногами. А мимо него понеслись въ свирѣпомъ вихрѣ пыли, въ мрачной полутьмѣ: зонтики, шляпы, газеты, древесныя вѣтки, растерянные люди, обезумѣвшiя лошади. Со зданiй падали кирпичи отъ разрушенныхъ трубъ, крыши оглушительно гремѣли своими желѣзными листами, пронзительно выли телеграфныя проволоки, хлопали окна и вывѣски, звенѣло бьющееся стекло.

Это прошелъ черезъ городъ край того ужасающаго циклона, который въ Москвѣ въ 19** году разметалъ множество деревушекъ, опрокинулъ въ городѣ водонапорныя башни, повалилъ груженые вагоны и въ одну минуту скосилъ на-чисто нѣсколько десятинъ крѣпкаго строевого лѣса. Ураганъ такъ же быстро, какъ поднялся, такъ неожиданно и утихъ. Цвѣтъ цѣлый день теръ на лбу громадную шишку и шепталъ, точно извиняясь передъ всей вселенной: «но вѣдь, это же не я, честное, слово, не я. Я не хотѣлъ этого, я не сказалъ этого« . . .

И еще было одно глубокое, печальное горе у Цвѣта. Отъ него, такъ волшебно подчинявшаго себѣ настоящее, — уплыло ку-

да-то въ безвѣстную тьму все прошлое. Не то, чтобы онъ его забылъ но онъ не могъ вспомнить. Сравнительно ясно представлялись вчерашнія переживанія, но позавчерашній день приходилъ на память урывками , а дальше сгущался плотный туманъ. Мелькали въ немъ безсвязно какіе-то блѣдные образы, звучали знакомые голоса, но они мерещились лишь на секунды, чтобы исчезнуть безслѣдно, и Цвѣтъ не въ силахъ былъ уловить, остановить ихъ.

Иногда по вечерамъ, оставаясь одинъ въ своемъ роскошномъ кабинетѣ, Цвѣтъ подолгу сидѣлъ, вцѣпившись пальцами въ волосы, и старался припомнить, что съ нимъ было раньше. Клочками проносились передъ нимъ: желѣзная дорога, какой-то запущенный садъ, необыкновенная лабораторія, книга въ красномъ сафьянѣ, рыжій почтальонъ, взрывъ огненнаго шара, древній церковный старикъ, козлиная морда, узоръ текинскаго ковра, дѣвушка въ вагонномъ окнѣ. . . Но въ этихъ видѣніяхъ не было ни связи, ни смысла, ни яркости. Они не зацѣплялись за сознаніе, они только раздражали память и угнетали волю.

Отъ усилія вспомнить, у Цвѣта такъ разбаливалась голова, какъ-будто кто-то ввинчивалъ длинный винтъ черезъ весь его мозгъ, а душа его ущемлялась такой ноющей тоской, которая была еще больнѣе головной боли. Измученный Цвѣтъ быстро раздѣвался и приказывалъ себѣ: спать! — и тотчасъ же погружался въ безмолвіе и покой.

Видѣлъ онъ всегда одинъ и тотъ же сонъ: желтенькіе обои съ зелеными вѣнчиками и розовыми цвѣточками, японскую или китайскую ширму, съ аистами и рыболовомъ, клѣтку съ канарейкой, кактусъ на окнѣ и форменнную фуражку съ бархатнымъ околышемъ и бирюзовыми кантами. И такимъ сіяніемъ ранней молодости, прелестью невинныхъ, но утраченныхъ навсегда радостей, такой сладкой грустью были окружены эти незатѣйливые предметы, что, просыпаясь среди ночи, Цвѣтъ удивлялся, отчего у него влажная подушка. Но свой сонъ никогда онъ не могъ припомнить.

XI.

Но всему, даже горю, приходитъ конецъ.

Однажды утромъ, подавая Цвѣту кофе, великолѣпный камердинеръ, съ лицомъ театральнаго свѣтскаго льва, сказалъ:

— Я вчера вечеромъ перебиралъ вашъ гардеробъ, баринъ, и въ старомъ сѣромъ костюмѣ, въ карманѣ, нашелъ вотъ это. . .какіе-то жетоны или игральныя марки. . . не знаю. . .

Онъ осторожно поставилъ на столъ круглый маленькій подносъ, на которомъ лежали аккуратной горкой штукъ тридцать квадратныхъ сентиметровыхъ пластинокъ изъ слоновой кости. На нихъ были выгравированы и выведены эмалью различныя латинскія буквы. Цвѣтъ взялъ двумя пальцами одну костяшку и поднесъ ее къ глазамъ, а подносъ слегка отодвинулъ, сказавъ небрежно:

— Уберите куда-нибудь.

Слуга ушелъ.

Цвѣтъ разсѣянно прихлебывалъ кофе и время отъ времени взглядывалъ на костяной квадратикъ. Несомнѣнно онъ его видѣлъ гдѣ-то раньше. . . Съ нимъ даже было связано какое-то отдаленное, чрезвычайно важное и загадочное воспоминаніе. Такъ же змѣисто изгибалось когда-то передъ нимъ изящное старинное начертаніе этого стройнаго S . . . Слабый, еле мерцающій огонекъ проволочнаго фонаря тогда освѣщалъ его. . . Въ глубокой полночной тишинѣ только и слышалось, что торопливое тиканье часовъ, лежавшихъ на столѣ, а гулъ, подобный морскому прибою, гудѣлъ въ ушахъ Цвѣта . . . И тогда-то именно случилось . . . Но головная боль пронизала винтомъ его голову и затмила мозгъ. Положивъ машинально квадратикъ въ карманъ, Цвѣтъ сталъ одѣваться.

Немного времени спустя, къ нему вошелъ его личный секретарь, ставленникъ Тоффеля, низенькій и плотный южанинъ, вертлявый, въ черепаховомъ пенснэ, стриженный такъ низко, что голова его казалась бѣлымъ шаромъ, съ синими отъ бритья щеками, губами и подбородкомъ. Онъ всѣмъ распоряжался, всѣми понукалъ, былъ дерзокъ, высокомѣренъ и шумливъ и, въ сущности, ничего не зналъ, не умѣлъ и не дѣлалъ. Онъ хлопалъ Цвѣта по плечу, по животу и по спинѣ и называлъ его «дорогой мой«, и только на одного Тоффеля глядѣлъ всегда такими же жадными, просящими преданными глазами, какими Тоффель глядѣлъ на Цвѣта. Иванъ Степановичъ зналъ о немъ очень немногое, а именно, что этого молодого и глупаго наглеца звали Борисомъ Марковичемъ, что онъ велъ свое происхожденіе изъ Одессы и былъ, по убѣжденію, с о с ь я л ь-д е м о к р а т ъ, о чемъ докладывалъ на дню по сто разъ. Цвѣтъ побаивался его и всегда ежился отъ его фамильярности.

— Къ вамъ домогается какой-то типъ — Сереброструнъ. Что онъ за одинъ — я не могу понять. И какъ я его ни уговаривалъ, онъ-таки не уходитъ. И непремѣнно хотитъ, чтобы лично. . . Ну?

— Просите его, — сказалъ Цвѣтъ и скрипнулъ зубами. И вдругъ отъ нестерпимаго, сразу хлынувшаго гнѣва вся комната стала красной въ его глазахъ. — А вы. . . — прошепталъ онъ съ ненавистью — вы сейчасъ же, вотъ какъ стоите здѣсь, исчезните! И навсегда!

Секретарь не двинулся съ мѣста, но началъ быстро блѣднѣть, линять, обезцвѣчиваться, сдѣлался прозрачнымъ, потомъ отъ него остался только смутный контуръ, а черезъ двѣ секунды этотъ призракъ, на самомъ дѣлѣ, исчезъ въ видѣ легкаго пара, поднявшагося кверху и растаявшаго въ воздухѣ.

«Первая галлюцинація, — подумалъ Цвѣтъ тоскливо. — Началось. Допрыгался.«

И крикнулъ громко, отвѣчая на стукъ въ дверяхъ.

— Да кто тамъ? Войдите же!

Онъ устало закрылъ глаза, а когда открылъ ихъ, передъ нимъ стоялъ невысокій толстый человѣкъ, весь лоснящійся: у него лоснилось полное румяное лицо, лоснились напомаженныя кудри и закрученные крендельками усы, сіялъ начисто выбритый подбородокъ, блестѣли шелковые отвороты длиннаго чернаго сюртука.

— Неужели не узнаете? Сереброструновъ. Регентъ.

Нѣтъ. Иванъ Степановичъ не узнавалъ Сереброструнова, регента, и въ то же время каждый кусочекъ этого губительнаго красавца, каждое его движеніе, каждое колебаніе его голоса были безконечно знакомы ему. Парализованная память молчала. Но, по усвоенной привычкѣ разговаривать ежедневно со множествомъ людей, которые его знали, но которыхъ онъ совершенно не помнилъ, Цвѣтъ увѣренно отвѣтилъ, показывая на кресло.

— Какъ же, какъ же. . . Великолѣпно помню. . . регентъ Сереброструновъ. . . еще бы. Прошу садиться. Чѣмъ могу?. .

Сереброструновъ былъ одновременно подавленъ строгимъ комфортомъ стильнаго большого кабинета и снисходительной любезностью хозяина. Было ясно, что онъ хотѣлъ напомнить Цвѣту и по душамъ разговориться о чемъ-то далеко-прошломъ, миломъ, тепломъ и простомъ, и Цвѣтъ ждалъ этого. Но регентъ такъ и не рѣшился. Срываясь и торопясь, съ бѣгающими глазами, вертя напряженно пуговицу на своемъ рукавѣ, началъ онъ обычную просительную канитель: простудился, началъ глохнуть, голосъ сдалъ. . .

все это, конечно, временное и проходящее... но, сами знаете, каковы люди... Конкуренція, завистники... Теперь доктора посылаютъ на Кавказъ, на цѣлебныя воды... Какъ поѣдешь?.. Вещи, какія были, заложены... Словомъ...

Словомъ, Цвѣтъ написалъ ему чекъ на двѣ тысячи. Но прощаясь, онъ на мгновеніе задержалъ руку регента и спросилъ его робкимъ, тихимъ, почти умоляющимъ голосомъ:

— Подождите... Мнѣ измѣнила память... Подождите минуточку... Ахъ, чортъ... — Онъ усиленно потеръ лобъ. — Никакъ не могу... Да гдѣ же, наконецъ, мы встрѣчались?

— Помилуйте! Господинъ Цвѣтъ! Да какъ же это? Я у Знаменья регентовалъ. Неужели не помните? Вы же у меня въ хорѣ изволили пѣть. Первымъ теноромъ. Вспоминаете? Чудесный былъ у васъ голосокъ... Какъ это вы прелестно соло выводили «Благослови душе моя« іеромонаха Ѳеофана. Нѣтъ? Не вспоминаете?

Точно дальняя искорка среди ночной темноты, сверкнулъ въ головѣ Цвѣта обрывокъ картины: клиросъ, запахъ ладана, живые огни тонкихъ восковыхъ свѣчей, ярко освѣщенныя ноты, шорохи и звуки шевелящейся сзади толпы, тонкое пѣвучее жужжаніе камертона... Но огонекъ сверкнулъ и погасъ, и опять ничего не стало, кромѣ мрака, пустоты, головной боли и томной, раздражающей, обморочной тоски въ сердцѣ.

Цвѣтъ закрылъ лицо обѣими руками и глухо простоналъ:

— Извините... Я не могу больше... Уйдите скорѣе...

Ему страшно и скучно было оставаться одному, и онъ весь этотъ день безцѣльно мыкался по городу. Завтракалъ у Массью, обѣдалъ въ Европейской. Въ промежуткѣ между завтракомъ и обѣдомъ заѣхалъ на репетицію въ опереточный театръ и, сидя въ ложѣ пустого темнаго зала, безсмысленно глядѣлъ на еле освѣщенную сцену, гдѣ толклись въ обыкновенныхъ домашнихъ платьяхъ актеры и актрисы и вяло, деревянными голосами, точно спросонья, что-то бормотали. Купилъ у Дюрана нитку жемчуга и завезъ ее Аннунціатѣ Бенедетти, той хорошенькой цирковой артисткѣ, которая однажды, по его, какъ онъ думалъ, винѣ, упала съ проволоки. Сидѣлъ около часу въ читальнѣ клуба съ газетой въ рукѣ, устремивъ взоръ въ одно объявленіе, и все не могъ понять, что это такое значитъ: «Маникюръ и педикюръ, мадамъ Пеляжи Хухрикъ, у себя и на дому«. У него было такое тяжелое, безпокойное и

угнетенное состоянie ожиданiя, какое бываетъ у нервныхъ людей передъ грозою, или, пожалуй, какъ у больныхъ, приговоренныхъ на сегодня къ серьезной операцiи: «хоть бы поскорѣе!«

Изъ Европейской гостиницы онъ вышелъ довольно поздно, когда уже на городъ тепло спускались розовыя, зеленыя, лиловыя сумерки. Экипажъ онъ отпустилъ еще раньше и шелъ, глубоко задумавшись, засунувъ руки въ карманы, не отвѣчая на низкiе поклоны знакомыхъ, невѣдомыхъ ему людей. Мысли его все тѣснились около двухъ утреннихъ случаевъ. Несомнѣнно, между ними была какая-то отдаленная неуловимая связь и въ то же время они взаимно исключали другъ друга, какъ явленiя противоположныхъ мiровъ. Сiяющiй и жалкiй Среброструновъ принадлежалъ къ чему то прошлому въ жизни Цвѣта, такому понятному, простому и милому, но безвозвратному, недосягаемому, прикасался къ чему-то безконечно близкому, но теперь забытому. А квадратики изъ слоновой кости съ латинскими литерами точно знаменовали переходъ къ теперешнему существованiю Цвѣта – фантастическому и скорбному.

На перекресткѣ Иванъ Степановичъ остановился, безцѣльно переворачивая правой рукой въ карманѣ квадратную костяшку.

По Александровской улицѣ, сверху, бѣжалъ трамвай, выбрасывая изъ-подъ колесъ трескучiе снопы фiолетовыхъ и зеленыхъ искръ. Описавъ кривую, онъ уже приближался къ углу Бульварной. Какая-то пожилая дама, ведя за руку дѣвочку лѣтъ шести, переходила черезъ Александровскую улицу, и Цвѣтъ подумалъ: «вотъ сейчасъ она обернется на трамвай, замнется на секунду и, опоздавъ, побѣжитъ черезъ рельсы. Что за дикая привычка у всѣхъ женщинъ непремѣнно дожидаться послѣдняго момента и въ самое неудобное мгновенiе броситься наперерѣзъ лошади или вагону. Какъ-будто онѣ нарочно испытываютъ судьбу, или играютъ со смертью. И вѣроятно, это происходитъ у нихъ только отъ трусости.«

Такъ и вышло. Дама увидѣла быстро несущiйся трамвай и растерянно заметалась то впередъ, то назадъ. Въ самую послѣднюю долю секунды ребенокъ оказался мудрѣе взрослаго своимъ звѣринымъ инстинктомъ. Дѣвочка выдернула ручонку и отскочила назадъ. Пожилая дама, вздѣвъ руки вверхъ, обернулась и рванулась къ ребенку. Въ этотъ моментъ трамвай налетѣлъ на нее и сшибъ съ ногъ.

Цвѣтъ въ полной мѣрѣ пережилъ и перечувствовалъ все что было въ эти секунды съ дамой: торопливость, растерянность, безпомощность, ужасъ. Вмѣстѣ съ ней онъ — издали, внутренно — суетился, терялся, совался впередъ и назадъ и, наконецъ, упалъ между рельсъ, оглушенный ударомъ. Былъ одинъ самый послѣднiй короткiй, какъ зигзагъ молнiи, необычайный, нестерпимо-яркiй моментъ, когда Цвѣтъ сразу пробѣжалъ вторично всю свою прошлую жизнь отъ крупныхъ событiй до мельчайшихъ пустяковъ. Многiе, къ кому подходила вплотную смерть, бывало лиэто въ водѣ, въ огнѣ, подъ землею или въ воздухѣ, говорятъ, что они переживали подобныя же ощущенiя. Цвѣтъ увидѣлъ, точно въ хрустальномъ волшебномъ зеркалѣ, свое дѣтство: мѣдныя каски пожарныхъ и страшные ночные выѣзды команды, игру въ бабки за конюшнями, ловлю рыбы, при помощи завязанныхъ штанишекъ, на рѣчкѣ Кизахѣ и кулачные бои городскихъ мальчишекъ съ зарѣчными турунтаями на льду Кинешемки, духовное училище и гимназiю, и всю службу въ сиротскомъ судѣ, и пѣвческiй хоръ у Знаменья, и свое мирное житiе въ мансардѣ на шестомъ этажѣ, и визитъ Тоффеля, и усадьбу въ Червономъ, и страшную ночь въ кабинетѣ дяди-алхимика, и обратную дорогу, и очаровательную Варвару Николаевну съ букетомъ сирени, съ розовымъ лицомъ и сладостнымъ голосомъ, и всю послѣднюю жизнь, полную скуки, безпамятства, невольнаго зла и нелѣпой роскоши. Все это промелькнуло въ одну тысячную долю секунды. Теряя сознанiе, онъ закричалъ дикимъ голосомъ:

«Афро—Аместигонъ!«

Очнулся онъ на извозчикѣ, рядомъ съ Тоффелемъ, который одной рукой обнималъ его за спину, и другой держалъ у его носа пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ. Внимательнымъ, серьезнымъ и глубокимъ взглядомъ всматривался ходатай, сбоку, въ лицо Цвѣта, и Цвѣтъ успѣлъ замѣтить, что у него глаза теперь были не пустые и не свѣтлые, какъ раньше, а темно-карiе, глубокiе, и не жестко-холодные, а смягченные, почти ласковые.

Прiѣхавъ домой, Тоффель провелъ Ивана Степановича въ кабинетъ, заботливо усадилъ его въ кресло, опустилъ оконныя занавѣски и зажегъ электричество. Потомъ онъ приказалъ лакею принести коньяку, и, когда тотъ исполнилъ приказанiе, собственноручно заперъ за нимъ дверь.

— Выпейте-ка, дорогой мой патронъ и клiентъ, — сказалъ онъ, наливая Цвѣту большую рюмку. — Выпейте, успокойтесь и по-

говоримъ. — Онъ слегка погладилъ его по колѣну. — Ну-съ, самое главное свершилось. Вы назвали слово. И, видите, ничего страшнаго не произошло.

Коньякъ согрѣлъ и успокоилъ Цвѣта. Но въ немъ уже не было ни вражды къ Тоффелю, ни презрѣнія, ни прежняго съ нимъ повелительнаго обращенія. Онъ самымъ простымъ тономъ, въ которомъ слышалось кроткое любопытство, спросилъ:

— Вы — Мефистофель?

— О, нѣтъ, — мягко улыбнулся Тоффель. — Васъ смущаетъ Меф. Ис . . . — начальные слоги моего имени, очества и фамиліи? . . . Нѣтъ мой другъ, куда мнѣ до такой знатной особы. Мы существа маленькія, служилыя. . . такъ себѣ . . . сѣрая команда.

— А мой секретарь?

— Ну, этотъ-то ужъ совсѣмъ мальчишка на побѣгушкахъ. Ахъ, какъ вы его утромъ великолѣпно испарили. Я любовался. Но и то сказать, — нахалъ! Однако, о дѣлѣ, добрѣйшій Иванъ Степановичъ. . . Ну, что же? Испытали могущество власти?

— Ахъ, къ чорту ее!

— Будетъ? Сыты?

— Свыше головы. Какая гадость!

— Я радъ слышать это. Но не было ли у васъ. . . Нѣтъ, не теперь, не теперь. . . Теперь вы во снѣ. . . А еще раньше на яву, когда вы не были сказочнымъ милліонеромъ и кумиромъ золотой молодежи, а просто служили скромнымъ канцелярскимъ служителемъ въ сиротскомъ судѣ . . . Не было ли у васъ какого-нибудь затаеннаго, маленькаго, хоть самаго ничтожнаго желаньишка?

Цвѣтъ прояснѣлъ и сказалъ твердо:

— Конечно же, было. . . Мнѣ такъ хотѣлось получить первый чинъ коллежскаго регистратора и выйти на улицу въ форменной фуражкѣ. . .

— Исполнено, — сказалъ Тоффель серьезно.

— Да, но если это опять сопряжено съ какими-нибудь чудесами въ рѣшетѣ?. . .

— Безъ всякихъ чудесъ. Такъ хотите?

— Очень.

— Черезъ минуту это сбудется. Скажите еще разъ слово.

Цвѣтъ сказалъ съ разстановкой:

— Афро—Аместигонъ.

— Вотъ и все, — кивнулъ головой Тоффель. — А теперь послушайте меня. Вы совершенно случайно овладѣли великой тайной, которой тьма лѣтъ, больше тридцати столѣтій. Ее когда-то извлекъ изъ нѣдръ невидимаго міра духовъ самъ царь Соломонъ. Отъ него она перешла къ финикіянамъ, къ халдеямъ, потомъ къ индійскимъ мудрецамъ, потомъ попала опять въ Египетъ, затѣмъ въ Испанію, во Францію и, наконецъ въ Россію. Вмѣстѣ съ этой тайной вы получили ни съ чѣмъ несравнимую, поразительно громадную власть. Тысячи незримыхъ существъ служатъ вамъ, какъ преданные рабы, и въ томъ числѣ я, принявшій этотъ потертый внѣшній обликъ и этотъ глупый боевой псевдонимъ. И, счастье ваше, что вы оказались человѣкомъ съ такой доброй душой и съ такимъ... не обижайтесь, мой милый... съ такимъ... какъ бы это сказать вѣжливѣе... простоватымъ умомъ. Злодѣй на вашемъ мѣстѣ залилъ бы весь земной шаръ кровью и освѣтилъ бы его заревомъ пожаровъ. Умный стремился бы сдѣлать его земнымъ раемъ, но самъ погибъ бы жесткой и мучительной смертью. Вы избѣжали того и другого, и я скажу вамъ по правдѣ, что вы и безъ каббалистическаго слова — носитель несомнѣнной, сверхъестественной удачи.

— Но сколькими огромными человѣческими соблазнами вы пренебрегли, мой милый Цвѣтъ! Вы могли бы объѣздить весь земной шаръ и увидѣть его во всемъ его роскошномъ разнообразіи, съ его морями, горами, рѣками, водопадами, отъ пламеннаго экватора до таинственной точки полюса. Вы увидѣли бы древнѣйшіе памятники исторической старины, величайшія созданія искусства, живую пеструю жизнь народовъ. Парижъ съ его вкусомъ и весельемъ, себялюбивый и прочный комфортъ Англіи, бѣшеная жизнь Нью-Іорка съ высоты сорокаэтажныхъ зданій, бой быковъ въ Мадридѣ, египетскія пирамиды, римскій карнавалъ, красота Константинополя и Венеціи, земной рай на островахъ Полинезіи, сказочныя панорамы Индіи, Буддійскіе храмы и курильни Китая, цвѣтущая и нѣжная Японія — все пронеслось бы передъ вашими очарованными глазами... Вы не захотѣли этого... а теперь уже поздно...

— Вы точно забыли, или не хотѣли знать, что въ мірѣ существуетъ множество прекрасныхъ женщинъ. Не только ихъ красота, за которую лучшіе люди отдаютъ радостно свою жизнь, дожидалась мановенія вашей руки, но также умъ, изящество, талантъ и тотъ

вѣнецъ женскаго очарованія, который достигается сотнями лѣтъ культуры. Но вы робко и безнадежно мечтали только объ одной, не смѣя . . .

Цвѣтъ нахмурился.

— Оставимъ это. . . — сказалъ онъ тихо, но настойчиво.

Тоффель опустилъ глаза и почтительно наклонилъ голову.

— Слушаю, — произнесъ онъ покорно. — Но дальше, дальше. . . Вы никогда не подумали о власти, о громадномъ подавляющемъ господствѣ надъ людской массой, а я могъ и его вамъ доставить. . . Помните, мы съ вами вмѣстѣ были на трибунѣ во время проѣзда государя. Я тогда слѣдилъ за вами, и я видѣлъ, какъ остро и напряженно вы впились глазами въ его лицо и фигуру. И я знаю, что на нѣсколько секундъ вы проникли въ его оболочку и были имъ самимъ.

— Да, да, — прошепталъ Цвѣтъ. — Вы угадали.

— Я видѣлъ ваше лицо и видѣлъ, какъ на немъ отражались поперемѣнно выраженія величія, привѣтливости, скуки, смертельной боязни, брезгливости, усталости и, наконецъ, жалости. Нѣтъ, вы не властолюбивы. Но вы и не любопытны. Отчего вы ни разу не захотѣли, не попытались заглянуть въ ту великую книгу, гдѣ хранятся сокровенныя тайны мірозданія. Она открылась бы передъ вами. Вы постигли бы безконечность времени и неизмѣримость пространства, ощутили бы четвертое измѣреніе, испытали бы смерть и воскресеніе, узнали бы страшныя, чудесныя свойства матеріи, скрытыя отъ человѣческаго пытливаго ума еще на сотни тысячъ лѣтъ, — а ихъ великое множество, и въ числѣ ихъ таинственный радій — лишь первый слогъ азбуки. Вы отвернулись отъ знанія, прошли мимо него, какъ прошли мимо власти, женщины, богатства, мимо ненасытимой жажды впечатлѣній. И во всемъ этомъ равнодушіи — ваше великое счастье, мой милый другъ.

— Но у насъ, — продолжалъ Тоффель, осталось очень мало времени. Склонны ли вы слушаться меня? Если вы еще колеблетесь, то подымите вашу опущенную голову и всмотритесь въ меня.

Иванъ Степановичъ взглянулъ и нѣжно улыбнулся. Передъ нимъ сидѣлъ чистенькій, благодушный, весь серебряный старичокъ съ пріятными, добрыми глазами мягко-табачнаго цвѣта.

— Я повинуюсь, — сказалъ Цвѣтъ.

— И хорошо дѣлаете. Начертите сейчасъ же на бумагѣ звѣзду Соломона. Нѣтъ, не надо ни линейки, ни транспортира, ни старанія.

Берите на глазъ шестьдесятъ градусовъ въ каждомъ углу. Время страшно бѣжитъ, а срокъ у насъ короткій. . . Ну, вотъ, хоть такъ.. . Теперь проставьте буквы. Въ серединѣ знакъ Сатаны. Его озмѣяетъ печать Соломона. Ихъ пересѣкаютъ скрещенные рога Астарота.

— Не диктуйте, я знаю, я помню, — перебилъ Цвѣтъ и безъ ошибокъ, скоро и точно заполнилъ формулу.

— Вѣрно, — сказалъ Тоффель. Потомъ онъ заговорилъ вѣско, тономъ приказанія и немного торжественно. Въ его пристальныхъ рыжихъ глазахъ, въ самыхъ зрачкахъ, зажглись знакомые Цвѣту фіолетовые огни.

— Теперь слушайте меня. Сейчасъ вы сожжете эту бумажку, произнеся т о с л о в о, которое, чортъ побери, я не смѣю выговорить. И тогда бы будете свободны. Вы вынырнете благополучно изъ водоворота, куда такъ странно зашвырнула васъ жизнь. Но раньше скажите, нѣтъ ли у васъ, на самомъ днѣ душевнаго сундука, нѣтъ ли у васъ сожалѣнія о томъ великолѣпіи, которое васъ окружаетъ? Не хотите ли унести съ собою въ скучную будничную жизнь что-нибудь веселое, пряное, дорогое?

— Нѣтъ.

— Значитъ, только кокарду?

— Только.

— Тогда позвольте мнѣ принести вамъ мою сердечную признательность. — Тоффель всталъ и совсѣмъ безъ ироніи, низко, по-старомодному, поклонился Цвѣту. — Вы весь — прелесть. Своимъ щедрымъ отказомъ вы ставите меня въ положеніе должника, но такого вѣчнаго должника, который даже въ безконечности не сможетъ уплатить вамъ. Вашимъ однимъ словомъ — «только« — вы освобождаете меня отъ плѣна, въ которомъ находился больше тридцати вѣковъ. Увѣряю васъ, что за время нашего непродолжительнаго, полутора-минутнаго знакомства, вы мнѣ чрезвычайно понравились. Добрый вы, смѣшной и чистый человѣкъ. И пусть васъ хранитъ тотъ, кого никто не называетъ. Вы готовы? Не боитесь?

— Немного трушу, но. . . говорите.

Тоффель воспламенилъ карманную зажигалку и протянулъ ее Цвѣту.

— Когда загорится, скажите формулу.

— Однако, подождите, — остановилъ его Цвѣтъ. — А это... новое заклинаніе... Не повлечетъ ли оно за собою какого-нибудь новаго для меня горя? Не превратитъ ли оно меня въ какое-нибудь животное, или, можетъ быть, вдругъ опять лишитъ меня дара памяти, или слова? Я не боюсь, но хочу знать навѣрно.

— Нѣтъ, — твердо отвѣтилъ Тоффель. — Клянусь печатью. Ни вреда, ни боли, ни разочарованія.

Звѣзда Соломона вспыхнула. «Афро-Аместигонъ«, — прошепталъ Цвѣтъ. И догорающій клочокъ бумаги еще не успѣлъ догорѣть, какъ передъ глазами Цвѣта стало происходить то явленіе, которое онъ раньше видѣлъ неоднократно въ кинематографѣ, во время сквозной смѣны картинъ.

Все въ кабинетѣ начало такъ же обезцвѣчиваться, блѣднѣть въ водянистомъ, мелькающемъ дрожаніи, утончаться, исчезать, все: портьеры у дверей, ковры, оконныя занавѣски, мебель, обои. И въ то же время сквозь нихъ, издали, приближаясь и яснѣя, выступали вѣнчики — зеленые съ розовымъ, японскія ширмы, знакомое окно съ тюлевыми занавѣсками, и все съ каждымъ мигомъ утверждалось въ привычной милой простотѣ. Кто-то стучалъ равномѣрно, громко и настойчиво за стѣною. Точно работалъ моторъ.

И Цвѣтъ увидѣлъ себя, но на этотъ разъ уже совсѣмъ взаправду, въ своей давно знакомой комнатѣ-гробѣ. Въ дверь давно уже кто-то стучался.

Цвѣтъ, босикомъ, отворилъ дверь.

Въ комнату вошли его сослуживцы: Бутиловичъ, Сашка-Рококо, Жуковъ и Власъ-Пустынникъ. Они были пьяны сумбурнымъ утреннимъ хмѣлемъ и это они всѣ вмѣстѣ ритмически барабанили въ дверь. Они вошли, шатаясь, безобразные, лохматые, опухшіе, и запѣли ужаснымъ хоромъ дурацкіе, сочиненные сообща на улицѣ, куплеты:

Коллежскій регистраторъ
Чуть-чуть не императоръ.
Слава, слава.
Съ кокардою фуражка,
Портфель, а въ немъ бумажка.
Слава, слава.
Жаловóнье получаетъ,
Бумаги пербѣляетъ.
Слава, слава.
Листовку пьетъ запоемъ,
Страдаетъ геморроемъ
Слава, слава.
И о числѣ двадцатомъ
Поетъ онъ благимъ матомъ
Слава, слава!..

А Володька Жуковъ махалъ, проходясь въ припляску, нумеромъ «Правительственнаго Вѣстника«, въ которомъ было четко напечатано о томъ, что канц. служ. Цвѣтъ, Иванъ производится въ коллежскіе регистраторы.

Бутиловичъ же сказалъ голосомъ, подобнымъ рыканію перепившагося и осипшаго отъ рева тигра:

— Ergo — съ тебя литки. Выпивонъ и закусонъ. А за вами слѣдомъ вся гопъ-компанія съ отцомъ протодіакономъ Картагеновымъ во главѣ.

— Исполнено, — отвѣтилъ съ радостью Цвѣтъ, — Ну, какъ это вы эту пѣсню сочинили? Давайте-ка . . .

И все.

XII.

Разсказъ оконченъ. Поставлена точка. Надо бы было распроститься съ героемъ. Но авторъ не считаетъ себя въ правѣ умолчать о нѣсколькихъ незначительныхъ мелочахъ, которыя и на яву какъ-будто бы свидѣтельствовали о нѣкоторой правдоподобности страннаго сна, видѣннаго Цвѣтомъ.

Одѣваясь, чтобы итти съ товарищами въ «Бѣлые Лебеди«, Иванъ Степановичъ съ удивленіемъ нашелъ на своемъ письменномъ столикѣ нѣсколько вѣточекъ цвѣтущей сирени, воткнутыхъ въ дешевую фарфоровую вазочку. Цвѣты были ранніе, искусственно выгнанные, почти безъ запаха, или, вѣрнѣе, съ тѣмъ слабымъ запахомъ бензина, которымъ пахнетъ всегда оранжерейная сирень. Этотъ сюрпризъ объяснился скоро и просто. Вчера племянница хозяйки, Лидочка, была дружкой на богатой свадьбѣ и принесла въ подарокъ теткѣ изъ своего букета нѣсколько кистей сирени, а та, въ видѣ тонкой любезности, поставила цвѣты на столъ уважаемому жильцу.

Тутъ же, рядомъ съ вазочкой, лежалъ цвѣтовскій блокнотъ, раскрытый посрединѣ. Обѣ страницы были сплошь исчерчены все однимъ и тѣмъ же рисункомъ — шестиугольной звѣздой Соломона. Чертежи были сдѣланы кое-какъ — небрежно, некрасиво, неряшливо, точно ихъ рисовали съ закрытыми глазами, или впотьмахъ, или спьяну. Какъ Цвѣтъ не ломалъ себѣ голову, онъ не могъ вспомнить, кто и когда исчертилъ его книжку. Самъ онъ этого не

дѣлалъ — это онъ зналъ твердо. Можетъ быть, кто изъ товарищей баловался на службѣ? — подумалъ онъ.

Нѣсколько страннѣе оказался случай въ «Бѣлыхъ Лебедяхъ«, гдѣ Иванъ Степановичъ волей-неволей долженъ былъ вспрыснуть свой первый чинъ и великолѣпную фуражку съ зерцаломъ на зеленомъ бархатномъ околышѣ. Опустивъ нечаянно пальцы лѣвой руки въ жилетный карманъ, Цвѣтъ нащупалъ въ немъ какой-то маленькій твердый предметъ. Вытащивъ его наружу, онъ увидѣлъ квадратную пластинку изъ слоновой кости. На ней была красиво вырѣзана латинская литера S, обведенная снаружи по краямъ тонкими серебряными линіями и закрашенная внутри блестящей черной эмалью. Цвѣтъ узналъ эту вещицу. Именно такія сентиметровыя пластинки съ буквами видѣлъ онъ прошлою ночью во снѣ. Но какимъ образомъ она попала ему въ карманъ, Цвѣтъ не могъ этого представить.

Регентъ Среброструновъ, сіяющій, лоснящійся, курчавый и прекрасный, какъ елочный купидонъ, увидѣвъ квадратикъ въ рукѣ у Цвѣта, заинтересовался имъ и выпросилъ себѣ эту пустяшную, изящную вещицу. «Точно нарочно для меня, — сказалъ онъ. — Первая буква моей фамиліи«. Цвѣтъ охотно отдалъ ее, и самъ видѣлъ, какъ регентъ положилъ ее въ портмоне. Но когда Среброструновъ черезъ три минуты хотѣлъ опять на нее посмотрѣть, то въ карманѣ ея уже не оказалось. Не нашлось ее и на полу.

Среди этихъ поисковъ Среброструновъ вдругъ откинулся на спинку стула, хлопнулъ себя ладонью по лбу и уставился вытаращенными глазами на Цвѣта:

— Отроче Іоанне! — воскликнулъ онъ. — А вѣдъ я тебя нынче во снѣ видѣлъ! Будто бы ты сидѣлъ въ самомъ шикарномъ кабинетѣ, точно какой-нибудь министръ, или фонъ-баронъ, и, выражаясь репортерскимъ языкомъ, «утопалъ въ вольтеровскомъ креслѣ«, а я будто-бы тебя просилъ одолжить мнѣ сто тысячь на устройство пѣвческой капеллы. . . Скажи на милостъ — какая ерундистика привидится? А?

Цвѣтъ сконфузился, улыбнулся робко, опустилъ глаза и промямлилъ:

— Да. . . бываетъ. . .

Но самое глубокое и потрясающее воспоминаніе о диковинномъ снѣ ожидало Цвѣта черезъ нѣсколько дней, именно 1-е мая. Можетъ бытъ случайно, а можетъ быть, отчасти, и подъ вліяніемъ своего сна, Цвѣтъ пошелъ въ этотъ день на скачки. Онъ и раньше бы-

валъ изрѣдка на ипподромѣ, но безъ увлеченія спортомъ и безъ интереса къ игрѣ, такъ себѣ, просто, ради компаніи. Такъ и теперь онъ равнодушно слѣдилъ глазами за скачущими лошадьми, за жокеями въ раздувающихся шелковыхъ разноцвѣтныхъ рубашкахъ, за пестрымъ оживленіемъ нарядной толпы, переполнявшей трибуны.

Во время одной скачки онъ вдругъ почувствовалъ настоятельную потребность обернуться назадъ и, обернувшись, увидѣлъ въ ложѣ прямо противъ себя Варвару Николаевну. Не было никакого сомнѣнія, что это была она, та самая, которую онъ не могъ забыть со времени своего сна, и лицо которой онъ всегда вспоминалъ, оставаясь наединѣ, особенно по вечерамъ, ложась спать. Она, слегка пригнувшись къ барьеру ложи, глядѣла на него сверху, не отрываясь, пристальными изумленными глазами, слегка полуоткрывъ ротъ, замѣтно блѣднѣя отъ волненія. Цвѣтъ не выдержалъ ея взгляда, отвернулся, и сердце у него заколотилось сильно и съ болью.

Въ антрактѣ къ нему подошелъ молодой бритый, красивый офицеръ-морякъ и слегка притронулся къ его локтю. Цвѣтъ поднялъ голову.

— Извините, сказалъ офицеръ. — Васъ проситъ на минуту зайти дама вотъ изъ той ложи. Мнѣ поручено передать вамъ.

— Слушаю, — сказалъ Цвѣтъ.

Ноги его, какъ каменныя, ступали по деревяннымъ ступенямъ лѣстницы. Ему казалось, что вся публика ипподрома слѣдитъ за нимъ. Путаясь въ проходахъ, онъ съ трудомъ нашелъ ложу, и, войдя, неловко поклонился.

Это была она. Только она одна могла быть такой прекрасной, чистой и ясной, вся въ волшебномъ сіяніи незабытаго сна. Съ удивительной четкостью были обрисованы всѣ мельчайшія линіи ея тонкихъ вѣкъ, рѣсницъ и бровей, и темные ея глаза сіяли оживленіемъ, любопытствомъ и страхомъ. Она показала Цвѣту на стулъ противъ себя и сказала, слегка краснѣя отъ замѣшательства:

— Извините, я васъ побезпокоила. Но что-то невообразимо знакомое мнѣ показалось въ вашемъ лицѣ.

— Ваше имя Варвара Николаевна? — спросилъ робко Цвѣтъ.

— Нѣтъ. Мое имя Анна. А васъ зовутъ не Леонидомъ?

— Нѣтъ. Иваномъ.

— Но я васъ видѣла, видѣла... Не на желѣзной ли дорогѣ? На станціи?

— Да. Тамъ стояли рядомъ два поѣзда... Окно въ окно...

— Да. И на мнѣ было сѣрое пальто, вышитое вотъ здѣсь на воротникѣ и вдоль отворотовъ шелками...

— Это вѣрно, — радостно согласился Цвѣтъ. И бѣлая кофточка и бѣлая шляпа съ розовыми цвѣтами.

— Какъ странно, какъ странно, — произнесла она медленно, не сводя съ Цвѣта ласковыхъ, вопрошающихъ глазъ.

— И — помните — у меня въ рукахъ былъ букетъ сирени?

— Да, я это хорошо помню. Когда вашъ поѣздъ тронулся, вы бросили мнѣ его въ раскрытое окно.

— Да, да, да! — воскликнула она съ восторгомъ. — А на утро...

— На утро мы опять встрѣтились. Вы нечаянно сѣли не въ тотъ поѣздъ и, уже на ходу, пересѣли въ мой... И мы познакомились. Вы позволили мнѣ навѣстить васъ у себя. Я помню вашъ адресъ: Озерная улица, д. 15... собственный, Локтева...

Она тихонько покачала головой.

— Это не то, не то. Я васъ приглашала быть у насъ въ Москвѣ. Я не здѣшняя, только вчера пріѣхала и завтра уѣду. Я впервые въ этомъ городѣ... Какъ все это необыкновенно... Съ вами былъ еще одинъ господинъ, со страшнымъ лицомъ, похожій на мефистофеля... Погодите... его фамилія...

— Тоффель!

— Нѣтъ, нѣтъ. Не то... Что-то звучное... въ родѣ Эріо, или Онтаріо... не вспомню... И, потомъ, мы простились на вокзалѣ.

— Да, — сказалъ шепотомъ Цвѣтъ, наклоняясь къ ней. — Я до сихъ поръ момню пожатіе вашей руки.

Она продолжала глядѣть на него внимательно, слегка наклонивъ голову, но въ ея потухающихъ глазахъ все глубже видѣлись нечали и разочарованіе.

— Но вы не тотъ, — сказала она, наконецъ, съ невыразимымъ сожалѣніемъ... Это былъ сонъ... Необыкновенный, таинственный сонъ ... чудесный... непостижимий...

— Сонъ, — отвѣтилъ, какъ эхо, Цвѣтъ.

Она закрыла узкой прелестной ладонью глаза и нѣсколько секундъ сидѣла неподвижно. Потомъ сразу, точно очнувшись, выпрямилась и протянула Цвѣту руку.

— Прощайте, — сказала она спокойно. — Больше не увидимся. Извините за безпокойство. И прибавила невыразмымъ тономъ искренней печали:

— А какъ жаль!...

И въ самомъ дѣлѣ, Цвѣтъ больше никогда не встрѣтилъ этой прекрасной женщины. Но то, что они оба, не знавшіе до того никогда другъ друга, въ одну и ту же ночь, въ однѣ и тѣ же секунды видѣли другъ друга во снѣ и что ихъ сны такъ удивительно сошлись, это для Цвѣта навсегда осталось одинаково несомнѣннымъ, какъ и непонятнымъ. Но это — только мелочь въ безконечно-разнообразныхъ и глубоко загадочныхъ формахъ сна, жизни и смерти человѣка..

ЦАРСКІЙ ПИСАРЬ

Знакомство мое съ Кузьмой Ефимычемъ относится къ тому безконечно-далекому времени, когда при устьи Невы стоялъ не Петроградъ а Петербургъ, когда прохожіе не падали въ обморокъ отъ полуденной пушки, когда извозчикъ отъ Николаевскаго вокзала до Новой деревни рядился не за два съ полтиной, а ѣхалъ за восемь гривенъ, когда малая французская булка съ хрустящей корочкой стоила три копѣйки, а десятокъ папиросъ «Мечты« — шесть, когда монументальный постовой городовой былъ кумомъ, сватомъ и желаннымъ гостемъ на пирогѣ съ визигой у всѣхъ своихъ кроткихъ подданыхъ, когда въ субботу вечеромъ, встрѣтясь съ другомъ на улицѣ, никто не стыдился признаться, что онъ идетъ отъ всенощной въ баньку, когда арестанты въ сѣрыхъ халатахъ чинили подъ надзоромъ добродушныхъ солдатъ мостовыя, а не засѣдали въ Конвентѣ, и когда на Сенатской площади еще высился, свергнутый впослѣдствіи, бронзовый конь, вздыбившійся подъ своимъ прекраснымъ и гордымъ всадникомъ.

Тогда на углу Фонтанки и Чернышева переулка существовала пивная лавка, невзрачная снаружи, темноватая внутри, но бойко торговавшая «Старой Баваріей«, къ которой безплатно подавалось пять-шесть крошечныхъ блюдечекъ съ заѣдками: пряничками, моченымъ горохомъ, снитками, строганой воблой, ржаными сухариками и микроскопическими ломтиками кобылячей колбасы. А гордостью заведенія были «свѣжіе раки«, варившіеся очень вкусно, съ перцемъ, лукомъ, лавровымъ листомъ и громаднымъ количествомъ соли, и потому требовавшіе къ себѣ великаго пива.

Кузьма Ефимычъ былъ тамъ постояннымъ ежедневнымъ посѣтителемъ лѣтъ, должно-быть, уже болѣе тридцати, и хотя за пьянство не пользовался особымъ почетомъ, но если, случалось, онъ не приходилъ въ свое обычное время, четверть перваго, то и толстый лысый хозяинъ въ кожаныхъ нарукавникахъ и расторопные любимовцы-

услужающіе чувствовали нѣкоторое безпокойство: нѣтъ, нѣтъ, а заглянутъ мимоходомъ въ окно и скажутъ, точно про себя:

— А нашего Кузьму Ефымича что-то не видать. . .

И всѣ они съ какимъ-то облегченіемъ, немножко покровительственно, немножко насмѣшливо улыбались, когда въ дверяхъ появлялся этотъ худой, жилистый старикань, съ важной, мелкой и неторопливой походкой, съ высокомѣрно поднятой головой, съ сизымъ носомъ лепешкой и съ трясущимися, до первой рюмки руками.

У Кузьмы Ефимыча было въ пивной свое любимое, насиженное годами, мѣстечко, справа отъ окна, напротивъ стойки. На стѣнѣ, на уровнѣ его головы, черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ мѣняли обои, уже обозначалось темное, сальное овальное пятно отъ тренія влѣво и вправо его сѣдого затылка. Здѣсь онъ съ суровой надменностью жреца принималъ своихъ кліентовъ, тѣхъ маленькихъ людей, кому надо было подать къ высокимъ людямъ дѣловую или просительную бумагу, изложенную въ одномъ длинномъ курчавомъ предложеніи и написанную великолѣпнѣйшимъ почеркомъ.

У него была, своего рода, прочная извѣстность. Приходила иногда въ пивную какая-нибудь старушенка въ допотопномъ шелковомъ салопѣ на лисьемъ мѣху и спрашивала хозяина:

— А гдѣ у васъ здѣсь, батюшка, царскій писарь?

Ей молчаливо указывали рукой на Кузьму Ефимыча. Она подсаживалась и говорила о своихъ вдовьихъ нуждишкахъ. Для вѣрности руки, на столѣ появлялась сороковка. Мальчишка отряжался въ писчебумажный магазинъ за особой царской бумагой.— «Ты смотри, Митя, тамъ скажешь, чтобы дали не директорской бумаги и не министерской а именно царской. Для меня, скажи, для Кузьмы Ефимыча. «—Не безпокойтесь, знаю, Кузьма Ефимычъ. Не въ первый разъ.« И бережно приносилъ бристольскій листъ въ оберткѣ, не помявъ его и не согнувъ, а также и новое перо № 86. Тутъ уже никто въ пивной не смѣялся. Всѣ понимали, что дѣло идетъ серьезное. А пригубившая винца почтенная женщина заранѣе слезилась.

— Ты, матка, не утопай въ подробностяхъ, — говорилъ Кузьма Ефимычъ, осѣдлывая носъ черепаховыми очками. — Дѣло требуетъ ясности и простоты. Писать прошеніе на высочайшее имя это тебѣ не романъ сочинять. Ну, такъ ты говоришь, что вдова звѣровщика?

— Да, отецъ мой, вотъ, вотъ, звѣровщика, звѣровщика.

— Говоришь, загрызъ его медвѣдь?

— Загрызъ, батюшка, загрызъ. Но медвѣдь-то здѣсь безъ вниманія. Одно только слово, что звѣрь былъ, а проще теленка. Четыре года за нимъ покойникъ мой ходилъ. Совсѣмъ почти-что ручной. Мы сами-то егеря гатчинскіе, при царской охотѣ, значитъ, состоимъ, такъ кого угодно спросите, хоть господина начальника охоты, хоть генерала Птицына, хоть самого корытничаго Баранова, который при меделянахъ. Вамъ каждый мои слова заудостовѣритъ. А только какой-то охаверникъ возьми и страви звѣрю бутылку винища. Правда, мужъ не доглядѣлъ. А какъ пошелъ къ нему въ яму, онъ его приперъ въ дверяхъ и не пропускаетъ. Ну, а онъ. . .

— Короче, вдова. О чемъ просишь?

— Да вотъ хоть-бы пенсіюшку бы превеличили. Дорого теперь все стало. Курочекъ я держу, такъ овесъ по рублю пудъ. Подумайте! Да и это не суть важно. А вотъ, чтобы дѣтишекъ на казенный счетъ воспитать. Нельзя-ли это какъ-нибудь?

— Мм. . . Сыновья? дочери?

— Внуки, батюшка, внуки. Двѣ дѣвочки и мальченка. . . Старшей-то дѣвочкѣ. . .

— Внуки. Такъ. А ну, матушка, помолчи малость. Стало быть, Завертяева Анна Архиповна? вдова звѣровщика? жительствуешь. . .

— Такъ, такъ, такъ батюшка, вдова, вдова. Жительствую.

— Улица? номеръ дома?

— Пиши: Гатчино, Пильня, Крайняя улица, домъ Распопова, № 94, какъ разъ противъ лавки купца Трескунова.

— Про лавку лишнее. Довольно. Теперь засохни на минуту. Не скворчи.

И онъ писалъ своимъ круглымъ, военнымъ писарскимъ почеркомъ точно печаталъ, незыблемый текстъ прошенія.

— Ваше императорское величество, всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій государь и самодержецъ всероссійскій, проситъ вдова звѣровщика гатчинской охоты Сергія Михеева Завертяева Анна Архиповна Завертяева, къ сему:

«Припадая къ отеческимъ стопамъ твоимъ, обожаемый монархъ и омывая оныя вдовьими слезами, всевѣрноподданнѣйше прошу. . . и такъ далѣе.

Черезъ четверть часа бумага бывала готова, и трудно было повѣрить, что человѣческой рукой, а не машиной вырисованы эти ровныя, твердыя, чистыя, какъ подобранныя жемчужины, буквы и

строки. Вдова доставала носовой платокъ, развязывала узелокъ и почтительно подавала Кузьмѣ Ефимычу сложенную въ шестьдесятъ четыре раза рублевку. Бумага, перо и конвертъ были тоже на ея счетъ.

— Такъ ты говоришь, Кузьма Ефимычъ, что вѣрное мое дѣло? — спрашивала старуха, тревожимая послѣднимъ безпокойствомъ.

Кузьма Ефимычъ не отвѣчалъ, потому-что занятъ былъ заказываніемъ порціи любимыхъ сосисекъ съ хрѣномъ. За него увѣренно говорилъ хозяинъ изъ-за своего прилавка, на которомъ онъ лежалъ локтями, брюхомъ и грудью:

— Будьте, бабушка, безъ сомнѣнія. Кузьма Ефимычъ, какъ стрѣльнетъ, такъ въ самую центру, безъ промаха. Воистину золотымъ перомъ человѣкъ обладаетъ. Шутка-ли сказать — царскій писарь. Если-бы не эта самая ихняя слабость. . .

— Ты тамъ помолчи въ тряпочку, — перебивалъ Кузьма Ефимычъ, поднимая на него суровый взглядъ своихъ прищуренныхъ и опухшихъ глазъ. — Знай свою стойку, русскій американецъ изъ Ярославской губерніи. А ты, вдова, ступай себѣ съ Богомъ. Въ канцеляріи швейцара узнаешь, кому надо сунуть. И ему дашь полтинникъ. И нечего тебѣ, почтенной женщинѣ, по пивнымъ размножаться. Гряди, вдовица, съ миромъ.

Да. Въ немъ было довольно-таки много чувства собственнаго достоинства — въ этомъ живомъ свидѣтелѣ николаевскихъ временъ, похожемъ на тѣ обломки старины, которымъ мохъ, зелень и разрушеніе придаютъ такой значительный видъ. На людей толпы онъ глядѣлъ свысока, точно поверхъ ихъ головъ, какъ часто глядятъ на новое поколѣніе старыя знаменитости, ушедшія на покой отъ шума и соблазновъ, но еще сохранившія ихъ въ памяти сердца.

II.

Людьми пожилыми, даже не отличающимися особенно тонкой наблюдательностью давно уже замѣчено, что среди современниковъ исчезаетъ мало-по-малу простое и милое искусство вести дружескую бесѣду. Несомнѣнно, что главная причина этого явленія — уторопленность жизни, которая не течетъ, какъ прежде, ровной, лѣнивой рѣкой, а стремится водопадомъ, увлекаемая телеграфомъ, телефономъ поѣздами-экспрессами, автомобилями и аэропланами, подхлестываемая газетами, удесятеренная въ своей поспѣшности всеобщей нервностью.

Въ литературѣ сталъ рѣдкостью большой романъ: у авторовъ хватаетъ терпѣнія только на маленькую повѣстушку. Четырехъ-актная комедія разбилась на четыре миніатюры. Кинематографъ въ какіе-нибудь два часа покажетъ вамъ войну, охоту на тигровъ, скачки въ Дерби, ловлю трески, кровавую трагедію и уморительный до слезъ водевиль, а также виды Калькутты и Шпицбергена, бурю въ Атлантическомъ океанѣ, Альпы и Ніагару.

Устный разсказъ сократился до анекдота въ двадцать словъ. Но главное, совершенно пропало умѣніе и желаніе слушать. Исчезъ куда-то прежній внимательный, но молчаливый собесѣдникъ, который раньше переживалъ въ душѣ всѣ извивы и настроенія разсказа, который отражалъ невольно на своемъ лицѣ всю мимику разсказчика и съ наивной вѣрой воплощался въ каждое дѣйствующее лицо. Теперь всякій думаетъ только о себѣ. Онъ почти не слушаетъ, стучитъ пальцами и двигаетъ ногами отъ нетерпѣнія и ждетъ не дождется конца повѣствованія, чтобы, перехвативъ изо рта послѣднее слово, поспѣшно выпалить:

— Подождите, это что! А вотъ, со мной какой случай случился. . .

Про самого себя я скажу безъ похвальбы — да тутъ и хвастовство-то самое невинное — про себя скажу, что я обладаю въ значительной степени этимъ даромъ слушать съ толкомъ, съ увлеченіемъ и со вкусомъ, или, вѣрнѣе, не утратилъ его еще со временъ дѣтства. Можетъ быть, именно оттого-то несловоохотливый, и, по-своему гордый, Кузьма Ефимычъ изрѣдка разшевеливался въ бесѣдѣ со мною и даже снисходилъ до эпическаго монолога.

Случалось это въ зимніе вечера, такъ, часовъ около трехъ-четырехъ. Обыкновенно въ этотъ пустой дѣловой промежутокъ въ пивной совсѣмъ не бывало посѣтителей, и хозяинъ, изъ экономіи, еще не приказывалъ зажигать лампъ. Но зато топилась печка, весело шипѣли и потрескивали дрова, а по стѣнамъ трепетно бѣгали, путаясь вперемежку, красныя пятна отъ огня и длинныя быстрыя тѣни. Иногда изъ темноты выдѣлялись — то короткая сѣдая борода Кузьмы Ефимыча, похожая на розовую пѣну, то его блестящій прищуренный глазъ, съ дрожащимъ заревомъ въ зрачкѣ, то рука съ пивной кружкой. Бывало уютно, праздно, мечтательно-тихо.

— Вотъ, вы удивляетесь моему почерку, что я такъ его сохранилъ до моихъ мафусаиловыхъ лѣтъ,—говорилъ Кузьма Ефимычъ неторопливымъ, сипловатымъ баскомъ. — Но удивительнаго ничего. При-

вычка. Возьмите вы къ примѣру, скажемъ, столяра- краснодеревца, хотя бы самаго стараго-престараго. У него какіе матеріалы подъ руками? Пемза, замша, наждачная шкурка, политура, лакъ, столярный клей. Средства все грязныя, грубыя, и руки у него отъ работы скрюченныя, корявыя, черныя, въ мозоляхъ. А сдастъ онъ заказъ безъ малѣйшей фальши, безъ пятнышка. Въ столъ краснаго дерева можно, какъ въ зеркало, глядѣться. Никакому бѣлоручкѣ такъ чисто не раздѣлать. И если онъ выпьетъ малую толику, то сіе не только не во вредъ, а какъ бы для поднятія духа. Такъ вотъ и мы, старинные писаря. Особливо царскіе.

Мы, молодой человѣкъ, когда учились-то? Съ кантонистовъ еще, при блаженной памяти, государѣ Николаѣ Павловичѣ. Тогда, братъ, ученіе было не нынѣшнему чета. Тогда тебя не особенно спрашивали, къ какому ты мастерству, миленькій мой, склоненъ, а прямо опредѣляли пророчески, по физіогноміи наружности. Этому играть въ оркестрѣ на турецкомъ барабанѣ, этому быть чертежникомъ, тому пѣть въ церковномъ хорѣ басомъ, другому служить фельдшеромъ, а третьему быть писаремъ. И вышколивали. Семь шкуръ съ человѣка спустятъ, а доведутъ до совершенства точки.

Тогда во всемъ господствовало однообразіе и равненіе направо. Всѣ равнялись: люди, лошади, будки, абвахты, студенты, фонари и улицы. Все чтобы было въ линію и двухъ цвѣтовъ — желтаго и чернаго — императорскихъ. Слыхали навѣрно разсказъ? Дѣлалъ однажды смотръ Николай Павловичъ лейбъ-гвардіи сводной ротѣ, назначенной въ почетный караулъ къ германскому королю. Человѣкъ къ человѣку были подобраны. Все трынчики, ухорѣзы. Такъ вотъ подошелъ государъ къ правому флангу, пригнулся чуть-чуть и смотритъ вдоль фронта. А ужъ, сами понимаете, каковъ строй: ружье въ ружье, киверъ въ киверъ, носъ въ носъ. Усы у всѣхъ ваксой съ саломъ начернены, сбоку поглядѣть — одна черная полоса во всю длину. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ государь минуты съ три, но потомъ выпрямился и изволилъ глубоко воздохнуть. Тутъ рядомъ, позади, находился приближенный генералъ, Бенкендорфъ, такъ осмѣлился спросить: «дышутъ, В. И. В.?« — А государь ему съ прискорбіемъ: «дышутъ подлецы!« Вотъ какія, голубчикъ мой, истуканныя времена были.

Тоже и въ нашемъ писарскомъ искусствѣ. Учили насъ всѣхъ писать единообразно, почеркомъ крупнымъ, яснымъ, чистымъ,

круглымъ и весьма разборчивымъ, безъ всякихъ нажимовъ, хвостовъ и завитушекъ. Онъ и назывался особо: военно-писарское рондо, чай видѣли въ старинныхъ бумагахъ? Красота, чистота, порядокъ. Полковая колонна, а не страница.

Сколько я изъ-за этого рондо жестокой учобы принялъ, такъ и вспомнить страшно. Сидишь бывало за столомъ вмѣстѣ съ товарищами и копируешь съ прописи: Ангелъ, Богъ, Вѣкъ, Господь, Дитя, Елей, Жизнь... а учитель ходитъ кругомъ и посматриваетъ изъ-за плечъ. Ну, бывало, не остережешься, поставишь чиновника, сирѣчь кляксу, или у «ща« хвостикъ завинтишь на манеръ поросячьяго, а онъ сзади сграбастаетъ тебя за волосы на макушкѣ и учнетъ въ бумагу носомъ тыкать: «вотъ тебѣ рондо, вотъ тебѣ клякса, вотъ тебѣ вавилоны.« Всю бумагу бывало собственными красными чернилами зальешь.

Зато и учитель у меня былъ. Орелъ! Всегда важнѣйшія бумаги на высочайшее писалъ. Сидоровъ, — можетъ-быть слыхали? Нѣтъ? Мудренаго мало. Времена давнишнія. А былъ онъ человѣкъ замѣчательный, этотъ Тихонъ Андреичъ Сидоровъ, царство ему небесное. Въ нѣкоторомъ отношеніи даже историческая личность.

Государь Николай Павловичъ, по своей сверхчеловѣческой природѣ, былъ ужасъ какой обонятельный, т. е., я хочу сказать, до чрезвычайности чувствительный ко всякимъ запахамъ. Однажды, принимая доклады, взялъ онъ изъ рукъ министра какую-то бумагу, чтобы ее лично поближе разсмотрѣть, и поморщился. Спрашиваетъ министра: «что это ты, неужели табакъ нюхать началъ?« У того колѣнки другъ о дружку застучали. «Подобнымъ дѣломъ никогда не занимался В. И. В. Должно быть, писарь какъ-нибудь не уберегся«. — «Какой такой писарь?« — «Сидоровъ, В. И. В.« — «Внушить Сидорову, чтобы впередь былъ осмотрительнѣе. А почеркъ у него, канальи, хорошъ, даромъ, что нюхальщикъ.«

Въ тотъ же день Сидорову внушили. Сами можете вообразить, каково было внушеніе: двѣ недѣли человѣкъ не могъ ни на табуретъ сѣсть, ни на спину лечь. Если бы не милостивое царское слово напослѣдокъ о почеркѣ, то, можетъ, и въ живыхъ бы Тихонъ Андреичъ не остался... Но, все равно, и такъ погибъ... Запилъ мой учитель съ этого часа, подобно змію... До лютости. Съ утра до вечера ходилъ, какъ дымъ, пьяный. Но почерка, замѣтьте, не утратилъ, даже какъ бы окрѣпъ въ немъ и ожесточился.

И вотъ черезъ полгода — новое чудо. Въ одно утро былъ опять нашъ министръ съ высочайшимъ докладомъ и, должно быть, на этотъ разъ императоръ изволилъ проснуться въ легкомъ и свѣтломъ расположенiи духа. Былъ милостивъ и даже слегка шутливъ. Попался ему на глаза какой-то докладъ. Онъ указалъ перстомъ и говоритъ: «какой отличный почеркъ. А вѣдь я, — говоритъ, — даже узналъ, кѣмъ писанъ. Это писалъ мой знакомый писарь Сидоровъ, тотъ, что нюхаетъ табакъ. Ну, что, угадалъ?«

Всѣмъ извѣстно, что Николай Павловичъ памятью отличался почти божеской. Но если бы даже и не отгадалъ... такъ развѣ цари могутъ ошибаться? Министръ, конечно, подтвердилъ, но сердце у него было, какъ ледяная сосулька. «Вдругъ, — думаетъ, — бумага опять табакомъ провоняла?«. «Ну, — думаетъ, — подожди ты у меня, разщучiй сынъ Сидоровъ, угощу я тебя такой понюшкой, что твои правнуки чихать будутъ. По зеленой улицѣ проведу!« А зеленая улица — это значило — сквозь строй. До смерти забивали.

Однако вышло совсѣмъ наоборотъ. Николай Павловичъ улыбнулся благосклонно и промолвилъ: «награждаю моего писаря«... Такъ и сказать изволилъ: м о е г о п и с а р я.« Награждаю, — говоритъ, — моего писаря Сидорова серебряной табакеркой съ изображенiемъ государственнаго герба и съ надписью: «Моему писарю«.

Тутъ пошла уже другая музыка. Все начальство, какъ есть, кинулось лично поздравлять Тихона Андреича, отъ самой мелкой сошки до директора департамента, и министръ ему собственноручно табакерку царскую предподнесъ.

Однако недолго Сидоровъ на государевъ даръ порадовался. Первое — не могъ онъ отъ своего виновкушенiя отрѣшиться, а второе — сошелъ съ ума на гордости. Требовалъ себѣ отъ всѣхъ рабскаго почтенiя и страшно разоврался. Подъ конецъ началъ такую околесину плести, что будто и лично онъ съ государемъ видѣлся много разъ, и будто государь съ нимъ о важныхъ дѣлахъ россiйской имперiи совѣтовался, и будто чай онъ во дворцѣ, въ царской семьѣ, пилъ съ ромомъ и съ тминными крендельками. И кончилъ онъ жизнь у «Всѣхъ скорбящихъ.«

Оно и не удивительно было маленькому существу отъ такой царской милости въ умѣ помѣшаться. Вѣдъ какого масштаба императоръ былъ! Единымъ взоромъ могъ человѣка въ соляной столбъ обратить, на манеръ жены Лота. Я, вотъ, какъ-то съ однимъ ста-

рымъ генераломъ разговорился: былъ у него по нашему, по писарскому дѣлу. Не изъ нынѣшнихъ паркетныхъ щелкуновъ а стараго закала генералъ, боевой. Онъ мнѣ и разсказалъ слѣдующее. Произвели ихъ изъ кадетскаго корпуса въ первый офицерскій чинъ, и поѣхалъ онъ въ теткиной одноконной каретѣ дѣлать визиты. Извѣстно, что вновь испеченному прапорщику море по колѣно, и въ первые три дня веселятся они напропалую. Ну а этотъ возьми да въ своей каретѣ и закури сигару — такъ, больше изъ моднаго шику, да еще изъ молодого озорства, потому что курить тогда на улицѣ всѣмъ и каждому строжайше воспрещалось. И, вотъ, какъ разъ около кондитерской Доминика навстрѣчу ему Николай Павловичъ на парѣ сѣрыхъ. Мчится, какъ молнія! Прямой, точно памятникъ! Отъ вѣтра орлиныя перья на каскѣ раздуваются, пелерина по воздуху трепещетъ! И вдругъ, сквозь каретное стекло, увидѣлъ прапорщика съ сигарой. Только взглянулъ и пальцемъ ему погрозилъ.

Такъ генералъ говорилъ мнѣ: «я, — говоритъ, — этого взгляда по самый гробъ не забуду. Все я въ жизни перенесъ: сраженія, возстанія, опасности, раны, смерть близскихъ людей, но подобнаго ужаса ни разу не испытывалъ. Проснусь, говоритъ, иногда ночью, вспомню взоръ этихъ грозныхъ глазъ, и отъ испуга головой подъ одѣяло. И умирать буду — не о смерти подумаю, а объ этомъ страшномъ взглядѣ.

Да-съ. Вотъ внучка у меня есть — Глашенька, Глафира Денисовна, служитъ она въ библіотекѣ. Такъ, что она мнѣ говоритъ, если бы вы, молодой человѣкъ, послушали! «Твой Николай былъ палачъ«, — говоритъ, — коронованный убійца, душитель слова и мысли, жандармъ Европы!» И пойдетъ, и пойдетъ. «Всю Россію, — кричитъ, — исполосовалъ розгами и залилъ кровью, на три вѣка остановилъ страну въ развитіи, унизилъ и оподлилъ ее хуже всякаго рабства!« Что мнѣ ей отвѣчать на всѣ эти слова? Я молчу. Умомъ знаю, что Глашенька права, но вотъ тутъ, въ груди, въ душѣ то, не могу, не смѣю его осуждать. Какъ родился его рабомъ, такъ рабомъ и подохну. Я думаю, когда у собаки помретъ строгій хозяинъ, то она, навѣрно, съ умиленіемъ вспоминаетъ, какъ онъ лупилъ ее плеткой, и плачетъ въ своемъ собачьемъ сердцѣ.

III.

Кузьма Ефимычъ углубляется въ тѣнь и молчитъ нѣкоторое время. Потомъ, откашлявшись, онъ прихлебываетъ изъ кружки и продолжаетъ гораздо спокойнѣе:

— Ну, вотъ, значитъ, объявили освободительный манифестъ. Сократили и прежнiй срокъ военной службы. Вышелъ я въ чистую отставку и очень скоро порастерялъ своихъ прежнихъ товарищей: кто изъ нихъ умеръ, кто возвратился на родину, а прочiе исчезли гдѣ то въ безвѣстности.

Насъ, царскихъ писарей, осталось очень мало, всѣ наперечетъ, и съ каждымъ годомъ число наше убывало. Нельзя, конечно, сказать чтобы не нарождалось новыхъ людей съ хорошими почерками. Но одно дѣло — каллиграфiя, а другое — военно-писарское рондо. У молодого поколѣнiя не было той желѣзной выучки, какъ у насъ, не было нашего терпѣнiя, нашего опыта, нашей смѣлости руки, нашей чистой работы, увѣренности и глазомѣра. Мы были сидоровской выучки, такъ сказать, высокой старинной марки, рѣдкаго заводскаго тавра. Это въ департементахъ знали и чувствовали. Хотя съ освобожденiемъ и рухнули многiе великiе столпы, и закатились многiя яркiя звѣзды, но насъ, царскихъ писарей, этотъ переворотъ не коснулся. А такъ какъ всѣ мы стали вольнонаемными, то, стало бытъ, и пришелъ на нашу улицу праздникъ.

Въ канцелярiяхъ мы были, если говорить по нынѣшнему, гастролерами, въ родѣ, напримѣръ, какъ знаменитый вашъ Шаляпинъ. И понимали о себѣ ничуть не меньше, чѣмъ онъ. Придешь бывало въ министерство оборваннымъ, въ опоркахъ, чуть-чуть хмельной, но на всю эту чиновничью мелюзгу, какъ съ высокой колокольни смотришь. Что мнѣ въ его кокардѣ? Ихъ, титулярныхъ совѣтниковъ и коллежскихъ регистраторовъ, можетъ быть сто тысячь въ одномъ Петербургѣ, а насъ, царскихъ писарей, во всей Россiи шести десятковъ не наберется. И жалованiе онъ получаетъ шестнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ съ копейками, а я, шутя, сто и полтораста выбью. И онъ прикованъ, какъ песъ на цѣпи, къ своему столу, а я — свободный художникъ, и мое имя люди высокаго званiя произносятъ съ одобренiемъ: «пьетъ, прохвостъ, но единственный мастеръ писать на высочайшее.«

Но и надо сказать: того что мы могли сдѣлать, того уже не повторятъ ни теперешнее поколѣнiе, ни будущiя. Мы были остатками какого-то геройскаго, вымирающаго племени, чѣмъ-то въ родѣ послѣднихъ кавказскихъ черкесовъ. Конечно въ своей области. Хотите я вамъ сейчасъ разскажу случай, первый, который мнѣ подвернулся на языкъ?

Если вы днемъ поглядите вотъ въ это окно, то какъ разъ напротивъ, черезъ фонтанку, налѣво отъ Чернышева моста, увидите большое, желтое съ бѣлымъ, зданіе. Въ немъ помѣщается министерство а въ министерствѣ былъ когда-то экзекуторомъ Николай Константиновичъ. Прежде служили подолгу. Министры, и тѣ лѣтъ по пятнадцати оставались на посту. А Николай Константиновичъ, я полагаю, чуть ли не съ самаго дня постройки этого зданія, пребывалъ въ немъ экзекуторомъ.

Тогда онъ былъ въ своей должности замѣчательный, тончайшій знатокъ дѣлъ и душъ человѣческихъ, но и величайшій во всемъ свѣтѣ ругатель. Его одного мы, царскіе писаря, боялись. Не брезговалъ онъ иной разъ и отъ руки сдѣлать внушеніе. Но нашей буйной братіей онъ, все-таки, дорожилъ, зналъ намъ цѣну, и, когда надо, пряталъ насъ за свою широкую спину и выгораживалъ изъ разныхъ житейскихъ невзгодъ и злоключеній, коимъ и числа не было. И какъ онъ нашу работу понималъ досконально! Бывало поднесетъ бумагу плашмя на глазъ къ свѣту, точно прицѣлится изъ нея и сразу все видитъ, гдѣ ножичкомъ подчищено, гдѣ лакомъ притерто. И тотчасъ за вихоръ дернетъ, или бумагой въ лицо швырнетъ. «Переписать! — крикнетъ. — Въ другой разъ за порчу царской бумаги штрафовать буду. У меня чтобы безъ помарокъ, безъ подчистокъ безъ лаку и безъ сандараку!«

Когда приходилась въ одномъ изъ насъ какая-нибудь казенная надобность, и одного писаря не оказывалось внизу, въ швейцарской, то ужъ было извѣстно, что слѣдуетъ только послать курьера въ эту самую полпивную, гдѣ мы съ вами сидимъ. Тутъ мы постоянно и засѣдали, занимаясь частной кліентурой. Но бывали случаи, когда мы требовались въ значительномъ количествѣ, и тогда ужъ мы сами рыскали по всѣму городу въ погонѣ другъ за другомъ. И вытаскивали товарищей изъ самыхъ злачныхъ мѣстъ.

Такъ-то однажды, часа въ два пополудни, Николай Константиновичъ и издалъ устный приказъ: «собрать царскихъ писарей елико возможно больше, хоть всѣхъ, кто еще держится на ногахъ, и привести ихъ немедленно въ министерство. Работа срочная и очень важная. Придется, вѣроятно, просидѣть всю ночь. Плата тройная, противъ обычая, не считая того, что за спѣшку и за аккуратность пожалуютъ директоръ и министръ. И чтобы немедленно.«

Чиновники уже уходили со службы, когда мы явились впятеромъ къ Николаю Константиновичу и всѣ, сравнительно, въ до-

бромъ порядкѣ, и за старшого у насъ Гаврюшка Пантелѣевъ, знаменитый мастеръ распредѣлять на глазомѣръ матеріалъ. Осмотрѣлъ насъ экзекуторъ взглядомъ острымъ и испытующимъ и пожевалъ губами.

— Маловато васъ, братцы.

А Гаврюшка ему въ отвѣтъ изъ модной тогдашней пьесы:

— Немного насъ, но мы — Славяне!

— Знаю я — говоритъ — тебя, Славянинъ, какъ ты въ жениной кацавейкѣ по Александровскому рынку бѣгалъ. Ну, однако, за дѣло ребята. Каждая секунда дорога. Къ семи часамъ утра поспѣть надо во что бы то ни стало. Случилось такъ, что государю угодно было весьма заинтересоваться однимъ вопросомъ по школьному дѣлу, и онъ при министрѣ выразилъ желаніе, какъ можно скорѣе имѣть подробную записку. А министръ, по разсѣянности, или по забывчивости, или просто такъ у него съ языка отъ усердія соскочило, возьми и ляпни, что, дескать, докладъ уже готовъ. Тогда государь сказалъ: «Вотъ и прекрасно, вы всегда, графъ, предупреждаете мои мысли. Пришлите мнѣ эту бумагу завтра пораньше. Я ѣду на два дня въ Петергофъ и тамъ на досугѣ ее прочитаю и сдѣлаю свои помѣтки.« А о запискѣ этой ни одинъ человѣкъ въ министерствѣ ни сномъ, ни духомъ.

Графъ, когда узналъ, за волосы схватился. — «Если не хотите моей и вашей погибели, то чтобы къ завтрему непремѣнно докладъ былъ готовъ. Хоть чудо совершите, хоть надорвитесь и ослѣпните, но записка должна бытъ составлена!« Ну, мы конечно, обѣщали ему хоть въ лепешку расшибиться, но его не подвести. — «Теперъ наверху Филиппъ Филипповичъ съ Благовѣщенскимъ, да юрисконсультъ съ правителемъ въ четыре руки катаютъ. Черезъ полчаса, пожалуй, окончатъ. И, значитъ, тогда, ребятушки, вся остановка за вами. Ужъ вы, братцы, не выдайте, а я васъ, проходимцевъ, какъ и всегда, своими заботами, не оставлю. Вѣдь я за васъ, подлецовъ, передъ директоромъ слово далъ.«

Гаврюшка опять высунулся:

— Мы для васъ, Николай Константиновичъ, готовы свой животъ положить. Но, не въ обиду вамъ будь сказано, вы ужъ соблаговолите намъ одну четвертную бутыль пожертвовать.

— Вѣдь облопаетесь, черти вы этакіе?

— Будьте покойны. Мы свою мѣру знаемъ. Развѣ мы не понимаемъ, за какое строгое дѣло беремся?

— Ну, ладно, — говоритъ, — хорошо, будь по вашему. Только ужъ отсюда я васъ больше не выпущу — и обижайтесь, или не обижайтесь — а я васъ всѣхъ сейчасъ обезножу и обезглавлю.

И крикнулъ дежурному курьеру:

— Эй, Толкачевъ! Возьми-ка у царскихъ писарей сапоги, шапки и собольи ихнія шубы и спрячь подъ замокъ, а ключъ мнѣ передай. Водки же я вамъ сейчасъ пришлю.

А Гаврюшка опять:

— По вашему геніальному уму, Николай Константиновичъ, вамъ бы государственнымъ канцлеромъ быть. А, все-таки, прикажите намъ и закусочки принести.

— Это дѣло. Чего же вамъ?

— Да такъ... Хлѣбца чернаго, ломтиками нарѣзаннаго, да соли покрупнѣе... Четверговой. А, если другая закуска, то, неровенъ часъ, пятно сдѣлаешъ на докладѣ.

— Молодчина, Пантелѣевъ. Тебѣ бы, по твой дальновидности, частнымъ приставомъ быть.

А тѣмъ временемъ, пока мы такъ любезно промежъ себя разсуждали, принесли намъ и черновики. Гаврюшка, нашъ главный закройщикъ, примѣрилъ на глазъ и, даже при самомъ Николаѣ Константиновичѣ, свистнулъ. Оказалось, по его расчету, съ полями страницъ полтораста нашего обычнаго почерка рондо, по тридцати страницъ на брата. Тридцать страницъ — пустяки, можно ихъ и въ три часа наворксать, но, вѣдь, не на высочайшее же имя! Тутъ на страницу клади двадцать минутъ, а то и двадцать пять! Это выйдетъ десять часовъ такой работы, безъ отъема. Жутковато намъ стало. Но, однако, мы свое знамя высоко держали и отъ такого подвига не отступили. — Часамъ къ девяти, — говоримъ, — пожалуй управимся.

— Братцы, нельзя ли, черти еловые, пораньше?

— Постараемся, Николай Константиновичъ. Вы сами николаевскій служака, и помните, какъ въ наше время говорили: невозможнаго нѣтъ. А теперь извольте итти и больше намъ не мѣшайте.

— Иду, иду — говоритъ — только вы ужъ, пожалуйста, олухи мои возлюбленные, безъ помарокъ, безъ подчистокъ, безъ лаку, безъ сандараку.

Мы смѣемся:

— Да у насъ съ собою и принадлежностей для этого нѣтъ.

— Ну и прекрасно. Эхъ, заперъ бы я и васъ самихъ на ключъ въ этой комнатѣ, какъ заперъ вашу одеженку, да, чай, вы тоже люди живые. Однако, безъ сапогъ далеко не уйдете.

Мы опять смѣемся:

— Всяко бываетъ. Однако, до пріятнаго свиданія, Николай Константиновичъ. И раньше восьми съ половиной просимъ насъ не безпокоить.

Ушелъ онъ. Сейчасъ Гаврюшка намъ черновикъ размѣтилъ, кому откуда докуда списывать. Изумительный онъ имѣлъ талантъ на это дѣло. Такъ, въ письмѣ, я былъ и бойчѣе и сноровистѣе его, а вотъ насчетъ размѣтки, — право не могъ никогда постичь, какая это у него пружина въ мозгу дѣйствуетъ. И вотъ засѣли мы за работу вплотную.

Тишина была, какъ въ церкви ночью. Только перья скрипятъ, нѣтъ-нѣтъ кто-нибудь бумагой зашелеститъ... Сальныя свѣчи потрескиваютъ... Да изрѣдка, то одинъ, то другой протянетъ руку къ сосуду — буль-буль-буль-буль-буль... Стаканчикъ звякнетъ... Хлопъ! И опять все тихо... Что вы думаете? Раньше восьми окончили. Николай Константиновичъ, какъ было уговорено, заглянулъ къ намъ въ половинѣ девятаго и ужаснулся. Видитъ, всѣ мы пятеро спимъ, склонивъ буйныя головы на столъ, а на столѣ передъ нами не одна четверть, а двѣ, и обѣ пустыя. Это Гаврюшка Пантелѣевъ среди ночи, босикомъ, безъ пальтишка и безъ шапки, къ Пяти Угламъ за второй посудиной стрѣльнулъ. А дѣло было зимою, и на улицахъ, по случаю мороза, костры горѣли.

Однако взялъ Николай Константиновичъ аккуратно-сложенную стопку переписанныхъ листовъ, поглядѣлъ ее и такъ, и на свѣтъ, своимъ многоопытнымъ взглядомъ и, не говоря ни слова, вышелъ на цыпочкахъ, и дверь тихонько притворилъ и приказалъ насъ не будить. А въ канцеляріи онъ показывалъ нашу работу чиновникамъ и говорилъ, со слезами на глазахъ:

— Вамъ, прекрасные молодые люди, съ этакой работой и вдесятеромъ не управиться, хоть бы вы изъ кожи вылѣзли. Оттого, что у нихъ въ дѣлѣ душа, а у васъ только умъ, да и тотъ цыплячій...

Кузьма Ефимычъ опять надолго замолкаетъ. Потомъ произноситъ медленно и печально:

— Разсказывалъ я объ этомъ случаѣ Глашенькѣ, моей внучкѣ. Ничего она не поняла. Даже разсердилась на меня. Говоритъ: — «Мнѣ не то страшно, что на такіе пустяки люди тратили всѣ

свои жизненные силы, но меня ужасаетъ, что они въ этомъ полагали свое самолюбіе«. Такъ и сказала. . .

У него дрожитъ при этихъ словахъ голосъ, и мнѣ кажется, что я въ темнотѣ вижу, какъ отъ обиды трясется его нижняя губа. Но уже поздно. Я слышу, какъ хозяинъ чешетъ пятерней подъ фартукомъ свой животъ. Затѣмъ онъ длинно и вкусно зѣваетъ. И, наконецъ, голосомъ, еще тусклымъ отъ зѣвоты, говоритъ:

— А я тутъ, было, вздремнулъ подъ ваши веселыя исторіи. Пора и свѣтъ пускать. Эй, Митюшка, Лаврентій, зажигайте лампы.

Кузьма Ефимычъ встаетъ, важно киваетъ мнѣ головой, не спѣша идетъ къ дверямъ и выходитъ на улицу. Гдѣ онъ живетъ — никто не знаетъ и никто этимъ не интересуется. А если онъ перестанетъ ходить этакъ съ недѣлю, то въ пивной равнодушно скажутъ:

— А нашъ-то Кузьма Ефимычъ, должно быть, померъ. . . .

ПѢГІЯ ЛОШАДИ

(АПОКРИѲЪ)

Николай Угодникъ былъ родомъ грекъ изъ Мѵръ Ликійскихъ. Но, грѣшная, добрая немудреная Русь такъ освоила его прекрасный и кроткій образъ, что сталъ извѣка Никола Милостивый ея любимымъ святителемъ и ходатаемъ. Придавъ его душевному лицу свои собственныя уютныя черты, она сложила о немъ множество легендъ, чудесныхъ въ ихъ наивномъ простосердечіи. Вотъ — одна.

* * *

Ходилъ, ходилъ однажды батюшка Николай Угодникъ по всей русской землѣ, по городамъ, по деревнямъ, сквозь лѣса дремучіе, черезъ болота непролазныя, путями окольными, дорожками просельными, въ дождь и снѣгъ, въ холодъ и зной... Всегда у насъ ему много дѣла: умягчить сердце жестокаго правителя, обличить судью неправеднаго, построжить жаднаго не въ мѣру торговца, вызволить изъ сырой тюрьмы невинно-заключеннаго, испросить помилованіе приговоренному къ напрасной смерти; подать помощь утопающему, ободрить отчаяннаго, утѣшить вдову, пристроить сироту къ добрымъ людямъ...

Народъ нашъ — темный народъ, слабый, неученый. Весь онъ грѣхомъ обросъ, какъ старый придорожный камень грязью и мхомъ. Куда ему обратиться въ тяжкой бѣдѣ, въ болѣзни, въ прискорбный покаянный часъ, когда глаза сквозь стѣны видятъ? Къ Господу далеко и страшно. Заступницу Небесную можно ли тревожить мужицкой коростою? Другіе святители и преподобные каждый по своей части. Некогда имъ. А Никола — онъ свой, небрезгливый, простой, скоропоспѣшный и для всѣхъ доступный. Не даромъ къ нему не только православные прибѣгаютъ съ просьбишками, но и всякіе другіе народы: и мордва, и зыряне, и вотяки, и черемисы — идолопоклонники. Даже татары — и тѣ его чтутъ.

Воры и конокрады — на что ужъ люди отпѣты, а и тѣ осмѣливаются ему досаждать краткой молитвой.

Такъ то вотъ ходилъ и ходилъ Угодникъ Николай по древней широкой Руси . . . Только вдругъ является къ нему небесный вѣстникъ.

— Забрался ты, Святитель, въ такую трущобину, что сыскать тебя мудрено, и всѣ свои церковныя дѣла ты запустилъ. А между тѣмъ, бѣда идетъ неминучая. Возсталъ на православіе злой Арій-Великанище. Книги святоотческія на земь мечетъ. Хулитъ святыя таинства. Похваляется громко,что въ недѣлю православія стану де я, Арій-Великанище посреди Никитскаго собора и при всемъ народѣ истиную вѣру навѣки низпровергну. . . Поспѣши же батюшка Никола, на выручку. На тебя одного надежда.

— Поѣду — молвилъ святитель.

— Да не медли, родной. Времени совсѣмъ чуть-чуть осталось, а путь самъ знаешь какой долгій.

— Сегодня же поѣду. Сейчасъ. Улетай съ миромъ. . .

* * *

Былъ у святителя одинъ знакомый стоешникъ, по имени Василій, человѣкъ жизни благочестивой, но по своему дѣлу первый знатокъ: такого другого протяжного ямщика было не найти. Къ нему и зашелъ во дворъ Угодникъ.

— Облокайся, Василій . Пои коней . Ѣдемъ.

Не спросилъ Василій — далеко ли. Зналъ, что если дѣло по близости то Никола Милостивый пѣшкомъ бы пошелъ, потому что очень жалѣлъ лошадей.

Говоритъ:

— Слушаю, отецъ. Посиди въ избѣ. Мигомъ заложу.

Въ эту зиму снѣга лежали страхъ какіе глубоченные, а дороги были еле проѣзжены. Запрегъ Василій трехъ лошадей гусемъ: впереди — лошаденка махонькая, лядащенькая, отъ старости вся бѣлая въ гречкѣ, но хитрющая и въ дорогѣ удивительно памятливая; за ней вороная доброѣзжая, однако съ лѣнцой, — кнутъ ей вродѣ овса былъ надобенъ, а въ оглобляхъ доморослая гнѣдая кобыла, смиренная и старательная, кличкой Машка.

Навалилъ Василій въ сани съ отводами ворохъ соломы, покрылъ веретьемъ, подтыкалъ съ боковъ, и посадилъ святителя. А самъ

усѣлся на облучкѣ по ямщичьи: одна нога въ саняхъ, а другая снаружи, чтобы значитъ на раскатахъ отпихиваться. Шесть вожжей у него веревочныхъ въ рукахъ, да два кнута: одинъ, покороче, за валенокъ засунутъ, а другой предлинный, кнутовище на руку вздѣто, конецъ далеко за санями бѣжитъ, снѣгъ вавилонами чертитъ.

Неказистая троечка у Василія, а другая съ ней никакая не сравнится. На двухъ передовыхъ лошадяхъ хомуты съ бубенцами, — бубенцы въ ладъ подобраны, — а подъ дугой у коренника валдайскій колоколецъ качается, малиноваго звона. Такая музыка, что за пять верстъ слышно: честные люди ѣдутъ. Со стороны поглядѣть — точно въ развалку лошади бѣгутъ, а ни одному знаменитому рысаку за ними впротяжную не угнаться — духу не хватитъ. Бѣлая лошаденка шею опустила, слѣдъ разнюхиваетъ, къ снѣгу приглядывается; гдѣ дорога свертку даетъ — ей и вожжей не надо — сама путь вѣрный учуетъ.

Иной разъ задремлетъ Василій на облучкѣ, но и сквозь дрему однимъ ухомъ слушаетъ. Только услышитъ, что разладились бубенчики съ колокольчикомъ, мигомъ встрепенется. Если какая лошадь лукавитъ, постромокъ не тянетъ, на другихъ работу валитъ, онъ ее сейчасъ же кнутомъ опамятуетъ, а какая не въ мѣру усердствуетъ — ту вожжей попридержитъ — и опять все въ порядкѣ. Бѣгутъ лошадки ровно и мѣрно, какъ заведенныя только уши назадъ торчкомъ поставили. И звенятъ звенятъ на дальнемъ снѣжномъ пути бубенчики.

Встрѣчались имъ порою разбойники. Вылѣзутъ изъ подъ моста молодчики придорожные, станутъ поперекъ пути заставой. Стой, держи коней, ямщикъ. Кого везешь? Боярина богатаго, купца тороватаго, или попа пузатаго?. . . Говори: смерти или живота?

А Василій имъ:

— Обуйте глаза то, олухи окаянные. Али не видите, кто сидитъ?

Поглядятъ разбойнички и въ землю повалятся.

— Прости насъ, негодяевъ Святитель Божій. Эка мы, дураки, опростоволосились! Прости, сдѣлай милость.

— Богъ проститъ, — скажетъ Никола Милостивый. — А вы бы, братцы поменьше народа кровянили. . . Страшный отвѣтъ вамъ придется давать на томъ свѣтѣ.

— Ой, грѣшны, батюшка, свыше головы грѣшны . . . А ты все же, милостивецъ, не забывай и насъ, злодѣевъ, въ своихъ молитвахъ. . . Миръ тебѣ дорогой.

— И вамъ миръ на стану, разбойнички.

* * *

Такъ вотъ Василій и везъ святителя много дней и ночей. Кормить останавливался у знакомыхъ стоешниковъ: вездѣ у него были дружки и кумовья. Проѣхали уже Саратовскую губернію, проѣхали колонистовъ, подались на хохловъ, а за хохлами пошли чужія земли.

А, тѣмъ временемъ, выходитъ Арій Великанище изъ своего высокаго терема, припадаетъ ухомъ къ сырой землѣ. Слушалъ долго, поднялся чернѣе тучи, слугъ своихъ вѣрныхъ кличетъ.

— Ужъ вы слуги мои, слуги вѣрные. Учуялъ я издали, что Никола Чудотворецъ къ намъ изъ Россіи поспѣшаетъ. А везетъ его кесемской ямщикъ Василій. Пріѣдетъ Николай раньше недѣли православія — всѣ мы — и вы и я —пропадемъ пропадомъ какъ тараканы. Дѣлайте, слуги мои, все, что хотите и умѣете, а что бы непремѣнно вы мнѣ святителя на день, на два въ дорогѣ задержали. Иначе — всѣмъ вамъ головы отрублю и ни одного не помилую. . . А кто изловчится и приказъ мой исполнитъ, того осыплю золотомъ и каменьями самоцвѣтными и отдамъ за него замужъ дочь мою единственную, красавицу Ересію.

Побѣжали слуги — какъ на крыльяхъ полетѣли.

* * *

Ѣдетъ Василій съ Угодникомъ чужими странами. Народъ все пошелъ диковинный, несуразный, непривѣтливый. По русски совсѣмъ не хотятъ говорить. Сами лохматые черные, а рыла у нихъ скобленныя, и глаза исподлобья, какъ у волка . . .

Остался путникамъ всего одинъ переѣздъ. Завтра къ обѣднѣ будутъ въ Никитскомъ соборѣ. Остановились на ночлегъ въ селѣ у какого то тамошняго стоешника, на выѣздѣ. Суровый мужикъ попался, вовсе неразговорчивый и грубый.

Спросили овса для коней. «Нѣтъ овса, весь вышелъ«. — «Ничего, Василій — говоритъ Никола, — возьми-ка пустой мѣшокъ изъ подъ сидѣнья, да потряси надъ яслями.« Сдѣлалъ по его при-

казу Василій, и изъ мѣшка полилось золотымъ потокомъ тяжелое пшеничное зерно: полны кормушки насыпалъ.

Спросилъ поѣсть. Мужикъ знаками показываетъ: «нѣтъ, молъ, у меня для васъ ничего». «Ну, что же, говоритъ святитель — на нѣтъ и суда нѣтъ. Хлѣбъ у тебя Василій есть? «Есть, батюшка, малая краюха, только черствый хлѣбъ-отъ.« «Ничего. Мы его въ воду покрошимъ и тюрю похлебаемъ.«

Поужинали, помолились и легли. Угодникъ на лавкѣ. Василій на полу. Заснулъ Никола тихо какъ ребеночекъ. А Василію не спится. Все у него какъ то на сердцѣ неспокойно... Среди ночи всталъ лошадей доглядѣть. Пошелъ въ конюшню, а оттуда бѣгомъ прибѣжалъ. Лица на немъ нѣтъ, весь трясется. Перепугался. Сталъ будить святителя.

— Отецъ Николай, встань-ко на минутку, пойди со мною въ конюшню, погляди какая бѣда надъ нами стряслась...

Пошли. Отворили конюшню. А уже на дворѣ развиднять стало. Смотритъ святитель и диву дается. Лежатъ лошади на землѣ, всѣ какъ есть на части порублены: гдѣ ноги, гдѣ головы, гдѣ шеи, гдѣ тулова... Взревѣлъ Василій. Лошадки ужъ больно хороши были.

Говоритъ ему святитель ласково:

«Ничего, ничего, Василій, не ропщи, не убивайся. Этому горю пособить еще можно. Возьми-ка да составь поскорѣе лошадей какъ онѣ живыми были часть къ части.

Послушался Василій. Приставилъ головы къ шеямъ, а шеи и ноги къ туловамъ. Ждетъ — что будетъ.

Сотворилъ тогда Николай Чудотворецъ краткую молитву и вдругъ мигомъ вскочили всѣ три лошади на ноги, здоровыя, крѣпкія, какъ ни въ чемъ не бывало, гривами трясутъ, играютъ, на овесъ весело гогочутъ. Бухнулся Василій въ ноги святителю.

Еще до зари выѣхали. Стало дорогою свѣтать. Вдалекѣ уже крестъ на Никитской колокольнѣ поблескиваетъ. Только видитъ Николай Угодникъ, что Василій на облучкѣ то налѣво, то направо нагнется, все какъ будто бы что то на лошадяхъ разглядываетъ.

«Ты что это тамъ Василій?«

— Да, вотъ, святой отецъ, все гляжу... Лошади то мои какъ будто въ разныя масти пошли. То были ровныхъ цвѣтовъ, а те-

перь стали пѣгія, точно телята. Никакъ я въ темнотѣ да впопыхахъ всѣ ихъ суставы перепуталъ?.. Неладно это вышло однако...

А Святитель сказалъ:

— Не заботься и не суетись. Пусть такъ и будетъ. А ты, милый, трогай, трогай... Не опоздать бы.

* * *

И, правда, чуть чуть не опоздали. Служба въ Никитскомъ соборѣ уже къ самой серединѣ подходила. Вышелъ Арій на амвонъ. Огромный, какъ гора, въ парчевой одеждѣ, въ алмазахъ, въ двурогой золотой шапкѣ на головѣ. Сталъ — передъ народомъ и началъ «Вѣрую« навыворотъ читать.

«Не вѣрую ни въ Отца, ни въ Сына, ни въ Духа Святого...« И такъ все дальше, по порядку. И только что хотѣлъ заключить — «не аминь«, какъ отворилась дверь съ паперти и поспѣшными шагами входитъ Николай Угодникъ...

Только что изъ саней выскочилъ, едва армякъ дорожный успѣлъ скинуть, солома кой гдѣ пристала къ волосамъ, къ бородкѣ сѣденькой и къ старенькой рясѣ... Приблизился святитель быстро къ амвону. Нѣтъ, не ударилъ онъ Арія-Великана по щекѣ — это все неправда — даже не замахнулся, а только поглядѣлъ на него гнѣвно. Зашатался Великанище и упалъ бы, если бы слуги подъ руки не подхватили. Словъ онъ своихъ пагубныхъ окончить не успѣлъ и только промолвилъ:

«Выведите меня на чистый воздухъ. Душно здѣсь, и подъ ложечкой у меня плохо.«

Вывели его изъ храма въ соборный садикъ, а тутъ ему бѣда приключилась. Присѣлъ онъ около дерева и треснула его утроба и вывались его всѣ внутренности на землю. И померъ безъ покаянія.

* * *

А у Василія ямщика съ той поры повелись да повелись пѣгія лошади. И всѣмъ давно стало извѣстно, что у лошадей этой масти-самый долгій духъ въ бѣгѣ, а ноги у нихъ точно желѣзныя.

* * *

Теперь зима. Ночь. Выходили мы на дорогу, смотрѣли, — не видать ли на снѣгу змѣистой борозды отъ Васильева длиннаго кнута, слушали не слыхать ли бубенцовъ съ колокольчиками? Нѣтъ. Не видать. Не слыхать.

Чу! Не слышно ли?

С И Л А   С Л О В А

(Устный разсказъ В. В. Д., нынѣ покойнаго.)

Насъ было семь человѣкъ. Восьмымъ былъ нашъ учитель. Изо всѣхъ остался въ живыхъ только я. Я нарочно прибѣгаю къ обыденному языку, чтобы было понятно непосвященнымъ. Говоря о нашей временной теперешней жизни, я не забываю о жизняхъ прошедшихъ и будущихъ, той же жизни, но только въ другихъ оболочкахъ. Пусть мнѣ никто не повѣритъ, но съ тремя изъ ушедшихъ семерыхъ я почти ежедневно, по первому своему глубокому, ничѣмъ не отвлеченному, желанію, могу войти въ общеніе.

Вмѣстѣ съ уходомъ учителя, семья его нѣжныхъ, терпѣливыхъ учениковъ осиротѣла. И распалась наша связь. Все, что я сейчасъ разскажу, — простой и точный протоколъ. Именъ не называю

Учитель, однажды сказалъ намъ:

«Не правда ли? (у него была привычка говорить такъ: «не правда ли?«) — насъ всѣхъ восемь, и все, что мы черпаемъ изъ сокровищницы необъятныхъ знаній, — только маленькія крупинки въ числѣ безконечныхъ и благостныхъ чудесъ міра. Мы — изъ восьми звеньевъ замкнутая цѣпь. Потому то я вамъ и совѣтую уйти отъ толпы, отъ празднаго любопытства. Намъ никто не опасенъ, а мы подавно никому не дѣлаемъ зла. Подумайте сами: кого мы будемъ страшиться? Легкомысленнаго, любопытнаго человѣка? Но онъ соскучится съ нами черезъ день. Искателя сильныхъ ощущеній? Мы его отошлемъ въ театръ Guignol. Помните, князь, мы не побрезговали и вами, скептически холодный насмѣшникъ, и вы потомъ первый сознались, что шагъ отъ насмѣшки до вѣры меньше, чѣмъ шагъ отъ вѣры до экстаза. Многіе искали выгодныхъ связей, философскаго камня, секрета изготовленія золота, а другіе даже думали, что мы изготовляемъ фальшивыя бумажки. Подозрѣвали насъ иногда въ какомъ-то звѣрскомъ половомъ сектантствѣ, и являлись къ намъ любопытствующіе старички и желторотые подростки. Всѣ они только мѣшали намъ.

Не правда-ли: вы всѣ помните Его изрѣченіе: «лесть богатства и слава міра поглощаютъ слово«? Иные даже подозрѣвали, что мы занимаемся политикой. Все-таки мы остались только восьмеро — вы и я, вашъ наставникъ и вашъ первый слуга. Благодарю васъ за то, что вы не говорили никому, не называли моего имени. Это для меня залогъ и увѣренность въ томъ,что дѣло, которое мы дѣлаемъ, самое главное и важное дѣло, какимъ только занимались люди отъ временъ Хирама, зодчаго, воздвигнувшаго Храмъ Соломона, а можетъ быть и раньше, въ столѣтія утерянныя исторіей«.

Потому-то и я, пишущій, не называю по именамъ и по профессіи людей нашего небольшого, избраннаго, поневолѣ тайнаго, и христіанскаго, въ самомъ глубокомъ смыслѣ этого слова, общеетва:

Однажды учитель сказалъ:

«Человѣческую волю можно передавать въ пространство — это теперь извѣстно даже дѣтямъ приготовительнаго класса. Вообразите себѣ современный броненосецъ. Онъ вмѣщаетъ въ себѣ около полуторы тысячи человѣкъ. Его громадныя орудія вращаются въ своихъ башняхъ отъ легкаго нажима кнопки. Онъ отопляется, освѣщается и движется при помощи машинъ, которыми управляютъ пять-шесть очередныхъ людей. Онъ посылаетъ въ сферу, объемомъ въ много тысячъ кубическихъ верстъ, свои безпроволочныя телеграммы... И это — всего только машина. Но вообразите, во сколько сотъ тысячъ разъ мощнѣе и разнообразнѣе мозгъ каждаго человѣка, не пораженнаго безуміемъ, равнодушіемъ или идіотизмомъ! Я хочу поднять руку и поднимаю, я иду, именно, туда, куда хочу, а не въ другую сторону. Я говорю, и у меня въ запасѣ нѣсколько тысячъ словъ, и каждое изъ нихъ связано со зрѣніемъ, съ запахомъ, слухомъ, вкусомъ и осязаніемъ; съ памятью прошлаго, предвидѣніемъ будушаго. Я овладѣлъ искусствомъ запечатлѣвать свои мысли на бумагѣ и дѣлать ихъ почти безсмертными. Нѣтъ такой фантастической и, скажемъ, даже шутливой мечты, которую до смѣшного маленькая бренная машина, — человѣческій мозгъ — не привела бы въ исполненіе. Я не говорю о безсмертіи, но развѣ эта накопленная сконденсированная энергія можетъ пропасть даромъ, не возбудивъ, вдругъ, себя въ моментъ того, что мы называемъ смертью, громадныхъ волнообразныхъ пертурбацій? Возьмите хотя бы простой дѣтскій примѣръ изъ рождественскихъ разсказовъ о томъ, какъ на разстояніи крошечнаго земного діаметра одинъ человѣкъ оповѣщаетъ другого о томъ,что онъ перешелъ въ новую жизнь,

извѣщаетъ въ тяжелый непривычный моментъ разставанія съ временной жизнью. Всѣ мысли и чувства одного человѣка устремлены къ другому, и вотъ онъ уже волнуется, тревожится и думаетъ только о немъ, о близкомъ, о другѣ, объ учителѣ, и его воля приходитъ въ соприкосновеніе съ другой, и онъ ощущаетъ почти физически присутствіе близкаго. А воображеніе галлюцинируетъ только въ опредѣленныхъ привычныхъ формахъ. И вотъ вамъ привидѣніе. Не правда-ли?«

Такъ, или почти такъ въ послѣдній вечеръ говорилъ учитель. Мнѣ казалось, что онъ былъ совершенно спокоенъ, но было въ его лицѣ, въ строгихъ обычно глазахъ что-то нѣжное и тоскливое. Потомъ онъ сказалъ:

«Сейчасъ я въ вашемъ присутствіи осмѣлюсь сдѣлать то, что въ обществѣ другихъ я не сдѣлалъ бы. Васъ ожидаетъ очень тяжелое зрѣлище. Если кто нибудь не ручается за свои нервы — лучше уйти. Въ моемъ мнѣніи онъ ничего не потеряетъ. Я зналъ студентовъ, которые падали въ обморокъ при видѣ перваго кадавра, а потомъ дѣлались замѣчательными и очень полезными хирургами.«

Никто изъ насъ не промолвилъ ни слова. Тогда наставникъ продолжалъ:

«Мы поднимаемся этажемъ выше. Тамъ лежитъ мертвый человѣкъ. Никто изъ васъ его не знаетъ. Онъ выбралъ себѣ странную, по теперешнему времени, профессію: онъ былъ поэтомъ и композиторомъ, онъ писалъ и творилъ музыку Пускай онъ былъ смѣшонъ, думая, что къ нему придутъ со смирной и ладономъ редакторы, издатели, директоры и режиссеры театровъ, дирижеры и критики — они къ нему не пришли. Онъ былъ простымъ наивнымъ человѣкомъ, но въ то же время необычайно гордымъ: онъ могъ бы умереть отъ голода и не шевельнуть пальцемъ, чтобы улучшить свое положеніе. Почти нищій, онъ любилъ дѣлать царскіе подарки. Можетъ быть вы спросите меня, почему я не познакомилъ васъ съ нимъ? Но онъ былъ человѣкомъ совершенно безполезнымъ для нашихъ исканій и на многое, что для насъ глубоко важно, смотрѣлъ съ молчаливымъ и кроткимъ презрѣніемъ. Однажды, полушутя, полусерьезно онъ формулировалъ загробное существованіе такимъ парадоксомъ:

— Если и допустить безсмертіе, то оно представляетъ изъ себя очень печальную картину. На вѣки вѣчные остается, никогда не измѣняясь, только одно голое впечатлѣніе жизненнаго конца. Итакъ

человѣкъ, раздавленный трамваемъ, превращается на безконечное количество вѣковъ въ одно сплошное чувство недоумѣнія, ужаса и боли. Самоубійца осужденъ вѣчно слышать грохотъ выстрѣла, чувствовать прохожденіе пули черезъ мозгъ отъ виска до виска, невѣроятную для нашего воображенія боль и сумбуръ послѣдней агоніи. А паралитикъ такъ навсегда и пребываетъ въ параличѣ и чувствуетъ то же, что чувствуетъ камень, брошенный въ бездонный колодецъ.

Теперь вы меня понимаете, не правда-ли? Итакъ, идемте«.

Необыкновенно живо я вспоминаю тотъ моментъ, когда онъ, пройдя одинъ маршъ лѣстницы, остановился на площадкѣ. Онъ стоялъ спиною къ окну, украшенному плохенькимъ витражемъ. Въ разноцвѣтномъ и тускломъ освѣщеніи было невыразимо плѣнительно его прекрасное лицо и благородныя сѣдины, и та глубокая важность и доброта взора, которая свойственна только людямъ большого знанія. Онъ слегка задыхался. У него очень давно была сердечная болѣзнь, которая мучительно стѣсняла его движенія. Но, тяжело передохнувъ нѣсколько разъ, онъ заговорилъ, повидимому, совсѣмъ спокойно, и всѣ мы невольно почувствовали, что онъ преодолѣваетъ какое-то глубокое душевное волненіе:

«Онъ умеръ — скажемъ этотъ условный терминъ — оттого, что въ немъ угасла воля къ жизни. Онъ какъ бы заснулъ съ единственнымъ желаніемъ не просыпаться. Онъ спитъ вторыя сутки, и тѣло его уже потеряло чувствительность, и если бы онъ могъ открыть глаза, онъ ничего не увидѣлъ-бы, но изъ всѣхъ ощущеній слухъ покидаетъ человѣка послѣднимъ. Старые люди недаромъ утверждаютъ, что мертвые слышатъ въ могилахъ. Онъ услышитъ насъ несмотря на то, что на его тѣлѣ уже показались несомнѣнные первые признаки разложенія. Всѣ человѣческія слова, надгробныя рѣчи и молитвы, — я думаю, произвели бы на него такое впечатлѣніе, какъ будто бы муха надоѣдливо бьется между двумя стеклами. Можетъ быть нѣкоторыя слова и будутъ ему понятны, но также неинтересны, также чужды и далеки отъ него, какъ тиканье часовъ, чириканье птички или лепетъ ручья. Но, вотъ, поглядите на содержаніе телеграммы, которую я получилъ сегодня для него отъ дирекціи королевской оперы въ Лондонѣ.«

И такъ какъ на лѣсенкѣ былотемновато, то, передавъ мнѣ телеграфную бумажку, онъ сказалъ со своей обычной мягкостью:

«Если васъ не затруднитъ, прочитайте пожалуйста.«

Да. Маленькій бумажный листокъ заключалъ въ себѣ такое радостное приглашеніе, отъ котораго закружилась бы голова у любого композитора, даже сверхъ мѣры упоеннаго славой. Его опера »Суламиѳь«, очень наивная и загадочно пышная легенда о любви величайшаго цяра къ простой дѣвушкѣ изъ виноградника, принималась безусловно. Автора не приглашали, а просили пріѣхать дирижировать. Были два три комплимента, короткихъ, но почти удивительныхъ для сдержанныхъ англичанъ и затѣмъ предложеніе денегъ въ огромныхъ размѣрахъ.

«И вотъ, — заговорилъ наставникъ, принимая отъ меня телеграмму: — какъ неожиданно, и увы, поздно пришли къ нему и слава, и богатство, и комфортъ, и цвѣты, и улыбки женщинъ. Нѣтъ, онъ остался бы къ нимъ равнодушенъ. На эти побрякушки онъ глядѣлъ сверху внизъ. Я почти насильно оторвалъ у него партитуру, чтобы послать ее моимъ лондонскимъ знакомымъ . . . И, вдругъ, ироническая шутка безсмысленнаго рока. . . — конецъ! Но услышать свою оперу въ прекрасномъ исполненіи, руководить лучшимъ оркестромъ въ мірѣ и возсоздать въ душахъ артистовъ и внимательныхъ зрителей свои великолѣпные образы, да! это для него была бы большая радость. И, я думаю, что буду правъ, сообщивъ ему эти нѣсколько словъ, и я почти увѣренъ, что на короткій или, почемъ знать, можетъ быть и на оченъ долгій срокъ къ нему вернется то, что я называю волею къ жизни. Теперь идемте друзья мои«.

Всѣ они молча поднялись наверхъ. Всѣ кромѣ меня. Я сказалъ съ той откровенностью, которую такъ любилъ нашъ учитель:

— Позвольте мнѣ не итти, дорогой наставникъ. У меня совсѣмъ нѣтъ боязни, но что-то, что сильнѣе меня, побуждаетъ меня остаться.

Онъ ласково положилъ мнѣ руку на плечо (единственный интимный жестъ, который я у него видѣлъ за все время нашей близкой связи) и отвѣтилъ спокойно:

— Да. Благодарю васъ за то, что вы такъ правдивы. Идите спокойно и, если вамъ не трудно, думайте минутъ десять — пятнадцать обо мнѣ. Не нужно никакихъ усилій, только постарайтесь себѣ вообразить мое лицо, одежду, глаза и руки.

Онъ медленно поднимался со ступеньки на ступеньку и, наконецъ, вошелъ въ открытую дверь. Послѣднее, что я видѣлъ, былъ синеватый туманъ отъ ладона. Ясно разслышалъ я четкій, немного гнусавый, пѣвучій голосъ монахини:

«Кая житейская радость бываетъ нечали не причастна.«

Все, что случилось тамъ, наверху, въ комнатѣ, я поневолѣ, передаю сжато и какъ бы скомкано, съ чужихъ словъ. Учитель попросилъ чтицу уйти. Сдѣлалъ это онъ со свойственной ему всегдашней мягкостью и деликатностью, но всѣ мы знали, что иногда его просьба равнялась самому безусловному приказанію. Затѣмъ, обнявъ обѣими руками голову своего друга и такъ низко склонившись надъ нимъ, что почти прикасался устами къ его уху, онъ трижды, съ каждымъ разомъ повышая голосъ и вкладывая въ него громадную убѣдительность, сказалъ текстъ телеграммы. И вотъ, медленно раскрылись вѣки, показались мертвые, незрящіе, въ мутной пеленѣ глаза, открылись, вздрагивая губы, напряглись мускулы горла, и всѣ семеро услышали голосъ, произнесшій хрипло, точно сквозь подушку:

— Дайте. . . спать. . .

И тотчасъ же его лицо исказилось омерзительной и ужасной гримасой. Это было только на одно мгновеніе, но было такъ страшно, что шестеро учениковъ закрыли лица руками, и только учитель остался неподвижнымъ. Прошло довольно много времени, пока онъ обернулся къ пораженнымъ людямъ и сказалъ:

«Теперь вы можете смотрѣть.«

Они увидѣли, какъ онъ любовно перекрестилъ лицо мертваго, и поцѣловалъ его лобъ. И когда они приблизились къ покойнику, то замѣтили на его губахъ блаженную улыбку безконечнаго покоя.

Учитель умеръ на другія сутки отъ сердечнаго припадка. Остальные ушли изъ жизни какъ то трагически: быстро, одинъ за другимъ, черезъ короткіе промежутки. Некому возстановить нашего общества. Остался одинъ я. Но я никогда бы не рѣшился итти по слѣдамъ учителя въ этихъ сверхчеловѣческихъ опытахъ. Теперь я не только вѣрю, но и убѣжденно знаю, что мертвые живутъ. Но заглядывать туда, за грань перехода — современному человѣку или еще слишкомъ рано или никогда не слѣдуетъ. Знаніе это тяжело.

Все о чемъ я здѣсь правдиво разсказываю происходило 8 декабря 1913 года.

ПО ТУ СТОРОНУ

Въ то время небезызвѣстный нынѣ писатель Александровъ былъ наивнымъ, веселымъ и проказливымъ подпоручикомъ въ одномъ армейскомъ пѣхотномъ полку, который недавно вписалъ свой номеръ и свое названіе кровавыми славными буквами на страницахъ исторіи земного шара.

Подпоручикъ часто подвергался домашнему аресту, то на двое то на трое, то на пятеро сутокъ. А такъ какъ въ маленькомъ юго-западномъ городишкѣ своей гауптвахты не было, то въ важныхъ случаяхъ молодого офицера отправляли въ сосѣдній губернскій городъ, гдѣ, сдавъ свою шашку на сохраненіе комендантскому управленію, онъ и отсиживалъ двадцать однѣ сутки, питаясь изъ жирнаго котла писарской команды.

Проступки его были почти невинны. Однажды онъ въѣхалъ въ ресторанъ на второй этажъ верхомъ на чужой старой одноглазой бракованной лошади, выпилъ у прилавка рюмку коньяку и благополучно верхомъ же спустился внизъ. Приключеніе это обошлось для него благополучно, но на улицѣ собралась огромная любопытная южная толпа, и вышелъ соблазнъ для чести мундира.

Въ другой разъ на него обидѣлась въ собраніи во время танцевальнаго вечера полковая дама, «царица бала«, какъ пышно и жеманно тогда выражались. Она сидѣла у открытаго окна — дѣло было раннею весною, а внизу, глубоко подъ окномъ оттаявшая густая земля сладко и волнующе благоухала — и, окруженная общимъ льстивымъ вниманіемъ, дама раскокетничалась:

— Всѣ вы поете мнѣ только вздорные комплименты, но никто изъ васъ не докажетъ, что онъ — настоящій рыцарь. Вы говорите, что готовы умереть за одинъ мой благосклонный взглядъ? Ну, такъ вотъ, я предлагаю мой поцѣлуй тому, кто ради меня спрыгнетъ съ этого окна.

И едва она успѣла договорить, какъ ловкое, гибкое тѣло мелькнуло въ воздухѣ и ухнуло внизъ, въ темный пролетъ. Александровъ даже не коснулся погами подоконника, а просто перепрыгнулъ черезъ него, какъ лошадь черезъ барьеръ. Онъ даже не вскрикнулъ, когда упалъ на четверинки на землю. Безъ посторонней помощи поднялся онъ наверхъ въ танцевальный залъ. Онъ былъ блѣденъ, перепачканъ, но веселъ. Съ низкимъ и, какъ ему казалось, придворнымъ поклономъ, склонился онъ передъ дамой и сказалъ:

— Сударыня, я не шиллеровскій герой. Любой изъ офицеровъ нашего полка сдѣлалъ бы это гимнастическое упражненіе. Но. . . если можно. . . позвольте мнѣ отказаться отъ вашего поцѣлуя.

Въ такомъ же духѣ были и всѣ его ребяческія шутки. Ничего ему не стоило зимою выкупаться въ проруби, или стать у стѣны залы офицерскаго собранія съ яблокомъ на головѣ и, чувствуя сладкій холодъ въ сердцѣ ждать мѣткаго выстрѣла черезъ двѣ большихъ комнаты. Жалованья Александровъ никогда не получалъ — все оно шло на погашеніе долговъ. Подпоручикъ только расписывался сбоку: «расчетъ вѣренъ, такой-то«.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что товарищамъ удалось убѣдить его посѣтить спиритическій сеансъ, одинъ изъ тѣхъ сеансовъ, которые устраивались разъ въ недѣлю, съ пятницы на субботу, у отставного полковника (или даже, кажется, маіора) Мунстера. Самъ Мунстеръ былъ курьезнѣйшій человѣкъ, похожій на сказочнаго нѣмецкаго гнома: маленькій, съ длинной бородой, съ толстымъ, лысымъ, краснымъ шашковатымъ черепомъ, въ очкахъ; брюзга, скупецъ и деспотъ въ семейной жизни. Напримѣръ, онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не рѣшался купить женѣ галоши, или дѣтямъ теплыя, зимнія пальтишки, или отдать старшаго сына въ гимназію. Но достаточно только было духамъ на сеансѣ приказать ему это сдѣлать, и онъ исполнялъ безпрекословно велѣнія загробныхъ жителей. То же бывало и съ вечерней закуской. Столъ выстукивалъ: «Медіумъ не воспринимаетъ токовъ. Голоденъ. Дать ему подкрѣпиться виномъ, селедкой и мясомъ.«

И все въ такомъ же родѣ. Правда, кормили у Мунстера гораздо хуже, чѣмъ въ собраніи, но зато въ спиритическихъ сеансахъ была прелесть веселой, хотя и грубой шутки. А старенькая за-

битая жена полковника и дѣти были вѣрными невольными нашими укрывателями и союзниками.

Подпоручикъ Александровъ сразу проявилъ себя медіумомъ, мощностью въ нѣсколько десятковъ лошадиныхъ силъ. Даже самый первый его визитъ въ домъ Мунстера былъ поразителенъ, какъ истинное чудо.

Предупрежденный заранѣе друзьями и почитавшій кое что по литературѣ неизъяснимаго, Александровъ задрожалъ еще въ передней, и вдругъ, какъ былъ въ пальто, фуражкѣ и глубокихъ галошахъ, закрывъ глаза рукою, ринулся въ гостиную. Здѣсь онъ остановился передъ большимъ, аршина полтора въ квадратѣ, увеличеннымъ фотографическимъ портретомъ изображавшимъ какого то пожилого штатскаго, съ задумчивымъ взоромъ и въ усахъ, и вскричалъ:

— Это онъ! Да, это онъ! Къ нему влекла меня неизвѣстная сила флюидовъ!

Это былъ поясной портретъ извѣстнаго польскаго писателя и спирита Охоровича. Вокругъ его лица была печатная надпись латинскимъ шрифтомъ, огромными буквами:

«POLKOWNIKOWI TEODOROWI MUNSTEROWI PIERWSZEMU KRSEWICIELOWI SPIRYTYSMU NA PODOLU.«

И тотчасъ же, сконфузившись, онъ забормоталъ, пятясь назадъ:

— Прошу простить меня... Я самъ не ожидалъ, что поступлю такъ неловко... Подпоручикъ Александровъ.. очень прискорбно... это было, точно во снѣ...

Но Мунстеръ уже заключилъ его въ горячія объятія и назвалъ его своимъ сыномъ, и предсказалъ ему огромную будущность.

И вѣрно, никто изъ предыдущихъ и послѣдующихъ медіумовъ не превзошелъ Александрова. Въ его присутствіи столы, стулья, гитары и лампы летали по воздуху; играло піанино, матеріализованные духи танцовали въ темнотѣ и позволяли себя снимать рядомъ съ медіумомъ; въ воздухѣ проносилось гробовое дыханіе; падали на столъ полевые цвѣты... Когда же загробные гости звонко шлепали полковника по обширной лысинѣ, онъ умиленно, дрожащимъ голосомъ лепеталъ:

— Благодарю васъ, добрые духи .. Благодарю васъ.

Умиленный Мунстеръ уже собирался женить подпоручика на своей старшей дочери.

Десятитысячный реверсъ оказался пустякомъ для хитраго запасливаго старика.

Но вотъ что случилось. Въ одну изъ пятницъ подпоручикъ пришелъ къ Мунстерамъ черезчуръ рано. Никто еще не собрался и было скучно. Нетерпѣливый «насадитель спиритизма на Подоліи« предложилъ подержать столикъ втроемъ: онъ, его жена и Александровъ. Сдѣлали цѣпь. Посрединѣ положили чистую аспидную доску и грифель. Подпоручикъ ясно помнилъ, что его лѣвая лежала на правой рукѣ полковника, а правая на лѣвой рукѣ Эмиліи Карловны. И какъ всегда, какъ бывало много разъ раньше, мадамъ Мунстеръ охотно уклонила свою руку, чтобы предоставить медіуму полный просторъ въ дѣйствіяхъ.

И въ эту минуту грифель бѣшено застучалъ по доскѣ. Этого не могъ сдѣлать Мунстеръ. Онъ не былъ лѣвшой. Да и быстрый темпъ письма отразился бы на колебаніяхъ его тѣла. Эмилія Карловна никогда не рѣшалась и ни за что не рѣшилась бы выступить самостоятельно. Волосы на головѣ Александрова поднялись вверхъ и сдѣлались тверды и жестки какъ стеклянные.

Когда карандашъ пересталъ выстукивать, подпоручикъ сказалъ вздрагивающимъ голосомъ

— Пожалуйста. . . свѣтъ. . . Дайте свѣта. . .

Вытащили изъ-за портьеры лампу, припустили фитиль. Всѣ трое были блѣдны и серьезны. А на доскѣ тянулись ряды правильныхъ точекъ и тире, и Александровъ первый догадался, что это — знаки телеграфной азбуки, по системѣ Морза.

Но прочитать текста онъ не могъ — не умѣлъ. Въ тотъ же вечеръ онъ понесъ доску тля прочтенія своему горбатому пріятелю станціонному телеграфисту, Сашѣ Врублевскому. Тотъ долго вертѣлъ ее въ рукахъ, приглядывался и даже принюхивался. — Чортъ знаетъ, — говорилъ онъ задумчиво, — это, несомнѣнно, телеграфные знаки, видна опытная, вѣрная трезвая рука, но, чортъ знаетъ, я никакъ не могу уловить смысла.

Потомъ онъ вдругъ ударилъ себя по лбу и радостно воскликнулъ:

— Одна секунда! Я нашелъ! Это сигнализовано снизу вверхъ или справа налѣво. Зеркало! Я могу прочитать по отраженію въ зеркалѣ.

Принесли изъ дамской уборной зеркало, и Врублевскій прочиталъ глухимъ, но внятнымъ голосомъ тѣ слова которыхъ Алек-

сандровъ не могъ забыть никогда въ своей жизни и послѣ которыхъ онъ уже больше не шутилъ съ спиритизмомъ

— «Мы одиноки и равнодушны. У насъ нѣтъ ни одного человѣческаго земного чувства. Мы одновременно на землѣ, на Марсѣ и на Юпитерѣ и въ мысляхъ каждаго существа. Насъ много — людей, животныхъ и растеній. Ваше любопытство тяжело и тревожно для насъ. Наша одна мечта, одно желаніе — не быть. (Подчеркнуто на доскѣ)... Въ вашихъ снахъ, въ инстинктахъ, въ безсознательныхъ побужденіяхъ мы помогаемъ вамъ. Намъ завиднѣе всего вѣчное забвеніе, вѣчный покой. Но воля сильнѣе нашей...«

Тутъ шифръ обрывается рѣзкой каракулей, точно кто-то грубо оттолкнулъ пишущую руку.

ЛИМОННАЯ КОРКА

Этотъ смѣшной и трагическій анекдотъ почерпнутъ нами изъ рѣдкой книжки «The book of eminent Boxers« (изд. W. Stewart. London 1843), которая ссылается на еще болѣе рѣдкую книгу Пьери Эгона, опирающагося, въ свою очередь, на полуспортивныя англійскія газеты конца XVIII столѣтія.

Полную фамилію лорда Томаса Б. (трижды пэра Англіи, герцога за годъ до своей смерти въ 1802 г.) всѣ три источника не оглашаютъ, по вполнѣ понятной причинѣ, которая вскорѣ будетъ ясна и читателямъ; по той же причинѣ и мы не называемъ цѣликомъ его имени. Достаточно будетъ сказать, что лордъ Б. неоднократно встрѣчался съ Вильямомъ Питтомъ, лордъ-канцлеромъ графомъ Турлоу и казначеемъ флота Дундасомъ; былъ близко знакомъ съ Буркомъ, Адиссономъ и Дикомъ Стилемъ, четыре вечера подъ рядъ обыгрывалъ въ карты Чарльза Фокса и однажды перепилъ на портвейнѣ и шотландской виски Его Свѣтлость Вильяма-Генриха герцога Кларенса, утонувшаго, какъ извѣстно, въ бочкѣ мальвазіи. Его величественная фигура и надменное лицо увѣковѣчены Рейнольдсомъ на портретѣ, хранящемся и понынѣ въ одной частной коллекціи, въ Америкѣ

Лордъ Томасъ Б. оставилъ по себѣ тройную память: какъ вельможа, очень богатый даже по тому времени, какъ исключительный скупецъ и какъ ярый поклонникъ боксерскаго спорта. Послѣднее влеченіе иногда перетягивало въ немъ даже его бережливость, вошедшую въ поговорку. Газеты того времени называютъ его имя въ связи съ именами знаменитыхъ боксеровъ — голландскаго еврея Самуэля, Крибба, Джека Рандаля, Молинэ, «Боевого Пѣтуха«, Джона Джексона и другихъ, которымъ онъ оказывалъ свое, довольно щедрое, покровительство. Надо сказать, что тогда, въ эпоху всеобщаго увлеченія боксомъ, этотъ жестокій видъ спорта пользовался гораздо большимъ почетомъ, чѣмъ въ наши дряблыя времена. Вы-

сокородные лорды не стѣснялись публично, на пристани, засучивать рукава и вступать въ состязаніе съ какимъ нибудь здоровеннымъ лодочникомъ съ Темзы, или держать сюртукъ своего фаворита-профессіонала въ тѣ минуты, когда тотъ дрался внутри канатнаго барьера.

Послѣднимъ изъ боксеровъ, кого взялъ подъ свою высокую опеку лордъ Б., былъ Сюлливанъ, — кажется ирландецъ по происхожденію, смѣлый и стойкій малый, замѣчательный какъ страшной силой своихъ ударовъ въ схваткахъ, такъ и привлекательнымъ характеромъ въ частной жизни. Лордъ Б. нашелъ его въ очень бѣдственномъ положеніи, больнымъ, полуголоднымъ, на какомъ то холодномъ чердакѣ, гдѣ онъ медленно оправлялся послѣ своего громкаго состязанія съ «Чернокожимъ Ричмондомъ« въ Ньюкестлѣ.

Попеченія, которыми лордъ Б. окружилъ Сюлливана, можно было бы назвать поистинѣ отеческими, если бы къ нимъ не примѣшивался дальновидный расчетъ, основанный на корысти и тщеславіи. Дѣло въ томъ, что «Чернокожій Ричмондъ« — (теперь намъ неизвѣстно, былъ ли онъ мулатъ, креолъ или квартеронъ) — и Сюлливанъ были не только двумя самыми сильными боксерами своего времени, но и давними заклятыми врагами. Въ спортивной публикѣ глухо поговаривали о томъ, что причиной этой взаимной ненависти служила не такъ профессіональная ревность, какъ глубокая обида, нанесенная когда то чернокожимъ семьѣ ирландца. Замѣчательно было то, что въ ихъ неоднократныхъ и свирѣпыхъ встрѣчахъ обидчикъ проявлялъ гораздо больше злобы, чѣмъ обиженный, ибо судьямъ приходилось нерѣдко предотвращать со стороны Ричмонда недозволенные пріемы.

Анонимный авторъ цитируемой нами книжки, склонный какъ и всѣ писатели XVIII столѣтія, къ моральнымъ разсужденіямъ, говоритъ по этому поводу:

«Какъ часто бываетъ, что благодѣтель привязывается сердцемъ къ облагодѣтельствованному, и какъ нерѣдко причинивъ человѣку зло, мы сами начинаемъ его за это ненавидѣть.«

Разыскать неизвѣстнаго боксера съ большими задатками, прозрѣть въ немъ будущую звѣзду спорта, обезпечить ему приличное существованіе, дать необходимый тренингъ, а потомъ выпустить его въ свѣтъ для блестящей карьеры, считалось тогда въ высшемъ англійскомъ обществѣ столь же достойнымъ и похвальнымъ для настоящаго джентльмэна, какъ нынѣ считается шикарнымъ видѣть

цвѣта своей конюшни побѣждающими на скачкахъ въ Дерби и Ипсомѣ. Не надо также забывать и того, что во время боксерскихъ состязаній заключались между джентльмэнами очень крупныя пари, доходившія иногда до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ фунтовъ.

Чернокожій Ричмондъ и Сюлливанъ были одинаково извѣстны. Они встрѣчались уже неоднократно и каждый разъ жестоко избивали другъ друга, но окончателное первенство между ними еще не было установлено, въ виду постоянной перемѣны счастья. Послѣдняя ихъ встрѣча не дала рѣшительнаго результата, такъ какъ была прервана вмѣшательствомъ полиціи изъ-за скандала, поднятаго публикой. Тогда многіе зрители увѣряли, что будто бы изъ боевой перчатки метиса выпала тяжелая монета временъ королевы Елизаветы; впрочемъ это, по мнѣнію арбитровъ, доказано не было.

Знатоки, однако, увѣряли, что за Ричмондомъ насчитывалось болѣе шансовъ на званіе чемпіона. Онъ былъ значительно выше ростомъ, чѣмъ Сюлливанъ, тяжелѣе его (если оба находились въ своихъ лучшихъ формахъ) на 15 фунтовъ, обладалъ длинными руками, отличался, какъ всѣ дикари, малой чувствительностью къ боли и кромѣ того, потѣя, издавалъ тотъ отвратительный специфически-негритянскій запахъ, который дѣйствуетъ удручающимъ образомъ на нервныхъ борцовъ изъ бѣлой расы. Словомъ, теперь понятно, до какой степени общественное вниманіе было привлечено къ обоимъ боксерамъ и къ лорду Б., взявшему подъ свое покровительство ирландца.

Сначала Сюлливанъ велъ спокойную и дѣятельную жизнь въ подгородномъ имѣніи лорда. Трижды въ день онъ поглощалъ сочные кровавые бифштексы съ небольшимъ количествомъ поджареннаго хлѣба и запивалъ ихъ пинтою добраго двойного шотландскаго эля; въ промежуткахъ, переваривъ ѣду, онъ тренировался со своими лидерами четверть часа, полчаса и часъ, а, для того, чтобы «открыть дыханіе«, пробѣгалъ ежедневно десять миль вмѣстѣ со своимъ буль-терріеромъ Фипси; въ остальное время онъ купался или спалъ.

Его молодое тѣло быстро возстанавливало здоровье и крѣпость. А, главное, къ Сюлливану постепенно возвращались его превосходныя душевныя качества: воля, увѣренность и терпѣніе, чего совсѣмъ не было въ чернокожемъ, который былъ страшенъ въ первыхъ нападеніяхъ, но при малѣйшей неудачѣ терялъ спокойствіе, падалъ духомъ и становился трусливымъ, злымъ и суетливымъ.

Сюлливанъ отлично учитывалъ — какъ всѣ преобладающіе шансы Ричмонда, такъ и свои достоинства. Но, къ сожалѣнію, ихъ взвѣшивалъ не менѣе точно и самъ лордъ Б. Дальновидный человѣкъ и расчетливый игрокъ — онъ хорошо понималъ, что его ставки за Сюлливана могутъ окупить расходы по покровительству и принести значительный барышъ только въ томъ случаѣ, если побѣда Сюлливана явится для прочихъ игроковъ полной неожиданностью. Равенство закладовъ съ той и другой стороны уже ввело бы скупого лорда въ значительные убытки. А между тѣмъ, шила въ мѣшкѣ не утаишь, и какъ не старался лордъ Б. держать въ секретѣ тренингъ Сюлливана, — прекрасные шансы этого боксера не сегодня завтра могли сдѣлаться извѣстны широкой публикѣ.

И вотъ покровитель началъ сначала осторожно, въ видѣ намековъ, указаній и дружескихъ совѣтовъ, а потомъ все настойчивѣе и грубѣе торопить ирландца къ состязанію. Сюлливанъ однажды позволилъ себѣ мягко возразить лорду:

— Подождите еще немного, сэръ. Теперь я въ состояніи выдержать съ негромъ полтора часа. Дайте мнѣ сэръ еще нѣсколько дней, и у меня будетъ достаточный запасъ силъ для того, чтобы въ послѣднемъ кругѣ (round) раздробить Ричмонду нижнюю челюсть.

Но лордъ Б., подстрекаемый своей жадностью, становился съ каждымъ днемъ нетерпѣливѣе. Однажды онъ дошелъ въ своей назойливости до такой степени, что далъ понять Сюлливану о томъ, какъ дорого обходится его содержаніе. Съ ирландцами можно производить всякіе психологическіе опыты. Но попрекать ихъ хлѣбомъ никогда не слѣдуетъ.

Сюлливанъ отвѣтилъ коротко:

— Сэръ, я готовъ.

Вскорѣ былъ назначенъ день матча. За два дня до него оба соперника были допрошены репортерами спортивныхъ газетъ.

Чернокожій Ричмондъ сказалъ:

— Вы увидите какъ я быстро отправлю душу этого ирландца въ ея католическій рай.

Сюлливанъ высказался значительно и не безъ юмора:

— У Ричмонда кулаки вполтора раза больше моихъ. Слѣдовательно, при одинаковомъ вѣсѣ перчатокъ, каждый дюймъ его кулака жестче въ полтора раза. Но я предпочелъ бы драться съ нимъ вовсе безъ перчатокъ.

Эта шутка, если въ ней разобраться, имѣла характеръ самаго смѣлаго вызова. Къ стыду тогдашнихъ спортсменовъ надо сказать, что они иногда допускали боксъ и безъ перчатокъ, голыми руками, но такія состязанія всегда вели къ тяжкому калѣченью и часто къ смерти. Можетъ быть, именно по этой причинѣ, Ричмондъ настоялъ въ выборѣ города, на мягкосердечномъ Брайтонѣ, а не на Мульзеѣ, который имѣлся въ виду раньше, и въ которомъ судьи дѣйствительно могли разрѣшить этотъ жесточайшій родъ бокса.

Щадя нервы читателей, я не буду переводить на русскій языкъ описаніе всѣхъ двадцати четырехъ раундовъ (схватокъ), сдѣланныхъ боксерами въ день ихъ встрѣчи. Любителя сильныхъ ощущеній я отсылаю къ прекрасному и мало извѣстному разсказу Конанъ-Дойля «Мастеръ изъ Кроксвиля«. Прочитавъ его, онъ до извѣстной степени можетъ представить себѣ, какое отвратительное и героическое, постыдное и прекрасное занятіе — боксъ.

Я только отмѣчу, что раунды были трехминутные, съ минутнымъ перерывомъ между ними. Боксеръ, упавшій на полъ и не поднявшійся на ноги въ теченіе 11-ти секундъ, долженъ былъ считаться побѣжденнымъ, если только эти 11 секундъ не переходили за конецъ условленнаго трехминутнаго срока.

Еще до начала состязанія, лордъ Б. натолкнулся на непріятную неожиданность. Вопреки всѣмъ расчетамъ и вѣроятіямъ, вопреки здравому смыслу, игра составлялась не за Чернокожаго, а за Сюлливана, въ размѣрѣ 5 противъ 4. Послѣ перваго раунда разности закладовъ возросли до 7 противъ 3, послѣ четвертаго они выразились въ цифрахъ: Сюлливанъ — 9, Ричмондъ — 2.

Лордъ Б. былъ немного блѣднѣе обыкновеннаго, но ничѣмъ не обнаруживалъ своего безпокойства. Послѣ пятой схватки онъ подозвалъ къ себѣ извѣстнаго маклера Моисея, отдалъ ему на ухо какія то распоряженія и затѣмъ съ невозмутимымъ видомъ продолжалъ сидѣть въ первомъ ряду, у самаго каната. Время отъ времени онъ отпивалъ изъ большой кружки свой любимый пуншъ изъ рейнвейна и виски и, вынимая ложкой ломтики лимона, медленно ихъ обсасывалъ.

Послѣ седьмого раунда ставки за Ричмонда, неожиданно для всѣхъ, стали подыматься; къ пятнадцатому они даже дошли до al pari. Никто не могъ объяснить себѣ причину этого нелѣпаго явленія. Всѣ видѣли, что чернокожій Ричмондъ вышелъ на состязаніе пьянымъ. Если его нападенія и были необычайно свирѣ-

пыми въ первыхъ схваткахъ, то съ двѣнадцатаго круга онъ уже замѣтно началъ сдавать *). Онъ весь лоснился, тяжело дышалъ и однажды споткнулся, но не отъ удара, а по собственной неловкости. Между тѣмъ Сюлливанъ, который до сихъ поръ только защищался, не перехода въ атаку, былъ свѣжъ, бодръ и дышалъ глубоко и спокойно, какъ спящій ребенокъ.

Игра на Ричмонда также быстро упала, какъ и подымалась, едва только Сюлливанъ началъ наступленіе. Давно уже старые поклонники бокса не видали такихъ молніеносныхъ выпадовъ, такой быстроты и точности движеній, такого чудеснаго соединенія расчета, отваги, гибкости и находчивости. Отъ боковыхъ ударовъ ошеломленный метисъ шатался между руками Сюлливана, какъ кулекъ выбиваемаго тряпья; безпощадные прямые удары заставляли его отступать къ самому канату, и раза три онъ уже обращался въ бѣгство вокругъ каната, сопровождаемый свистками и ругательствами зрителей.

Всѣ поняли, что Чернокожій Ричмондъ конченъ. Теперь уже самые слѣпые и безразсудные игроки отказались отъ него. Одинъ только маклеръ Моисей упрямо принималъ ставки, предлагая за гинею три шиллинга, потомъ два и наконецъ даже одинъ. Джентльмэны смѣялись ему прямо въ лицо и записывали свои заклады безъ всякаго увлеченія, ради курьеза. Конецъ матча былъ ясенъ всѣмъ, до послѣдняго мальчишки, продававшаго морсъ и мятныя лепешки.

Когда Ричмондъ вышелъ на двадцать четвертый раундъ, на него было жалко и забавно смотрѣть. Онъ шатался на ногахъ, колѣни у него подгибались, ротъ былъ открытъ и черномазое окровавленное лицо стало похожимъ на идіотскую маску. Только глубокій инстинктъ опытнаго боксера еще держалъ его въ стоячемъ положеніи и не давалъ ему упасть, а большіе пріемы водки въ перерывахъ будили его угасавшее сознаніе.

Въ началѣ третьей минуты, Сюлливанъ поймалъ метиса въ мышеловку, то есть зажалъ его голову подъ свой лѣвый локоть, притиснувъ ее къ боку, а правой сталъ быстрыми и короткими ударами снизу превращать его глаза, губы, носъ и щеки въ одну кровавую массу. Ричмондъ былъ весь мокрый отъ пота. Ему какъ то удалось,

*) Авторъ книги и здѣсь приводитъ мудрую сентенцію: вино похоже на невѣрнаго друга, который сначала льститъ, а потомъ предаетъ.

втянувъ въ себя скользкую шею и упираясь руками въ тѣло противника, вырвать голову изъ этого живого кольца. Боксеры мгновенно разъединились, но разрывъ этотъ былъ такъ силенъ и внезапенъ, что Ричмондъ сразмаху шлепнулся на полъ въ сидячемъ положенiи, а Сюлливанъ мелкими и частыми шажками понесся назадъ, спиною къ барьеру. Но вдругъ онъ какъ то нелѣпо взмахнулъ руками и грузно упалъ на землю, на правый бокъ. Нѣсколько разъ онъ дѣлалъ усилiе, чтобы встать, подымалъ на рукахъ свое туловище и опять со стономъ припадалъ къ полу.

... Четыре, пять, шесть... считалъ вслухъ секунды одинъ изъ судей.

На шестой секундѣ Ричмондъ поднялся и сталъ среди площадки, покачиваясь и размазывая потъ, кровь и пыль по своему страшному лицу.

.... Семь, восемь ...

Сюлливанъ дѣлалъ судорожныя услiiя, какъ раздавленный червякъ, но не подымался.

... Девять!...

Стопъ! — воскликнулъ второй судья, поднявъ вверхъ руку. — Три минуты. Антрактъ.

Одна секунда спасла Сюлливана отъ пораженiя. Его секунданты бросились къ нему, желая помочь ему встать на ноги. Но онъ однимъ знакомъ остановилъ ихъ.

— У меня, кажется, сломана нога — сказалъ онъ... Это пустяки. Но поглядите на это... вотъ на это...

Одинъ изъ секундантовъ нагнулся и поднялъ съ досокъ эстрады маленькую, растоптанную боксерскимъ башмакомъ, скользкую корочку отъ лимона.

Невольно взгляды всѣхъ зрителей обратились къ лорду Б., который направлялся къ выходу со своимъ всегдашнимъ надменнымъ и спокойнымъ видомъ. Маклеръ Моисей, занятый въ дальнемъ углу залы прiемомъ закладовъ, сдѣлалъ было торопливое движенiе, точно намѣреваясь подбѣжать къ нему. Но, однимъ движенiемъ рѣсницъ, лордъ Б. приковалъ его къ мѣсту.

БѢГЛЕЦЫ

Нельгинъ, Амировъ и Юрьевъ—сосѣди по кроватямъ въ дортуарѣ казеннаго сиротскаго пансіона. Каждому изъ ихъ между десятью и одиннадцатью годами.

Юрьевъ — мальчикъ вялый, слабовольный. У него простое, веснущатое лицо тверской крестьянки, оттого его и кличутъ въ классѣ «баба«, свѣтлыя рѣсницы вокругъ мутно-голубыхъ глазъ, открытый мокрый ротъ, и всегда капля подъ носомъ. «Онъ плохъ въ дракѣ, чувствителенъ«, часто плачетъ и боится темноты.

Амировъ — альбиносъ съ бѣлыми волосами на большой, длинной отъ лба до подбородка головѣ, съ красными бѣлками глазъ и блѣдной, шероховатой кожей лица. Къ нему приходитъ по воскресеньямъ отецъ, — такой же большеголовый, сѣдой и красноглазый, какъ и сынъ, маленькій, чисто выбритый. Появляется онъ въ роскошной пріемной залѣ (пансіонъ помѣщается въ бывшемъ дворцѣ графа Разумовскаго) въ опрятненькомъ отставномъ военномъ мундирѣ, украшенномъ двумя рядами серебряныхъ пуговицъ, а въ рукахъ у него неизмѣнный красный платокъ, въ которомъ завязаны яблоки и вкусныя темныя деревенскія лепешки, у которыхъ на верхней сторонѣ выведена ножикомъ косая рѣшетка.

Амировъ сынъ—скроменъ, послушенъ, учится усердно и, не смотря на это, онъ не подлиза, не тихоня, не зубрила; все, что онъ дѣлаетъ, отмѣчено какими-то неуловимыми чертами вкуса, удачи, терпѣнія и немного старческой добротности. Онъ опрятно носитъ казенную одежду: парусиновыя панталоны и парусиновую рубашку, обшитую вокругъ ворота и вокругъ рукавовъ форменной кумачевой лентой. Его собственныя вещички: перочинный ножикъ, перышки, пеналъ, резина и карандаши всегда блестятъ, какъ только что купленныя. Онъ не придумываетъ новыхъ игръ, но въ любую игру способенъ внести много серьезной увлекательности и милаго порядка.

По праздникамъ, когда для воспитанниковъ открыта библіотека, Амировъ непремѣнно выберетъ, къ общей зависти, самую занимательную книгу съ приключеніями и съ яркими картинками, не то что другіе, которые вдругъ попросятъ Гомера и потомъ съ недоумѣніемъ и тоской зѣваютъ надъ длинными періодами, заключенными въ саженные гекзаметры, въ которыхъ, къ тому же, попадаются двойныя слова, по тридцать буквъ въ каждомъ, — зѣваютъ, но изъ мальчишескаго самолюбія не хотятъ сознаться въ ошибкѣ. Прочитанное Амировъ безъ труда запоминаетъ и пересказываетъ товарищамъ толково, точно, но суховато.

Нельгинъ — фантазеръ. Его воображеніе неистощимо и чудовищно-пышно. Еще до класснаго обученія, въ малолѣтней группѣ, по вечерамъ, въ часы, оставшіеся до ужина, когда наиболѣе прилежные мальчики плели, по системѣ фребеля, коврики изъ разноцвѣтныхъ бумажекъ, или расшивали шерстями выколотыхъ по трафарету попугаевъ, или клеили домики, или просто, безъ всякой системы, измазавъ доску сплошь грифелемъ, разводили на ней, при помощи намусленнаго пальца, облака и макароны, — Нельгинъ разсказывалъ своимъ мечтательнымъ слушателямъ пестрыя чудесныя исторіи изъ своей прежней, «домашней« жизни, отъ которыхъ его самого охватывалъ ужасъ и вдохновенный восторгъ. Это ничего не значило, что городъ Наровчатъ, гдѣ всегда происходило дѣйствіе, и откуда Нельгинъ былъ увезенъ трехлѣтнимъ ребенкомъ, стоитъ забытый Богомъ и людьми, ежегодно выгорая, среди плоской, безводной и пыльной равнины, и что старшіе братья, главныя дѣйствующія лица великолѣпныхъ исторій, поумирали, не доживъ двухлѣтняго возраста, задолго до рожденія разсказчика, и что отецъ его служилъ скромнымъ письмоводителемъ у мирового посредника, и что отъ бабушкиныхъ великолѣпныхъ имѣній, деревни Щербаковки и села Зубова, проигранныхъ и прокученныхъ буйными предками, остались всего лишь три спорныхъ, кѣмъ-то самовольно запаханныхъ десятины. Нельгинъ все это зналъ умомъ, но все это было скучное, взрослое, не настоящее и не главное, и онъ ему не вѣрилъ, а вѣрилъ въ собственное, яркое, заманчивое и сказачно-прекрасное, вѣрилъ, какъ въ день и ночь, какъ въ булку и яблоко, какъ въ свои руки и ноги. Для него Наровчатъ былъ богатымъ, люднымъ городомъ, въ родѣ Москвы, но нѣсколько красивѣе, а вокругъ шумѣли дремучіе лѣса, разстилались непроходимыя болоты, текли широкія и быстрыя рѣки. Въ бабушкиныхъ деревняхъ жили тысячи преданныхъ крѣпостныхъ,

не пожелавшихъ уходить на волю. Отецъ былъ могущественнымъ человѣкомъ, грознымъ судьею, великодушнымъ бариномъ. Братъ Сергѣй отличался сверхчеловѣческой силой: одной рукой останавливалъ бѣшеную тройку и ударомъ кулака пробивалъ насквозь стѣны. Братъ Иннокентій изобрѣлъ и построилъ удивительную машину, бѣгавшую по землѣ, плававшую по водѣ и подъ водою и летавшую въ воздухѣ. Братъ Борисъ одинъ владѣлъ секретомъ приготовлять одежду цвѣта воздуха: надѣвъ ее, всякій становился невидимкой. Самъ же Миша Нельгинъ замѣчательно скакалъ на бѣломъ арабскомъ иноходцѣ и мѣтко стрѣлялъ изъ ружья, хотя и маленькаго, но вовсе не игрушечнаго, а взаправдышнаго, бившаго на цѣлую версту.

Главнымъ занятіемъ четырехъ братьевъ были великіе кровавые подвиги противъ мѣстныхъ разбойниковъ, населявшихъ мрачныя пещеры наровчатскихъ лѣсовъ. И — Богъ мой! — что это были за богатырскіе подвиги, военныя хитрости, ночныя засады, перестрѣлки, ночлеги въ лѣсныхъ трущобахъ у костровъ. Какъ часто четыре брата беззвучно, цѣлыми часами подползали на животахъ къ становищу враговъ, какъ они прикидывались мертвыми, чтобы вывѣдать разбойничьи секреты, какъ они спасались отъ преслѣдованія, ныряли и плыли подъ водой на сотни шаговъ, какъ послушно прибѣгали ихъ вѣрные кони на условный свистъ! А самъ Миша, чтобы замаскировать отъ разбойниковъ свой маленькій ростъ, а отчасти и для большей достовѣрности повѣствованія, всегда носилъ подъ штанами привязныя ходули, а на лицѣ прицѣпные усы и бороду, а въ повѣствованіи произносилъ свои реплики толстымъ, звѣрскимъ голосомъ. Разбойниковъ ловили, сажали въ острогъ, отправляли въ Сибирь, но, такъ какъ съ ихъ исчезновеніемъ пропадала и канва для страшныхъ и сладкихъ разсказовъ, то на другой же вечеръ они убѣгали изъ тюрьмы или острога и снова появлялись въ окрестностяхъ знаменитаго города, пылая жаждой мести и наводя ужасъ на мирныхъ жителей. Ихъ разбойничьи имена были такія: Гаврюшка, Орѣшка, Ѳома Кривой и Степанъ Клеветникъ. И съ необыкновенной ясностью видѣлъ мальчикъ ихъ красныя волосатыя рожи, бѣлые зубы, коренастыя, корявыя тѣла, красныя рубахи и длинные кухонные ножи за поясомъ.

Классной дамой въ группѣ Нельгина была Ольга Алексѣевна, маленькая, румяная толстушка, съ черными усиками на верхней губѣ. Среди остальныхъ чудовищъ въ юбкахъ, старыхъ, тощихъ,

желтыхъ дѣвъ, съ подвязанными ушами, горлами и щеками, злыхъ, крикливыхъ, нервныхъ, среди всѣхъ классныхъ дамъ, которыхъ у мальчиковъ и дѣвочекъ въ разныхъ классахъ было до двадцати, — она одна на всю жизнь оставила у Нельгина сравнительно отрадное впечатлѣніе, но и она была не безъ упрековъ. Иногда бывала мила, привѣтлива и ласкова, иногда же выходила по утрамъ изъ своей комнатки блѣдная, съ головой, повязанной полотенцемъ, съ запахомъ туалетнаго уксуса и тогда становилась нетерпѣливой, придирчивой, кричала, стучала маленькимъ кулакомъ по столу, и сама плакала отъ раздраженія Выбирала она по странной прихоти одного, двухъ или трехъ фаворитовъ, часто сажала ихъ себѣ на колѣни, душила поцѣлуями, тискала и мяла. Къ прочимъ склонна была относиться несправедливо. Любила и поощряла нашептываніе и даже до такой степени, что случалось, въ угоду ей, одинъ мальчишка ехидно втравлялъ другого въ какую-нибудь невинную, но недозволенную пакость, а потомъ стремительно бѣжалъ къ классной дамѣ и, захлебываясь отъ восторга, съ пузырями на губахъ, доносилъ.

И вотъ случилось такъ, что однажды въ ту полосу когда, Нельгинъ былъ въ немилости, кто-то изъ его товарищей доложилъ Ольгѣ Алексѣевнѣ объ изумительныхъ героическихъ похожденіяхъ Миши, и она совершила большую несправедливость: позвала разсказчика и жестоко, но съ неотразимой логикой доказала вздорность его розсказней, и, постепенно увлекаясь и краснѣя отъ охватившаго ее гнѣва, назвала его вралишкой и лгуномъ. Услужливый хохотъ другихъ мальчиковъ еще болѣе ее подзадоривалъ. Наконецъ, она склеила изъ бѣлой бумаги высокій остроконечный колпакъ, написала на немъ чернилами кистью жирное слово «лгунъ« и велѣла Нельгину носить этотъ позорный уборъ цѣлыхъ три дня, снимая его только во время занятій, за ѣдой, на молитвѣ и въ спальной. Тогда мальчикъ сжался, затаился, но увлекательность вымысла была сильнѣе его воли: онъ разграфлялъ четвертушку бумаги на правильные квадратики и въ нихъ очень мелко рисовалъ знаменитую эпопею борьбы разбойниковъ съ защитниками справедливости.

Съ переходомъ изъ группы въ классы пошли другіе обычаи и новые нравы. Классныя дамы тамъ занимались только надзоромъ; для преподаванія же наукъ приходили настоящіе учителя въ очкахъ, въ синихъ фракахъ съ золотыми пуговицами. Убирали кровати мальчиковъ и водили ихъ въ баню не горничныя, какъ раньше, а

два усатыхъ дядьки, Матвѣй и Григорій. Они же, въ случаѣ надобности, и сѣкли ребятъ, по приказанію начальницы пансіона. Это была высокая полная женщина, съ княжескимъ титуломъ, сѣролицая, сѣроглазая; въ ушахъ у нея были вдѣты большіе золотые колокольчики, съ языками изъ какихъ-то синихъ камешковъ, и когда еще издали въ коридорѣ слышался шумъ ея каменныхъ шаговъ и легкій перезвонъ сережекъ, — мальчишки цѣпенѣли отъ ужаса.

И внутренняя жизнь мальчиковъ стала совсѣмъ иной. Всѣ они уже считали себя на линіи будущихъ военныхъ гимназистовъ, поэтому жаловаться на товарищей или ябедничать считалось у нихъ преступленіемъ уважалась сила, грубость со старшими, пренебреженіе къ наукамъ.

— Единицы да нули:
Вотъ и всѣ мои баллы.
Двоекъ, троекъ очень мало,
А четверокъ не бывало.

Импровизаторскіе таланты Нельгина расцвѣли въ этотъ періодъ съ новой, пылкой силой. Но ему уже мало было однихъ странствованій въ области воображенія: его влекло къ дѣйствію. Ранѣе всего онъ, конечно, изобрѣлъ свой собственный удальской языкъ, затѣмъ онъ основалъ безшабашную шайку авантюристовъ, которые, въ зависимости отъ прихоти, являлись то казаками, то дикарями, то мстителями-молотобойцами, называвшимися на таинственномъ языкѣ Нельгина «сацаро-даярами«, Принимался въ шайку только тотъ, кто выдерживалъ двадцать-тридцать ударовъ жгучей крапивой по рукамъ. Во время прогулокъ въ огромномъ запущенномъ Екатерининскомъ саду, эти бравые молодчики, предводительствуемые атаманомъ Нельгинымъ, съ палками въ рукахъ кидались въ чащу жимолости, шиповника и бузины и рубили налѣво и направо, холодѣя отъ экстаза, съ волосами, вставшими дыбомъ на головахъ.

Потомъ какъ-то накатилъ на Нельгина стихъ набожности, ханжества, стремленія къ чудотворству. У него только-что умерла бабушка, и онъ былъ во власти впечатлѣній отъ гроба съ восковымъ старческимъ лицомъ, грустнаго похороннаго пѣнія, запаха ладана, открытой могилы на Ваганьковскомъ кладбищѣ. По вечерамъ, въ спальнѣ, онъ становился голыми колѣнями на полъ, усердно крестился, вдавливая три пальца поочередно въ лобъ, въ животъ

и въ плечи, и читалъ проникновеннымъ голосомъ самодѣльныя молитвы. И, какъ всегда бываетъ у дѣтей, у дикарей и у тихихъ сумасшедшихъ, вокругъ него образовалась немедленно толпа послѣдователей. Нельгинъ выпросилъ у матери флакончикъ со святой водой и началъ, при ея помощи, творить чудеса. У золотушнаго Добросердова всегда болѣло ухо. Надо было его исцѣлить. И, вотъ, какъ бѣдняга ни бился, ни отбрыкивался, его положили на бокъ, и Нельгинъ, съ паѳосомъ творя молитву, влилъ ему въ уши ложки двѣ чайныхъ воды. Лечилъ онъ также головныя и зубныя боли и давалъ смоченную ватку за щеку для удачнаго отвѣта на урокѣ.

Затѣмъ чей-то разсказъ или прочитанная книжка заставили его страстно желать богатства. Онъ попробовалъ было выпустить свои собственныя ассигнацiи изъ разноцвѣтной бумаги по рублю, по три, по пяти и по десяти, довольно аляповато сдѣланныя. Въ нихъ охотно играли по-нарочку, для забавы, но никто не давалъ за сто рублей даже одного перышка, и финансовая затѣя лопнула.

Тогда Нельгинъ рѣшился дѣлать золото. Онъ уже слышалъ о томъ, какъ монахъ Шварцъ совсѣмъ случайно открылъ порохъ, когда, перетирая въ ступкѣ какой-то составъ, опалилъ себѣ лицо неожиданнымъ взрывомъ. Почему же и Нельгину такимъ же путемъ не наткнуться на изобрѣтенiе золота? Съ глубокой вѣрой, съ таинственнымъ видомъ онъ подолгу жевалъ, обилно смачивая слюной, большiе комки бумаги, смѣшивалъ эту массу съ золой изъ печныхъ трубъ, съ известкой изъ стѣнъ, съ мѣломъ, съ замазкой, съ пескомъ изъ плевательницы и со всякой гадостью, какая попадала ему подъ руку. Потихоньку отъ посторонняго взгляда онъ клалъ эту волшебную смѣсь куда-нибудь подъ прессъ: подъ спальный шкафчикъ, подъ классную доску, подъ учебную скамейку. Черезъ два дня, съ бьющимся сердцемъ, онъ вынималъ сухую, безформенную лепешку и шепталъ самъ подъ носъ, съ важнымъ, значительнымъ видомъ:

— Не тотъ составъ. Чего-то не хватаетъ . . .

Впрочемъ, это увлеченiе алхимiей заняло у него не болѣе двухъ недѣль. Его смѣнила эпоха любви.

Разъ въ недѣло въ пансiонъ прiѣзжалъ учитель танцевъ, Петръ Алексѣевичъ, — круглый, сѣдой, эластичный, подвижной, всегда въ прекрасномъ фракѣ, сiяющiй, добродушный, — въ сопровожденiи лохматаго и унылаго скрипача. Тогда въ прiемную залу, въ блестящемъ паркетѣ которой плѣнительно отражалисъ люстры, кен-

кеты, мраморныя стѣны и бронзовые бюсты, собирали съ разныхъ половинъ мальчиковъ и дѣвочекъ старшаго класса. Урокъ танцевъ былъ единственнымъ случаемъ, когда они встрѣчались сравнительно близко, потому что въ церкви и даже за обѣдомъ они были далеко раздѣлены. Конечно, у мальчишекъ дѣвочки всегда считались низшими, презрѣнными существами, слабосильными, фискалами, плаксами и нѣженками. Оттого, стоя въ парѣ со своей дамой и продѣлывая съ нею подъ унылую скрипку «па-де-баскъ« и «па-де-глиссе«, считалось особеннымъ мужскимъ шикомъ дернуть ее косичку, ущипнуть за руку, сдавить пальцы до боли. И вотъ, Нельгинъ, который никогда не боялся идти наперекоръ общимъ мнѣніямъ, взялъ да въ одинъ прекрасный зимній полдень и влюбился въ хорошенькую Мухину, въ немного всегда заспанную смуглянку, черноглазую, чуть-чтуть скуластую съ милыми родинками на щекахъ и на подбородкѣ. И мало того, что влюбился, но громко заявилъ объ этомъ передъ всѣмъ классомъ и сказалъ, что тому, кто будетъ становиться въ пару съ Мухиной или скажетъ о ней что-нибудъ неуважительное, тому онъ немедленно набьетъ морду до крови. Нельгинъ не былъ изъ первыхъ силачей, но онъ самъ давно уже распространилъ таинственный, многозначительный слухъ, что онъ «скрываетъ силу«. Для поддержанія въ товарищахъ такого мнѣнія онъ иногда, по утрамъ, въ умывалкѣ очень сильно намыливалъ себѣ руки и такъ долго теръ ихъ, что пѣна совершенно впитывалась въ кожу. А когда его спрашивали, для чего онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ съ сумрачнымъ видомъ топорща плечи:

— Такъ надо. Чтобы кулаки были крѣпче . . .

И тогда во всемъ классѣ пошла поголовная мода на любовь. Рѣшительно всѣ перевлюблялись самовольно, подѣливъ между собою дѣвочекъ, точно гунны монахинь завоеваннаго города. Наиболѣе сильные и разбитные выбрали себѣ самыхъ высокихъ, самыхъ толстыхъ и самыхъ румяныхъ. Слабыхъ оставили веснущатымъ, зеленымъ и хилымъ. Нельгинъ пошелъ еще дальше. Однажды вечеромъ онъ долго что-то писалъ, низко склонившись надъ листомъ почтовой бумаги, подпиралъ отъ усердія щеку изнутри языкомъ и сопѣлъ. Потомъ украсилъ листокъ переводной картинкой, сунулъ его въ розовый конвертъ, а на конвертѣ наклеилъ налѣпную картинку. На первомъ же урокѣ танцевъ онъ, потѣя отъ стыда и страха, сунулъ Мухиной въ руку свое посланіе. Тамъ были стихи и проза. Дѣвочка смутилась гораздо меньше чѣмъ можно было предпола-

гать: она быстро засунула письмо куда-то подъ передникъ и даже не покраснѣла. А на другой день, во время урока закона Божьяго, раздался въ коридорѣ тяжкій топотъ и звонъ колокольчиковъ, отчего чуткое сердце Нельгина похолодѣло и затосковало. Полуоткрылась дверь, и въ ней показалось огромное сѣрое лицо, съ мясистымъ носомъ а затѣмъ рука съ подзывающимъ указательнымъ пальцемъ.

— Нельгинъ! Иди-ка сюда, любезный!

И бѣднаго влюбленнаго повели наверхъ, въ дортуаръ, разложили на первой кровати и сняли штанишки. Григорій держалъ его за руки и за голову, а Матвѣй далъ ему двадцать пять добрыхъ розогъ. Такъ, сама собою, какъ-то, незамѣтно, пресѣклась, а вскорѣ и вовсе забылась первая любовь. Только образъ хорошенькой смуглой Мухиной, съ ея заспанными глазками и надутыми губками застрялъ въ памяти на всю жизнь.

Трудно было-бы перечислить всѣ увлеченія Нельгина. Предпослѣднее было – свободное летаніе въ воздухѣ. Основу этого искусства, которое теперь уже никого не удивляетъ, онъ взялъ изъ одного изъ своихъ сновъ, который очень часто повторялся. Ему снилось обыкновенно, что обѣими руками онъ держитъ широкую ленту и, крутя ее черезъ голову, перепрыгиваетъ ногами, въ родѣ того, какъ дѣвочки играютъ въ скакалку. Ему казалась что, учащая темпъ вращенія онъ становился легче и легче, наконецъ, отдѣляется отъ земли и паритъ въ воздухѣ подъ потолкомъ. Но онъ находился уже въ такомъ возрастѣ, когда нестерпимо хочется претворить мечту въ дѣйствіе, сонъ въ явь. Поэтому, во время одной изъ весеннихъ прогулокъ, онъ подобно индѣйцу племени «апаховъ« или «черноногихъ«, прокрался въ запрещенный лагерь дѣвочекъ, укралъ тамъ шнуръ съ двумя рукоятками на концахъ, принесъ его на мальчишеское поле и, твердо увѣренный въ чудѣ, подобно миѳическому Дедалу, легендарнымъ Апполонію Тіанскому и Симону Волхву, и, нашему почти современнику, крылатому Лиліенталю, взобрался на самый верхъ полевой гимнастики, на самую перекладину и крикнулъ:

— Глядите! Я сейчасъ полечу!

— Но тотчасъ же запутался въ веревкѣ и позорно упалъ, расквасивъ себѣ носъ и разбивъ правую колѣнку.

Насколько можно прослѣдить, самымъ послѣднимъ его дѣтскимъ увлеченіемъ были экзамены въ военную гимназію. Попасть

въ нее и окончить курсъ было очень трудно, во-первыхъ потому, что разумовскихъ «воспитковъ«, вообще принимали неохотно, во-вторыхъ, потому, что они всѣ были подготовлены плохо, въ-третьихъ, потому, что, проведши лучшіе годы подъ вліяніемъ истеричныхъ старыхъ дѣвъ, они были съ самаго первоначала исковерканы, въ-четвертыхъ, дѣти добрыхъ, но бѣдныхъ родителей. они являли собою яркіе примѣры наслѣдственности, удрученной алкоголизмомъ и сифилисомъ. Изъ пятидесяти мальчиковъ выдерживали экзаменъ десять-пятнадцать; изъ нихъ, послѣ физическаго осмотра, оставался самый надежный отборъ въ количествѣ пяти-шести мальчиковъ; но даже и эти счастливцы, пройдя черезъ горнило науки и товарищества, уменьшались до трехъ-четырехъ. Самыхъ худшихъ, а почемъ знать, можетъ бытъ и самыхъ талантливыхъ, ссылали за плохое ученіе въ Ярославскую прогимназію, а за скверное поведеніе — въ Вольскую, гдѣ, какъ говорятъ современники, драли ихъ всѣхъ по субботамъ: если виноватъ, то за вину, а если не виноватъ, то въ поученіе, а за сугубыя провинности — вдвое; гдѣ рѣдкіе крѣпыши выдерживали, но это были уже настоящіе люди, и среди нихъ можно было бы назвать нѣсколько извѣстныхъ но скромныхъ военныхъ именъ въ концѣ девятнадцатаго и въ началѣ двадцатаго столѣтія.

Но Нельгинъ не думалъ о второстепенныхъ именахъ исторіи. Въ своихъ пылкихъ грезахъ онъ бывалъ поочередно то Скобелевымъ, то Гурко, то Радецкимъ (а время было какъ разъ послѣ окончанія войны 77—79 г. г.), иногда даже — до чего простирается мальчишеская дерзость! — Наполеономъ. Онъ заранѣе чувствовалъ, что назначена ему какая-то совсѣмъ иная судьба. Но что бы попасть въ гимназію, приходилось вѣровать въ чудо . . .

Пробовалъ онъ прибѣгнуть къ помощи молитвы. Стоялъ ночью въ кровати, на колѣняхъ, изо всей силы прижималъ руки къ груди, пробовалъ выжать изъ себя хоть немножко слезъ и даже дѣлаль (надо замѣтить, что онъ никогда не былъ лгуномъ, а только страстнымъ мечтателемъ), въ видѣ невинной взятки, почти неосуществимые обѣты: «Милый Богъ! Добрый Богъ! — говорилъ онъ, напрягая всѣ мускулы своего маленькаго тѣла: — вѣдъ, Ты все можешь. Тебѣ ничего не стоитъ. Сдѣлай такъ, чтобы я выдержалъ экзамены, а потомъ . . . потомъ я построю въ Зубовѣ или въ Щербаковкѣ большую церковку . . . то-есть, нѣтъ: маленькую церковь или хорошую часовню. Только устрой.«

Въ это время онъ почти пересталъ ѣсть, похудѣлъ, поблѣднѣлъ питался хлѣбомъ съ солью, а также, на прогулкахъ, всякой травяной дрянью: просвирками, свербигусомъ, молочаемъ. Въ научномъ смыслѣ онъ самъ крѣпко поналегъ и зналъ,что ему необходимо будетъ только побѣдить свою самолюбивую застѣнчивость и сдержать грубую вольность языка.

Но несправедливая судьба, передъ которой, вѣроятно, очень много грѣшилъ такой невинный и веселый пистолетъ, какъ Нельгинъ, готовила ему серьезное испытаніе. Смѣнилась или, кажется уѣхала на лѣто въ отпускъ классная дама, Ольга Петровна. Она была очень маленькая и сухая женщина, чрезвычайно строгая и холодная, но и справедливая. Первыя два качества вселяли въ мальчишекъ страхъ, третье—уваженіе. Однажды она въ воскресный день привела своего сына, долговязаго приготовительнаго гимназиста, поиграть съ ея мальчиками. Гимназистъ немножко форсилъ, показывалъ мускулы, шведскую гимнастику, перепрыгнулъ черезъ столъ (онъ говорилъ, что безъ разбѣга, но разбѣгъ былъ въ три шага), наконецъ, вызвалъ кого-нибудь изъ любителей подраться. Конечно, на это первымъ согласился Нельгинъ, а уже послѣ него, поддерживая свой престижъ главнаго силача, выступилъ Сурковъ, — однако Нельинъ не уступилъ ему очереди. Черезъ пять минутъ оба боксера были красные отъ крови. Ольга Петровна застала это зрѣлище и правосудно поставила въ уголъ и того и другого, а другія дѣти въ это время съ лицемѣрно-добродѣтельными лицами пили шоколадъ, приготовленный классной дамой для перваго знакомства приготовишки съ воспитанниками.

Но ушла Ольга Петровна, а на смѣну ея временно была назначена Вѣра Ивановна Теплоухова. Ее Нельгинъ зналъ еще по группѣ. Это была длинная, но при этомъ, коротконогая дѣвица, съ огромной лошадиной блѣдной мордой. Она всегда носила короткія юбки изъ-подъ которыхъ выглядывали невѣроятно большія ноги въ прюнелевыхъ башмакахъ съ ушками. Отъ нея всегда пахло какой-то вонючей пудрой, а между бровями росла бородавка, похожая цвѣтомъ на спѣлую малину, а формою — на рогъ носорога. Совсѣмъ неизвѣстно, гдѣ рокъ фабрикуетъ людей такой наружности и такого характера.

Самое же ужасное въ ней было то, что она была твердо убѣждена въ непоколебимости и вѣрности паульсоновскихъ анекдотовъ

и воскресныхъ прописей и каждое свое слово, взятое изъ книжки, считала священнымъ.

Конечно, она сразу же, по естественной антипатіи, возненавидѣла Нельгина, въ которомъ, даже и въ его юномъ возрастѣ, чувствовался настоящій анархистъ, — возненавидѣла такъ, какъ умѣютъ только ненавидѣть старыя, неудовлетворенныя, скучающія классныя дамы, изъ дѣвицъ. Ей претили и движенія Нельгина, и звукъ его голоса, и мелкія привычныя гримасы, и живость его воображенія, и еще многое, чего она себѣ объяснить не умѣла и о чемъ она потомъ забыла, какъ забыла о самомъ Нельгинѣ.

Врядъ ли кто-нибудь, кто не провелъ золотыхъ дней своего дѣтства въ закрытомъ учебномъ заведеніи, гдѣ нѣтъ ни вліянія семьи, ни педагогическаго контроля, можетъ представитъ себѣ всю сумму ничтожныхъ подлостей, уловокъ, придирокъ, кляузничества, злоупотребленія властью, на которыя способны классныя дамы, отвѣтственныя передъ родиной и Богомъ за воспитаніе будущихъ гражданъ. Это еще ничего, что Нельгина ежедневно оставляли безъ завтрака и обѣда — онъ и такъ почти ничего не ѣлъ, — и что его лишали свиданій — къ нему никто не приходилъ, — но Вѣра Ивановна выбрала съ терпѣніемъ и проницательностью инквизитора самое больное, чувствительное мѣсто: она заставляла его стоять столбомъ, во время общихъ прогулокъ. Въ это время другія дѣти катались на гигантскихъ шагахъ, строили великолѣпныя пещеры изъ земли и песка, или устраивали изъ вѣтокъ сады и огороды. А Нельгинъ стоялъ столбомъ, и стоялъ кому-то на зло добросовѣстно и терпѣливо. Игры товарищей ему были уже неинтересны. но тутъ же рядомъ простирался огромный лугъ, окаймленный густымъ лѣсомъ. Только потомъ, вернувшись въ эти мѣста уже почти старикомъ, онъ убѣдился, что лугъ былъ не болѣе ста квадратныхъ саженей, а лѣсъ — кусты жимолости, бузины и сирени. Но въ то время это были преріи и пампасы и льяносы. Стоялъ Нельгинъ столбомъ и думалъ: «Хорошо бы было нестись по этой цвѣтущей степи, скрививъ челюсть на бокъ, какъ будто закусивъ удила, склонивъ голову, галопомъ, — по этой необозримой степи, усѣянной ромашкой, одуванчиками и какими-то голубыми невѣдомыми цвѣтами и остро-пахучими травами. И, конечно, если-бы Нельгину сказали: «вотъ, тебѣ прощаются всѣ многочисленныя стоянія, которыя ты долженъ отбывать за свои провинности, но только обѣщай, что ты не побѣжишъ по травѣ«, — то онъ, ко-

нечно, обѣщалъ-бы искренно не побѣжать, но все-таки побѣжалъ-бы . . . Словомъ, въ мнѣніи воспитательницъ онъ на всегда оставался мальчикомъ-лгуномъ.

— Она ко мнѣ придирается, и я больше не могу. Совсѣмъ никакъ не могу. — говорилъ ночью Нельгинъ, сидя въ ногахъ у Амирова, а рядомъ съ нимъ, приподнявшись на локтѣ, лежалъ Юрьевъ. — Она ко мнѣ придирается, и нѣтъ больше моего никакого терпѣнія. Завтра я убѣгу, а вы — какъ хотите. Впрочемъ, это, конечно, будетъ свинство, и вы не товарищи. Читали вы «Дѣти капитана Гранта«? Пятнадцати лѣтъ былъ мальчикъ, а онъ командовалъ трехмачтовымъ кораблемъ: фокъ, бизань, такелажъ, гротъ. И тамъ другія вещи и шкоты. Ну, скажемъ, намъ по одиннадцати лѣтъ — все равно. Взять хлѣба, посолить, спрятать въ карманъ, потомъ мы пойдемъ на квартиру, гдѣ жила бабушка. Она теперь умерла, но остались хозяева: Сергѣй Фирсовичъ и Аглаида Семеновна — они меня знаютъ. Мама теперь въ Пензѣ, и они ни о чемъ не догадаются. Тамъ мы устроимъ ночлегъ. Хотя, конечно, есть и нѣкоторые, которые трусы и подлизы. . .

Это былъ съ его стороны дипломатическій подходъ. Въ темнотѣ Нельгинъ не видѣлъ, а какъ будто чувствовалъ, что Юрьевъ разстегнулъ ротъ, а Амировъ поднялъ голову, чтобы было удобно слушать.

— Ну, что-же? — продолжалъ Нельгинъ: — Ну, что-же? Насъ здѣсь мучаютъ, притѣсняютъ, изъ-за каждой ерунды ругаютъ и ставятъ стоять столбомъ. Вотъ, жаль, что война кончилась! Но очень просто удрать и въ Америку.

— Въ Америку: это на пароходѣ, — дѣловито замѣтилъ Амировъ.

— Да, на пароходѣ. Но можно и вплавь, то-есть не вплавь а на лодкѣ. А главное—нужно запастись провизіей и деньгами. Мы (онъ теперь уже говорилъ не «я«, а «мы«, — замѣчательный пріемъ всѣхъ агитаторовъ) переночуемъ у Сергѣй Фирсыча. Онъ намъ дастъ нѣсколько денегъ, потомъ мы садимся на желѣзную дорогу и ѣдемъ прямо въ Наровчатъ. Изъ Наровчата (меня тамъ всѣ знаютъ) — ѣдемъ въ наше имѣніе Щербаковку и Зубово (тутъ его фантазія разгорается, по обыкновенію), насъ встрѣчаютъ крестьяне. . . Молоко, деревенскія лепешки, все, что угодно. . . Я имъ продаю сто десятинъ лѣса, тогда мы надѣваемъ взрослое платье,

садимся опять на желѣзную дорогу и ѣдемъ въ Америку. Впрочемъ, это все я могу и одинъ, а вы — какъ хотите.

— Это вѣрная дорога, — сказалъ Юрьевъ.

Амировъ подумалъ и сказалъ шепотомъ, но вѣско:

— Да! А какъ убѣжишь, если она съ тебя глазъ не спускаетъ. А потомъ кто-нибудь профискалитъ. Потомъ, мы не знаемъ, какъ ѣхать по паровику. Да.

— Ну, паровикъ — это ерунда. Я все знаю. Завтра, на прогулкѣ, она будетъ ходить со своими любимчиками туда и сюда. Какъ повернулась спиной, — жжикъ въ кусты, а тамъ черезъ паркъ. Черезъ Яузу вплавь. До Кудринской площади дойдемъ къ вечеру, а потомъ, ужъ вы повѣрьте мнѣ, все будетъ, какъ слѣдуетъ. Я даю мое честное, благородное слово.

Нетрудно было ему увлечь мальчиковъ: Юрьева который всегда шелъ за смѣлымъ, предпріимчивымъ Нельгинымъ, и Амирова, которому стыдно было отказаться отъ компаніи изъ обязательнаго молодечества. Надо еще разъ отмѣтить, что Нельгинъ не хотѣлъ ихъ обманывать; онъ просто душой поэта и сердцемъ авантюриста вѣрилъ въ то, что все сдѣлается, какъ онъ предполагалъ.

На другой день на прогулкѣ вышло маленькое осложненіе. Вѣра Ивановна разсказывала мальчишкамъ о томъ, какъ летѣло стадо гусей, и навстрѣчу ему одинъ гусь. Была она зла и придирчива. Вѣроятно у нея былъ плохой желудокъ, или долго не получалось письмо до востребованія. Задача о гусяхъ очень заинтересовала Нельгина, и онъ просунулъ свою стриженную большую голову впередъ, забывъ въ эту минуту о своемъ побѣгѣ, хотя хлѣбъ съ солью у него былъ уже въ карманѣ. Но она увидѣла ненавистное ей лицо, понюхала, брезгливо сморщилась и сказала:

— Отъ тебя всегда пахнетъ воробьемъ.

У всѣхъ мальчишекъ лѣтомъ когда волосы немного выгораютъ, пахнетъ отъ головы птицей, но почему-то Нельгинъ обидѣлся и отвѣтилъ:

— А отъ тебя, дура, пахнетъ мышами. И потомъ ты старая, у тебя грязное лицо.

Готово. Нельгинъ стоитъ столбомъ. Вѣра Ивановна Теплоухова хватается за голову и кричитъ:

— Нѣтъ! Я больше не могу! Уберите мнѣ его отсюда, уведите этого гнуснаго мальчика, иначе я сама за себя не ручаюсь! Дядька! Гдѣ дядька! Дѣти мои! Никогда не берите примѣръ съ

этихъ глупыхъ и гадкихъ дѣтей. Нельгинъ! Будешь стоять во всѣ дни моихъ дежурствъ, на всегда, до самой могилы.

Нельгинъ стоялъ, глядѣлъ на солнце, жмурился и думалъ: «вотъ говорятъ, что только орлы прямо глядятъ въ лицо солнцу, а, вотъ, я не орелъ, а гляжу, хотя слезы текутъ градомъ«. Мальчики насыпали горсточку песку, обложили сырой землей, потомъ снизу отковырнули маленькую дверцу, осторожно пальцами выгребли песокъ — получился великолѣпный рыцарскій замокъ или разбойничья пещера. «Какіе дураки, — думаетъ Нельгинъ. — Тутъ нужно вставить прутикъ съ зеленымъ листикомъ — это будетъ флагъ, кругомъ воткнуть разные цвѣты, какіе попадутся, и получится дивный замковый садъ.« Но все-таки же однимъ краемъ своего сознанія онъ думалъ, что къ нему подойдутъ Амировъ и Юрьевъ. Выждавъ моментъ, они, правда, подошли къ нему, какъ заговорщики.

— Что-же, — спросилъ небрежно Нельгинъ: — слово дано. Бѣжимъ?

Оба помялись.

— Да все мнѣ равно. Я одинъ убѣгу. Потомъ вы обо мнѣ услышите, когда я буду милліонеромъ. Конечно я для васъ найду мѣста, вродѣ генераловъ. Только я прошу не фискалить. Я съ вами незнакомъ, вы со мной незнакомы.

Но мальчики уже были зачарованы новой игрой. Юрьевъ первый сказалъ:

— Такъ что-же? Разъ дали честное слово и клятву другъ другу, такъ пойдемъ?

Амировъ немножко замялся:

— Да вотъ я не знаю. . . папа придетъ въ воскресенье. . .

Но Нельгинъ уже овладѣлъ положеніемъ:

— Папа, папа. . . Подумаешь тоже: папа! Когда мы пріѣдемъ въ Наровчатъ, я ему вышлю цѣлый возъ битыхъ индюковъ, куръ, гусей, соболью шубу, тройку жеребцовъ, и сундукъ денегъ. Потомъ мы папу возьмемъ съ собою и будемъ вмѣстѣ съ нимъ обрабатывать Кордильеры.

Вѣра Ивановна ходила, по способу перипатетиковъ, взадъ и впередъ, окруженная толпою прилежныхъ учениковъ. Оставляю на ея. совѣсти все то, что она, невѣжественная и злая, говорила въ это время. Но только она поровнялась съ тремя заговорщиками, изъ которыхъ одинъ стоялъ съ идіотскимъ лицомъ, скосивъ глаза,

другой рвалъ и нюхалъ какія-то травки, а третій предавался танцовальному искусству — поровнялась и проплыла мимо, какъ они, всѣ трое бросились въ кусты.

Это была совсѣмъ неизвѣстная дорога. Тамъ разрослись — волчья ягода, жимолость, бузина, глухая крапива, лопухи, дикій тминъ, божьи дудки, просвирнякъ и очень сильно пахло грибами. Сначала очень трудно было оріентироваться. Мальчикамъ казалось, что они катятся по какому-то безконечному лѣсному обрыву; затѣмъ чаща немного порѣдѣла, показалась дорожка. Побѣжали по ней, долго кружили. Одно время имъ послышались дѣтскіе голоса. Нельгинъ распозналъ, что они приближаются къ той части парка, которая отведена для дѣвочекъ. Стало быть нужно было бѣжать отъ голосовъ. Очутились совсѣмъ въ незнакомомъ мѣстѣ. Тамъ текла черная, вонючая быстрая рѣка Яуза, а можетъ быть ея притокъ. Тутъ дрогнула приличная душа Амирова. Онъ сказалъ:

— Не лучше ли мы оставимъ это на потомъ? Во-первыхъ, ко мнѣ придетъ въ воскресенье отецъ, и, кромѣ того, я забылъ переписать чистописаніе.

Какой рѣшительный характеръ былъ у Нельгина! Четыре забытыхъ доски, вѣроятно остатки портомойни или временнаго моста гнили въ водѣ у берега. Нельгинъ сказалъ съ тѣмъ величіемъ, которое смѣшно въ дѣтяхъ и остается навѣки въ исторіи взрослыхъ.

— Ну что-же, Амировъ? Это твое дѣло. А вотъ мы съ Юрьевымъ сейчасъ переплывемъ рѣку и потомъ дальше. Юрьевъ! Снимай обшлага! Сейчасъ же!

Юрьевъ сорвалъ красный кумачъ съ воротника и съ рукавовъ. Это сейчасъ-же сдѣлалъ и Нельгинъ. Амировъ какъ- будто поколебался одну секунду, но благоразуміе взяло верхъ.

— Прощайте.

— Все-таки ты не профискалишь? — спросилъ для вѣрности Нельгинъ.

— Честное слово! Вотъ, ей-Богу!

Амировъ ушелъ. Ребятишки сѣли на неустойчивый плотъ и кое-какъ, обмакивая руки въ воду и заставляя доску двигаться движеніемъ тѣлъ, добрались до противоположнаго берега. Вѣроятно, кто-то невѣдомый, но добродушный руководилъ ихъ движеніями: если бы они скувырнулись, то такъ бы и потонули, какъ камни, потому что берега у рѣки были обрывисты, а сама рѣка

была глубокая, и плавать они оба не умѣли. Выбрались ползкомъ на противоположный берегъ и только тогда ясно почувствовали, что всѣ расчеты съ прошлымъ покончены.

И тотчасъ же они услышали лай, подобный грому. Два большихъ холеныхъ сенбернара летѣли прямо на нихъ.

Надо сказать, что мальчики, если и видали собакъ, то только на картинкѣ, но эти разинутыя пасти, красные языки, частое дыханіе, громкій лай — это уже была дѣйствительность. Старая, корявая дуплистая ива висѣла надъ рѣчкой. Первый Юрьевъ, а за нимъ Нельгинъ, съ быстротой обезьянъ, вкорабкались на вѣтви и сидѣли, поджавъ подъ себя мокрыя ноги, дрожа отъ ужаса.

Пришелъ какой-то человѣкъ, грязный, съ чернымъ лицомъ, заставилъ собакъ замолчать, спросилъ мальчиковъ:

— Откуда вы?

Нельгинъ началъ вдохновенно лгать. Немножко ему вспомнилась «Красная Шапочка«:

— Мы идемъ въ Кудрино, къ бабушкѣ. И вотъ заблудились. Какъ бы намъ пройти?

Черный человѣкъ все-таки оказался менѣе страшнымъ, чѣмъ собаки. Подъ его покровительствомъ они пошли въ контору къ управляющему желѣзодѣлательнаго завода «Дангаузеръ и К:о«. Толстый, опившійся пивомъ и очень спокойный нѣмецъ спрашивалъ ихъ почти тоже самое, что и черный человѣкъ, но очень лѣниво и равнодушно. Нитки не особенно ловко собранныхъ обшлаговъ, однако, навели его на почти правильную мысль:

— А все-таки, вы, можетъ быть, изъ этихъ самыхъ, какъ его называется? Елизаветинское училище?

Елизаветинскій институтъ былъ рядомъ съ пансіономъ, и если бы онъ сказаль изъ «Разумовскаго«, то, вѣроятно, мальчики отдались бы на волю побѣдителя. Но этотъ промахъ былъ въ руку Нельгину.

— Помилуйте! Елизаветинскій институтъ это — женскій институтъ, а мы просто просимъ указать дорогу.

Нѣмецъ ихъ отпустилъ, сказавъ, однако, черному человѣку:

— Ты гляди, чтобы чего-нибудъ не сперли.

Черный человѣкъ проводилъ ихъ до вторыхъ воротъ по двору, гдѣ, въ свѣтѣ угасавшаго лѣтняго дня, цвѣтились радугой лужи, валялись обломки желѣза и сильно пахло хлоромъ.

Мальчики не знали, гдѣ они находятся, и, выйдя на улицу, сейчасъ же очутились около Андроніевскаго монастыря. Какъ ни страннымъ покажется, но когда они спрашивали у прохожихъ, какъ пройти въ Кудрино, то большей частью получали отвѣтъ, либо насмѣшливый, либо явно лживый: «Поверни направо, потомъ еще направо, тамъ увидишь трубу, а надъ трубой сапожникъ, а надъ сапожникомъ пирожникъ, а у парикмахера напудрено — тамъ и увидишь Кудрино«, или: «Вы, мальчики, идите все прямо, никуда не сворачивая. А гдѣ ваши папа-мама? Ай, ай, ай! Такіе маленькіе мальчики ходятъ одни! Какъ ваши фамиліи?«

Но чутье подсказало Нельгину не вѣрить глумливымъ указаніямъ и не отвѣчать на вопросы. Уже начался вечеръ. . . Юрьевъ куксился, говорилъ о томъ, что онъ, конечно, пошелъ бы за Нельгинымъ на край свѣта, но только одно ему жаль, что онъ оставилъ въ пансіонѣ кошелекъ съ семью копѣйками и, образокъ — благословеніе покойной матери (она и не думала умирать). Нельгинъ понималъ, что уступить, поколебаться, сдаться — значитъ потерять все и сдѣлаться навѣки смѣшнымъ. И онъ, по-своему, былъ великъ въ эти минуты.

— Давай, — говорилъ онъ Юрьеву, — прикинемся, что мы — бродячіе итальянцы.

И когда мимо нихъ проходилъ страшный-взрослый, онъ начиналъ оживленно лепетать:

— Молякаля села маламъ? Лямъ па ля то налямъ калямъ.

Отъ нихъ прохожіе шарахались. Неизвѣстно, что они о нихъ думали. Вѣроятно, думали, что, вотъ, выпустили откуда-то двухъ сумасшедшихъ идіотовъ. Инстинктъ бродячаго круговращенія иногда заводилъ ихъ къ фонтанамъ, которые льютъ свою воду въ широкіе бассейны. Мальчики пили воду, какъ собаки, лакали ее, и — о, подлая, безсердечная Москва! — одинъ разъ, когда Нельгинъ утолялъ жажду, какой-то взрослый болванъ, верзила разносчикъ, снялъ со своей головы лотокъ, поставилъ его бережно на мостовую и равнодушно, но расчетливо ударилъ мальчика по затылку. Нельгинъ захлебнулся и едва раздышался. Былъ еще одинъ жуткій моментъ, когда они очутились въ центрѣ города и шли по какой-то людной, узкой, богатой улицѣ, и спросили когда-то какъ пройти въ Кудрино. Вѣжливый, на этотъ разъ добродушный и, должно быть, честный, человѣкъ сказалъ:

— Вамъ нужно вернуться назадъ и повернуть въ слѣдующую улицу налѣво. Тогда вы попадете, какъ слѣдуетъ.

Но мальчики такъ устали, что одно слово «назадъ« для нихъ казалось страшнымъ, и поэтому они предпочитали итти упорно и безсмысленно по прямому направленію. Отъ Лефортова до Кудрина по циркулю и по масштабу около восьми верстъ. Вѣроятно, ребятишки, со всѣми нелѣпыми кривулями сдѣлали верстъ больше двадцати, но, все-таки, они, наконецъ, дошли до Кудрина и нашли, противъ Вдовьяго Дома, домъ и квартиру, гдѣ когда-то, года два тому назадъ, жила бабушка.

Сергѣй Фирсовичъ и его жена были немножко удивлены позднему посѣщенію, однако, въ память прекрасной покойной женщины и побѣжденные краснорѣчіемъ Нельгина, они оказали мальчикамъ гостепріимство. Это имъ было тѣмъ легче сдѣлать, что комната, гдѣ раньше жила бабушка (одно окно въ коридоръ), случайно пустовала. Нельгинъ, усталый, изодранный вралъ изъ послѣднихъ силъ:

— Мама теперь въ Петровскомъ паркѣ. Мы туда ѣхали, потеряли деньги. Я и мой товарищъ заблудились. Боимся поздно ночью возвращаться.

Имъ предложили чаю съ булкой. Юрьевъ склоненъ былъ попить и поѣсть, но Нельгинъ былъ остороженъ.

«А вдругъ догадаются, что мы ничего не ѣли«?

— Спасибо: мы только что пообѣдали.

Ахъ какъ трудно было съ Юрьевымъ, съ этимъ слабовольнымъ получеловѣкомъ, который каждую секунду готовъ былъ расплакаться. Постелили имъ на полъ одѣяло и подушку. Юрьевъ дрожалъ. Рядомъ Сергѣй Фирсовичъ шаркалъ туфлями. Онъ служилъ въ городской думѣ писаремъ и раньше, еще во времена бабушки не безъ остроумія говорилъ о себѣ: «У насъ въ думѣ есть гласные и безгласные. Такъ я — безгласный«. У него и у жены не было дѣтей, но зато у нихъ было шесть или семь собаченокъ, маленькихъ, черныхъ, короткошерстыхъ, съ рыжими пятнами надъ глазами. По утрамъ Сергѣй Фирсовичъ читалъ газету, а вечеромъ кормилъ собакъ вареной печенкой, шаркалъ туфлями и что-то про себя бормоталъ.

Но Нельгинъ зналъ отлично, что собаки печенку не доѣдаютъ; поэтому онъ сказалъ Юрьеву:

— Теперь лежи, не шевелись. Сейчасъ я достану «пищу«.

И, правда, ощупью въ темнотѣ онъ набрелъ на тарелку съ печенкой (сытыя собаки поворчали на него, но, обнюхавъ, успокоились) и принесъ ее Юрьеву. Должно быть, въ печенкѣ вѣсу было около полуфунта, но этого хватило, и затѣмъ. . . блаженный сонъ усталыхъ тружениковъ, безъ сновидѣній, безъ просыпу. . .

Наступило утро. Мальчики проснулись освѣженные. Нельгина не оставилъ духъ предпріимчивости, но зато въ Юрьевѣ угасъ вчерашній огонь и изсякла энергія. Какъ настоящая тверская баба, онъ спросилъ, кривя ротъ и дергая носомъ:

— Что мы будемъ дѣлать дальше?

На это Нельгинъ не могъ бы отвѣтить откровенно, потому что немного протрезвившись онъ самъ не зналъ своей дальнѣйшей судьбы. Онъ однако сообразилъ, что Сергѣй Фирсовичъ сегодня еще не шелестѣлъ газетой, но что газета уже подсунута почтальономъ въ дверную щелку, и что въ газетахъ обыкновенно печатаютъ о бѣглыхъ мальчикахъ: стало быть, нужно было уйти до того момента, когда Сергѣй Фирсовичъ развернетъ свой шелестящій листъ. Милый, добрый Сергѣй Фирсовичъ! Да будетъ тебѣ земля пухомъ: ты, должно-быть, о чемъ-то догадывался, но ни однимъ нескромнымъ вопросомъ ты не смутилъ бѣглецовъ. Ты предложилъ имъ чаю. Они отвѣтили: — Спасибо мы очень торопимся (этакіе дѣловые люди!). . . И отпустилъ ихъ съ миромъ.

До сей поры почти всѣ предположенія Нельгина сбылись. Теперь осталось только сѣсть на желѣзную дорогу и поѣхать въ изумительный городъ Наровчатъ къ своимъ крѣпостнымъ-вѣрноподданнымъ. Мы всѣ знаемъ, что человѣческая воля иногда творитъ чудеса, но, все-таки, нужны кое-какія знанія, увѣренность въ себѣ, большой ростъ, громкій голосъ, усы и многое другое, можетъ быть даже и лишнее. Очутившись на улицѣ, Юрьевъ занылъ:

— Хочу домо-ой, въ пансіо-о-нъ!

— Это подло, — сказалъ Нельгинъ, зная, впрочемъ, въ глубинѣ души, что дѣло кончится сдачей. — Это свинство! Не по-товарищески! Ты же давалъ честное слово.

— Бою-юсь!

— Ладно, — сказалъ Нельгинъ: — только сначала сходимъ въ зоологическій садъ.

— Да-а. У насъ денегъ нѣтъ.

— Ничего. Ты, какъ я. Я знаю.

Знанія его были не особенно высокаго качества. Нужно было пройти новые триста шаговъ. Направо каланча, налѣво церковь Покрова, затѣмъ налѣво какіе-то пруды, направо зоологическій садъ, между ними мостъ. Нужно такъ: мостъ пройти, затѣмъ перелѣзть черезъ барьеръ и имѣть мужество прыгнуть прямо въ болото до пояса: тогда ты не проходишь черезъ контроль. Нельгинъ объ этомъ слышалъ раньше отъ мальчишекъ, но самъ онъ прыгалъ въ первый разъ. Вымазался весь, какъ чортъ. Юрьеву нечего было дѣлать: оставаться одному было страшнѣе и, поэтому, онъ сиганулъ вслѣдъ. Съ независимымъ видомъ, грязные, со слѣдами оторванныхъ лацкановъ, невыспавшіеся, они посѣтили и какаду, и страуса, причемъ Нельгинъ стравилъ ему большой камень и найденный на дорожкѣ ключъ отъ карманныхъ часовъ, посѣтили и слоновъ, и тигровъ, и многихъ птицъ, и вонючихъ хорьковъ, и лисъ, и гиппопотама, который высовывалъ изъ густой лужи разинутую морду, похожую на чемоданъ съ розовой подкладкой; подразнили обезьянъ и потрогали колючаго дикобраза. Почему никто не остановилъ ихъ, это до сихъ поръ остается загадкой. Вѣроятно, все-таки, человѣческая воля это — область, до сихъ поръ неизслѣдованная.

Пришлось возвращаться назадъ. Юрьевъ пересталъ плакать и только подзуживалъ Нельгина:

— Ты скажи, что это ты затѣялъ, а я только такъ.

На этотъ разъ путь былъ не такъ дологъ. Помогли и безсознательная животная память мѣстности, и дневной свѣтъ. Часамъ къ тремъ пришли въ училище. У воротъ стояли какіе-то дворники, прачки, полотеры, кухарки. Странно, что на мальчиковъ никто изъ нихъ не обратилъ никакого вниманія, и такъ они долго не знали, въ чьи правосудныя руки они отдадутъ свою судьбу. Довольно быстро ихъ все-таки схватили, отвели въ лазаретъ и разсадили въ разныя комнаты, со строгимъ запрещеніемъ видаться другъ съ другомъ.

Тяжело было одиночество: ни книгъ, ни разговоровъ, и, вдобавокъ, Юрьевъ оказался совсѣмъ дуракомъ: одиннадцатилѣтній Нельгинъ додумался до сигнализаціи стукомъ, а этотъ маленькій старикъ, будущій взрослый трусъ, не отозвался ни однимъ ударомъ въ стѣну. Отъ нечего дѣлать Нельгинъ вспомнилъ и рѣшилъ почти всѣ ариѳметическія задачи, и въ умѣ подзубрилъ слова на ять. Но вотъ, однажды, около полудня, раздались каменные шаги въ коридорѣ и звонъ кололкольчиковъ.

«Ну, все равно, выдерутъ, — подумалъ онъ. — А, вдругъ, я возьму и умру? Потомъ они всѣ будутъ жалѣть«. . . — Словомъ, тѣ мысли, которыя кому только изъ мальчишекъ не приходили въ голову. . . Онъ не зналъ того, что въ это время княгиня Г. уступала свое почетное мѣсто княжнѣ Л. и, поэтому, въ его лазаретную каморку вошла не только его строгая начальница, но и новая владычица его души и тѣла, а съ ними вмѣстѣ пять-шесть веселыхъ свѣтскихъ барынь и почти всѣ утлыя классныя дамы.

— Вотъ посмотрите, если угодно, — сказала княгиня: — сокровище. Конечно надо было бы отдать его въ арестанскія роты. Поглядите, какое ужасное лицо. Вотъ съ чѣмъ вамъ придется бороться, милая княжна. Къ намъ присылаютъ Богъ знаетъ какихъ дѣтей.

Но полная дама, съ очень милымъ, толстымъ, простымъ и добрымъ лицомъ, возразила вѣжливо:

— Ну, ничего: широкій лобъ, зоркіе глаза. Можетъ быть, упрямая воля. Много шансовъ, что онъ пропадетъ, но можетъ быть. . .

— Вы смотрите черезъ розовые очки.

— Нѣтъ, мнѣ просто не хотѣлось бы начинать дѣло съ жестокаго наказанія.

— Итакъ, княжна, вы считаете возможнымъ допустить его къ экзамену?

— Конечно, я согласна напередъ съ вашимъ мнѣніемъ, княгиня, но одинъ маленькій опытъ, если позволите. . .

— О, конечно. Прошу васъ.

— Благодарю васъ. Вы очень любезны.

И онѣ всѣ ушли въ томъ же порядкѣ, какъ и пришли. Такъ какъ онѣ говорили по-французски, то Нельгинъ ровно ничего не понялъ, но, какъ могъ, онъ все-таки переводилъ разговоръ на свой языкъ. Ему казалось, что прежняя начальница сказала:

— Не выпороть-ли намъ этого мальчишку?

А другая сказала:

— Нѣтъ зачѣмъ-же: онъ такой маленькій.

А потомъ, вдругъ, какъ во всѣхъ разсказахъ, случилось чудо. Только затихли многочисленные женскіе голоса, какъ вдругъ Нельгинъ услыхалъ легкіе шаги. Трудно было предполагать, что эта большая, высокая дама могла идти такъ легко. Онъ слышалъ только два слова, брошенныя ею кому-то вдаль коридора.

— Pardon, princesse.

Она вошла въ скучную больничную комнату, взяла шершавую голову мальчика двумя ладонями, приподняла ее кверху, внимательно-долго поглядѣла ему въ глаза, точно читая въ нихъ будущее Нельгина, потомъ погладила отъ лба къ затылку его колючую шерсть и сказала:

— Ты, мальчикъ, ничего не бойся. Сейчасъ я тебѣ пришлю куринаго бульона и краснаго вина. Ты, видно, давно ничего не ѣлъ и совсѣмъ блѣдный. Только ничего не говори никому. А что экзамены ты выдержишь прекрасно, я въ этомъ увѣрена.

А Н А Ѳ Е М А*)

— Отецъ дьяконъ, полно тебѣ свѣчи жечь, не напасешься, сказала дьяконица. — Время вставать.

Эта маленькая, худенькая, желтолицая женщина, бывшая епархіалка, обращалась со своимъ мужемъ черезвычайно строго. Когда она была еще въ институтѣ, тамъ господствовало мнѣніе, что мужчины — подлецы, обманщики и тираны, съ которыми надо бытъ жестокими. Но протодьяконъ вовсе не казался тираномъ. Онъ совершенно искренно боялся своей немного истеричной, немного припадочной дьяконицы. Дѣтей у нихъ не было, дьяконица оказалась безплодной. Въ дьяконѣ же было около девяти съ половиной пудовъ чистаго вѣса, грудная клѣтка — точно корпусъ автомобиля, страшный голосъ, и при этомъ та нѣжная снисходительность, которая свойственна только чрезвычайно сильнымъ людямъ по отношенію къ слабымъ.

Приходилось протодьякону очень долго устраивать голосъ. Это противное, мучительно-длительное занятіе, конечно, знакомо всѣмъ, кому случалось пѣть публично: смазывать горло, полоскать его растворомъ борной кислоты, дышать паромъ. Еще лежа въ постели, отецъ Олимпій пробовалъ голосъ.

Vіа... кмм!... Vіа-а-а!... Аллилуія, аллилуія... Обаче... кмм!... Ма-ма... Мам-ма...

Не звучитъ голосъ, — подумалъ онъ. — Вла-ды-ко-бла-го-слови-и-и... Км...

Совершенно такъ же, какъ знаменитые пѣвцы, онъ былъ подверженъ мнительности. Извѣстно, что актеры блѣднѣютъ и крестятся пе-

*) Разсказъ Анаѳема появился въ томѣ X сочиненій автора незадолго передъ революціей и былъ причиной того, что этотъ томъ былъ немедленно запрещенъ къ продажѣ и въ порядкѣ конфискацій изъятъ изъ всѣхъ книжныхъ магазиновъ. Въ послѣдующихъ изданіяхъ X тома печаталось на одной изъ страницъ лишь заглавіе, а подъ нимъ, до низа страницы линіи изъ точекъ. Такимъ образомъ, печатаемый въ настоящемъ изданіи этотъ разсказъ появляется какъ бы впервые.

редъ выходомъ на сцену. О. Олимпій, вступая въ храмъ, крестился по чину и по обычаю. Но нерѣдко, творя крестное знаменіе, онъ также блѣднѣлъ отъ волненія и думалъ: «ахъ не сорваться бы!« Однако, только одинъ онъ во всемъ городѣ, а можетъ быть и во всей Россіи, могъ бы заставить въ тонѣ ре-фисъ-ля звучать старинный, темный, съ золотомъ и мозаичными травками старинный соборъ. Онъ одинъ умѣлъ наполнить своимъ мощнымъ звѣринымъ голосомъ всѣ закоулки стараго зданія и заставить дрожать и звенѣть въ тонъ хрустальныя стекляшки на паникадилахъ.

Жеманная кислая дьяконица принесла ему жидкаго чаю съ лимономъ и, какъ всегда по воскресеньямъ — стаканъ водки. Олимпій еще разъ попробовалъ голосъ: — Ми. . . ми . . фа. . . Ми-ро-носицы. . . Эй, мать, — крикнулъ онъ въ другую комнату дьяконицѣ, — дай мнѣ ре на фисгармоніи.

Жена протянула длинную унылую ноту.

— Км. . . км. . . колеснице-гонителю фараону. . . Нѣтъ, конечно, спалъ голосъ. Да и чортъ подсунулъ мнѣ этого писателя, какъ его?

Отецъ Олимпій былъ большой любитель чтенія, читалъ много и безъ разбора, а фамиліями авторовъ рѣдко интересовался. Семинарское образованіе, основанное главнымъ, образомъ, на зубрежкѣ, на читкѣ «устава«, на необходимыхъ цитатахъ изъ отцовъ церкви, развило его память до необыкновенныхъ размѣровъ. Для того, чтобы заучить наизусть цѣлую страницу изъ такихъ сложныхъ писателей-казуистовъ, какъ Блаженный Августинъ, Тертулліанъ, Оригенъ Адамантовый, Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ, ему достаточно было только пробѣжать глазами строки, чтобы ихъ запомнить наизусть. Книгами снабжалъ его студентъ изъ Виѳанской Академіи Смирновъ, и какъ разъ передъ этой ночью онъ принесъ ему прелестную повѣсть о томъ какъ на Кавказѣ жили солдаты, казаки, чеченцы, какъ убивали другъ друга, пили вичо, женились и охотились на звѣрей.

Это чтеніе взбудоражило стихійную протодіаконскую душу. Три раза подъ рядъ прочиталъ онъ повѣсть и час то во время чтенія плакалъ и смѣялся отъ восторга, сжималъ кулаки и ворочался съ боку на бокъ своимъ огромнымъ тѣломъ. Конечно, лучше бы ему было быть охотникомъ, воиномъ, рыболовомъ, пахаремъ, а вовсе не духовнымъ лицомъ.

* * *

Въ соборъ онъ всегда приходилъ немного позднѣе, чѣмъ полагалось. Такъ же, какъ знаменитый баритонъ въ театръ. Проходя въ южныя двери алтаря, онъ въ послѣднiй разъ, откашливаясь, попробовалъ голосъ: Км, км. . . — звучи́тъ въ ре, — подумалъ онъ. — А этотъ подлецъ непремѣнно задастъ въ до-дiэзъ. — Все равно, я переведу хоръ на свой тонъ.

Въ немъ проснулась настоящая гордость любимца публики, баловня всего города, на котораго даже мальчишки собирались глазѣть съ такимъ же благоговѣнiемъ, съ какимъ они смотрятъ въ раскрытую пасть мѣднаго геликона въ военномъ оркестрѣ на бульварѣ.

Вошелъ архiепископъ и торжественно былъ водворенъ на свое мѣсто. Митра у него была надѣта немного на лѣвый бокъ. Два иподiакона стояли по бокамъ съ кадилами и въ тактъ бряцали ими. Священство въ свѣтлыхъ праздничныхъ ризахъ окружало архiерейское мѣсто. Два священника вынесли изъ алтаря иконы Спасителя и Богородицы и положили ихъ на аналой.

Соборъ былъ на южный образецъ и въ немъ, на подобiе католическихъ церквей, была устроена дубовая рѣзная каѳедра, прилѣпившаяся въ углу храма, съ винтовымъ ходомъ вверхъ.

Медленно, ощупывая ступеньку за ступенькой и бережно трогая руками дубовые поручни — онъ всегда боялся, какъ бы не сломать чего-нибудь по нечаянности, — поднялся протодiаконъ на каѳедру, откашлялся, потянулъ изъ носа въ ротъ, плюнулъ черезъ барьеръ, ущипнулъ камертонъ, перешелъ отъ до къ ре, и началъ:

— Благослови, преосвященнѣйшiй владыко.

«Нѣтъ, подлецъ-регентъ, — подумалъ онъ, — ты при владыкѣ не посмѣешь перевести мнѣ тонъ.« Съ удоволствiемъ онъ въ эту минуту почувствовалъ, что его голосъ звучитъ гораздо лучше,чѣмъ обыкновенно, переходитъ свободно изъ тона въ тонъ и сотрясаетъ мягкими глубокими вздохами весь воздухъ собора.

Шелъ чинъ православiя въ первую недѣлю Великаго поста. Пока о. Олимпiю было не много работы. Чтецъ бубнилъ неразборчиво псалмы, гнусавилъ дьяконъ изъ академиковъ — будущiй профессоръ гомилетики.

Протодiаконъ время отъ времени рычалъ: «Вонмемъ«. . . «Господу помолимся«. Стоялъ онъ на своемъ возвышенiи огромный, въ золотомъ, парчевомъ, нагнувшемся стихарѣ, съ черными съ сѣди-

ной волосами, похожими на львиную гриву, и время отъ времени постоянно пробовалъ голосъ. Церковь была вся набита какими-то слезливыми старушонками и сѣдобородыми толстопузыми старичками, похожими не то на рыбныхъ торговцевъ, не то на ростовщиковъ.

— Странно, — вдругъ подумалъ Олимпій, — отчего это у всѣхъ женщинъ лица, если глядѣть въ профиль, похожи либо на рыбью морду, либо на куриную голову«... Вотъ и дьяконица тоже...

Однако профессіональная привычка заствляла его все время слѣдить за службой по требнику XVII столѣтія. Псаломщикъ кончилъ молитву: «Всевышній Боже, Владыко и Создателю всея твари.« Наконецъ, аминь.

Началось утвержденіе православія.

«Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ; Ты еси Богъ, творяй чудеса единъ.«

Распѣвъ былъ крюковой, неособенно ясный. Вообще, послѣдованіе въ недѣлю Православія и чинъ анаѳематствованія можно видоизмѣнять, какъ угодно. Уже того достаточно, что святая церковь знаетъ анаѳематствованія, написанныя по спеціальнымъ поводамъ: проклятіе Ивашкѣ Мазепѣ, Стенькѣ Разину, еретикамъ: Арію, иконоборцамъ, протопопу Аввакуму и т. д., и т. д.

Но съ протодіакономъ случилось сегодня что-то странное, чего съ нимъ еще никогда не бывало. Правда, его немного развезло отъ той водки, которую ему утромъ поднесла жена.

Почему-то его мысли никакъ не могли отвязаться отъ той повѣсти, которую онъ читалъ въ прошедшую ночь, и постоянно въ его умѣ, съ необычайной яркостью, всплывали простые, прелестные и безконечно увлекательные образы. Но, безошибочно слѣдуя привычкѣ, онъ уже окончилъ символъ вѣры, сказалъ «аминь« и по древнему ключевому распѣву возгласилъ: «сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди.«

Архіепископъ былъ большой формалистъ, педантъ и капризникъ. Онъ никогда не позволялъ пропускать ни одного текста ни изъ канона преблаженнаго отца и пастыря Андрея Критскаго, ни изъ чина погребенія, ни изъ другихъ службъ. И о. Олимпій, равнодушно сотрясая своимъ львинымъ ревомъ соборъ и заставляя тонкимъ дребезжащимъ звукомъ звенѣть стеклышки на люстрахъ, проклялъ, анаѳемствовалъ и отлучилъ отъ церкви: иконоборцевъ, всѣхъ древнихъ еретиковъ, начиная съ Арія, всѣхъ держащихся

ученія Итала, немонаха Нила, Константина-Булгариса и Ириника, Варлаама и Акиндина, Геронтія и Исаака Аргира, проклялъ обидящихъ церковь, магометанъ, богомоловъ, жидовствующихъ, проклялъ хулящихъ праздникъ Благовѣщенія, корчемниковъ, обижающихъ вдовъ и сиротъ, русскихъ раскольниковъ, бунтовщиковъ и измѣнниковъ: Гришку Отрепьева, Тимошку Акундинова, Стеньку Разина, Ивашку Мазепу, Емельку Пугачева, а также всѣхъ принимающихъ ученіе, противное православной вѣрѣ.

Потомъ пошли проклятія категорическія: непріемлющимъ благодати искупленія, отмещущимъ вся таинства святыя, отвергающимъ соборы святыхъ отцовъ и ихъ преданія.

«Помышляющимъ, яко православніи государи возводятся на престолы не по особливому отъ нихъ Божію благоволенію, и при помазаніи дарованія святаго духа къ прохожденію великаго сего званія въ нихъ не изливаются, и тако дерзающимъ противу ихъ на бунтъ и измѣну. Ругающимъ и хулящимъ святыя иконы.« И на каждый его возгласъ хоръ уныло отвѣчалъ ему нѣжными, стонущими, ангельскими голосами: «анаѳема«.

Давно въ толпѣ истерически всхлипывали женщины.

Протодіаконъ подходилъ уже къ концу, какъ къ нему на каѳедру взобрался псаломщикъ съ краткой запиской отъ отца протоіерея: по распоряженію преосвѣщеннѣйшаго владыки анаѳемствовать болярина Льва Толстого. «См. требникъ, гл. л.« — было приписано въ запискѣ.

Отъ долгаго ченія у о. Олимпія уже болѣло горло. Однако онъ откашлялся и опять началъ: «Благослови, преосвященнѣйшій Владыко«. Скорѣе онъ не разслышалъ, а угадалъ слабое бормотаніе старенькаго архіерея.

«Протодіаконство твое да благословитъ Господь Богъ нашъ, анаѳемствовати богохульника и отступника отъ вѣры Христовой, блядословно отвергающаго святыя тайны Господни болярина Льва Толстого. Во имя. Отца, и Сына, и Святаго Духа«.

И вдругъ Олимпій почувствовалъ, что волосы у него на головѣ топорщатся въ разныя стороны, и стали тяжелыми и жесткими, точно изъ стальной проволоки. И въ тотъ же моментъ съ необыкновенной ясностью всплыли прекрасные слова вчерашней повѣсти:

«. . . очнувшись, Ерошка поднялъ голову и началъ пристально всматриватся въ ночныхъ бабочекъ, которыя вились надъ колыхавшимся огнемъ свѣчи и попадали въ него.

«—Дура! дура! — заговорилъ онъ — Куда летишь? Дура! дура! — Онъ приподнялся и своими толстыми пальцами сталъ отгонять бабочекъ.

«—Сгоришь, дурочка, вотъ сюда лети, мѣста много, — приговаривалъ онъ нѣжнымъ голосомъ, стараясь своими толстыми пальцами учтиво поймать ее за крылышки и выпустить.

«—Сама себя губишь, а я тебя жалѣю«.

— Боже мой, кого это я проклинаю; — думалъ въ ужасѣ дьяконъ. — Неужели его? Вѣдь я же всю ночь проплакалъ отъ радости, отъ умиленія, отъ нѣжности.

Но, покорный тысячелѣтней привычкѣ, онъ ронялъ ужасныя, потрясающія слова проклятія, и они падали въ толпу, точно удары огромнаго мѣднаго колокола. . .

. . . Бывшій попъ Никита и чернцы Сергій, Савватій, да Савватій же, Дорофей и Гавріилъ . . . святыя церковныя таинства хулятъ, а покаяться и покориться истинной церкви не хощутъ; всѣ за такое богопротивное дѣло да будутъ прокляти . . .

Онъ подождалъ немного, пока въ воздухѣ не устоится его голосъ. Теперь онъ былъ красенъ и весь въ поту. По обѣимъ сторонамъ горла у него вздулись артеріи, каждая въ палецъ толщиной.

«А то разъ сидѣлъ на водѣ, смотрю зыбка сверху плыветъ. Вовсе цѣлая, только край отломанъ. То-то мысли пришли. Чья такая зыбка? Должно, думаю, ваши черти солдаты въ аулъ пришли, чеченокъ побрали, ребеночка убилъ какой-то чертъ: взялъ за ножки, да объ уголъ! Развѣ не дѣлаютъ такъ-то? Эхъ, души нѣтъ въ людяхъ! И такія мысли пришли, жалко стало. Думаю: зыбку бросили и бабу угнали, домъ сожгли, а джигитъ взялъ ружье, на нашу сторону пошелъ грабить.«

. . . Хотя искусити Духъ Господень по Симону волхву и по Ананію и Сапфирѣ, яко песъ возвращаяся на свои блевотины, да будутъ дни его мали и зли, и молитва его да будетъ въ грѣхъ, и діаволъ да станетъ въ десныхъ его и да изыдетъ осужденъ, въ родѣ единомъ да погибнетъ имя его, и да истребится отъ земли память его . . . И да пріидетъ проклятство и анаѳема не точію сугубо и трегубо, но многогубо . . . Да будутъ ему Каиново трясеніе, Гіезіево прокаженіе, Іудино удавленіе, Симона волхва погибель, Аріево тресновеніе, Ананіи и Сапфири внезапное издохновеніе . . да будетъ отлученъ и анаѳемствованъ и по смерти не прощенъ,

и тѣло его да не разсыплется и земля его да не пріиметъ, и да будетъ часть его въ геенѣ вѣчной и мученъ будетъ день и нощь . . .

Но четкая память все дальше и дальше подсказывала ему прекрасныя слова:

«Все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку. Ни въ чемъ грѣха нѣтъ. Хоть съ звѣря примѣръ возьми. Онъ и въ татарскомъ камышѣ живетъ, и въ нашемъ живетъ. Куда придетъ, тамъ и домъ. Что Богъ далъ, то и лопаетъ. А наши говорятъ, что за это будемъ сковороды лизать. Я такъ думаю, что все одна фальшь«.

Протодіаконъ вдругъ остановился и съ трескомъ захлопнулъ древній требникъ. Тамъ дальше шли еще болѣе ужасныя слова проклятій, тѣ слова, которыя, на ряду съ чиномъ исповѣданія мірскихъ человѣкъ, могъ выдумать только узкій умъ иноковъ первыхъ вѣковъ христіанства.

Лицо его стало синимъ, почти чернымъ, пальцы судорожно схватились за перила каѳедры. На одинъ моментъ ему казалось, что онъ упадетъ въ обморокъ. Но онъ справился. И напрягая всю мощь своего громаднаго голоса, онъ началъ торжественно:

— Земной нашей радости, украшенію и цвѣту жизни, воистину Христа соратнику и слугѣ, болярину Льву . . . .

Онъ замолчалъ на секунду. А въ переполненной народомъ церкви въ это время не раздавалось ни кашля, ни шопота, ни шарканья ногъ. Былъ тотъ ужасный моментъ тишины, когда многосотенная толпа молчитъ, подчиняясь одной волѣ, охваченная однимъ чувствомъ. И вотъ, глаза протодіакона наполнились слезами и сразу покраснѣли, и лицо его на моментъ сдѣлалось столь прекраснымъ, какъ прекраснымъ можетъ быть человѣческое лицо въ экстазѣ вдохновенія. Онъ еще разъ откашлянулся, попробовалъ мысленно переходъ въ два полутона и вдругъ, наполнивъ своимъ сверхестествеинымъ голосомъ громадный соборъ, заревѣлъ:

. . . Многая лѣ-ѣ-ѣ-та-а-а-а.

И вмѣсто того, чтобы по обряду анаѳемствованія опустить свѣчу внизъ, онъ высоко поднялъ ее вверхъ.

Теперь напрасно регентъ шипѣлъ на своихъ мальчугановъ, колотилъ ихъ камертономъ по головамъ, зажималъ имъ рты. Радостно, точно серебряные звуки архангельскихъ трубъ, они кричали на всю церковь: «многая, многая, многая лѣта«.

На каѳедру къ отцу Олимпію уже взобрались: о. настоятель, о. благочинный, консисторскій чиновникъ, псаломщикъ и встревоженная дьяконица.

— Оставьте меня . . . Оставьте въ покоѣ, — сказалъ о. Олимпій гнѣвнымъ свистящимъ шепотомъ и пренебрежительно отстранилъ рукой отца благочиннаго. — Я сорвалъ себѣ голосъ, но это во славу Божію и его . . . Отойдите! . . .

Онъ снялъ въ алтарѣ свои парчевыя одежды, съ умиленіемъ поцѣловалъ, прощаясь, орарь, перекрестился на запрестольный образъ и сошелъ въ храмъ. Онъ шелъ, возвышаясь цѣлой головой надъ народомъ, большой, величественный и печальный, и люди невольно, со странной боязнью, разступались передъ нимъ, образуя широкую дорогу. Точно каменный, прошелъ онъ мимо архіерейскаго мѣста, даже не покосившись туда взглядомъ, и вышелъ на паперть.

Только въ церковномъ скверѣ догнала его маленькая дьяконица и, плача и дергая его за рукавъ рясы, залепетала:

— Чтоже ты это надѣлалъ, дуракъ окаянный! . . . Наглотался съ утра водки, нечестивый пьяница. Вѣдь еще счастье будетъ, если тебя только въ монастырь упекутъ, нужники чистить, бугай ты черкасскій. Сколько мнѣ пороговъ обить теперь изъ-за тебя, Ирода, придется. Убоище глупое! Заѣлъ мою жизнь!

— Все равно, — прошипѣлъ, глядя въ землю, дьяконъ. — Пойду кирпичи грузить, въ стрѣлочники пойду, въ катали, въ дворники, а санъ все равно сложу съ себя. Завтра же. Не хочу больше. Не желаю. Душа не терпитъ. Вѣрую истинно, по символу вѣры, во Христа и въ апостольскую церковь. Но злобы не пріемлю. «Все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку«, — вдругъ произнесъ онъ знакомыя прекрасныя слова.

— Дуракъ ты! Верзило! — закричала попадья. — Скажите на радость! Я тебя въ сумасшедшій домъ засажу —, порадуешься тамъ! . . . Я пойду къ губернатору, до самого царя дойду. . . Допился до бѣлой горячки, бревно дубовое.

Тогда о. Олимпій остановился, повернулся къ ней и, расширяя большіе, воловьи, гнѣвные глаза, произнесъ тяжело и сурово:

— Ну!?

И дьяконица впервые робко замолкла, отошла отъ мужа, закрыла лицо носовымъ платкомъ и заплакала.

А онъ пошелъ дальше, необъятно огромный, черный и величественный, какъ монументъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

